

Елена Артамонова

Механические МОНСТРЫ

День первый. РАЗБИТАЯ «ЗВЕЗДА»

Над вытоптанной площадкой в дальнем конце двора висела плотная стена пыли. Прошло минут сорок с того момента, как мы начали гонять мяч, и страсти на футбольном поле кипели нешуточные. Обойдя Мишку и Сережку, Артем приготовился ударить по воротам, но неожиданно остановился, с удивлением глядя в сторону улицы.

- Спасите! Спасите кто-нибудь! Он совсем близко!

Истошно крича, молоденькая, нарядно одетая девушка пересекла двор и выбежала на футбольную площадку, едва не сбив с ног нерасторопного Сережку Ивойлова. Затравленно озираясь, она оглядела толпившихся вокруг ребят:

- Сначала подкрадывается кошмар, а когда ужас становится невыносимым, приходит железный человек и обещает покой... Но не верьте сладким речам – стальные пальцы разорвут плоть, а взгляд мертвых глаз выжжет душу! Он близко, он пришел за мной!

- Она сумасшедшая...

- А может, прикидывается?

- Нет, точно сбежала из психушки, - перешептывались удивленные ребята.

Мы растерялись, никто не знал, как быть дальше, и только рассудительный Денис Подбельский вышел вперед и вежливо спросил:

-Скажите, мы можем вам помочь?

- Помогите себе... - девушка опустилась прямо на пыльную землю и зарыдала. – Что лучше – испытывать смертельный ужас или вообще не чувствовать ничего?

- Разрешите... - высокий светловолосый юноша отстранил толпившихся ребят и склонился над девушкой. – Успокойся, дорогая, все позади. Уйдем отсюда.

Крик застрял в горле несчастной, отшатнувшись, она с ужасом посмотрела на блондина, а потом решительно протянула руку:

- Вот! Возьми и будь проклят!

Он сжал ее ладонь и посмотрел в глаза... Странная девица поднялась, тщательно стряхнула пыль с одежды и как ни в чем не бывало пошла прочь.

- Все в норме, ребята, - улыбнулся следовавший за ней блондин. – Маленькая ссора на заре семейной жизни.

Случившееся мало походило на пустячное недоразумение, но нас явно не касалось. Обсудив странное происшествие, мы продолжили игру. Сперва ребята передвигались по площадке, как сонные мухи, но вскоре, увлекшись, стали с прежним азартом гонять мяч. Настал мой черед защищать ворота. Став между чахлыми березками, я приготовился отражать атаки хитрящего и изобретательного Артема Кононова, но вскоре вновь, в который раз, поддался на его провокацию – Артем легко обошел Подбельского, сделав вид, будто собирается передать мяч Сережке, а вместо этого неожиданно ударил по воротам... Я прыгнул, изо всех сил пытаюсь дотянуться до мяча, потерял равновесие и грохнулся на землю, пребольно ударившись рукой о бортик газона.

- Эй, Петька, ты свои часы видел? – поинтересовался пробежавший мимо меня Ивойлов.

Я посмотрел на запястье и поморщился – зрелище повергало в уныние. Старенькая «Звезда» разбилась всмятку – от стекла и стрелок не осталось и следа, циферблат погнулся и облупился, и корпус пересекали несколько глубоких царапин. Неожиданная гибель «Звезды» окончательно выбила меня из колеи, и, простившись с ребятами, я отправился домой.

Не замечая ничего вокруг, дед колдовал над ламповым приемником и очень удивился, увидев перед собой разбитые вдребезги часы:

- Зацепило осколком снаряда?

- Нет, просто поиграли в футбол...

- Понятно, - дед отложил паяльник, открыл крышку часов и долго рассматривал механизм. – Работенка не по мне, Петр. Беду может поправить только хороший мастер, да и то, если найдет подходящие детали. Скорее всего, придется дарить тебе новые часы, эти свое оттикали.

Давным-давно, снаряжая в первый класс, дед вручил мне старенькую «Звезду», пообещав, что она верой и правдой послужит и до выпускного бала, принося удачу и хорошие оценки. И вот, конец учебы только-только замаячил на горизонте, а надежный, не отстававший ни на секунду старичок-хронометр превратился в горстку металлолома.

- Деда, не знаешь, где находится ближайшая часовая мастерская?

Он назвал несколько адресов, и я отправился к рынку, где находился один из пунктов ремонта часов. К сожалению, прогнозы деда оправдались – ни там, ни в трех других мастерских никто не взялся чинить «такое старье». Выйдя из очередного полуподвальчика, я неторопливо шел по улице, прикидывая, как лучше добраться до следующей, расположенной на окраине города часовой мастерской.

Однако этим планам не суждено было сбыться – набежавшие откуда-то тучи быстро сгустились, погрузив город в неожиданные сумерки. Редкие крупные капли ударили по асфальту, а спустя мгновение на головы испуганных прохожих обрушился сильнейший ливень. Улицу озарила ослепительная вспышка, и над городом зарокотали раскаты грома – так началась первая в этом году гроза. Спасаясь от дождя, я нырнул в ближайшую подворотню и, прислонившись к стене, стал наблюдать за удиравшими от ненастья прохожими. Вскоре улица опустела, а подворотню залил бурный поток, который становился все шире, грозя затопить мои

новенькие кроссовки. Я начал озираться по сторонам в поисках более надежного убежища.

Оно оказалось совсем близко – небольшая, малоприметная дверца в боковой стене подворотни была чуть приоткрыта, будто приглашая заглянуть за ее створку. Находившаяся за дверью неосвещенная лестница вела вниз, в подвал. Заметив полоску света, я бодро спустился по ступенькам, пару раз стукнул по дверному косяку и, не дождавшись приглашения, вошел внутрь.

А за порогом меня накрыла волна непонятных звуков: в шуршание, щелканье и хрип один за другим начали вливаться мелодичные голоса колоколов. Хор звучал все громче, многоголосый перезвон заполнил комнату, разрывая ее изнутри. Потом все стихло, и лишь одни запаздывающие часы неторопливо отсчитывали необходимое число ударов.

- Кажется, я попал куда хотел!

- Разумеется, молодой человек, случайные люди к нам не заходят... - из-за уставленных всевозможными часами стеллажей вышел высокий, похожий на Кощея Бессмертного старик. – Что желаете? Купить? Продать? Отремонтировать?

- Отремонтировать, - я достал из кармана «Звезду», - если, конечно, это возможно. Ни в одной мастерской нет запасных частей – их очень давно сняли с производства.

- Лениость и праздность! Хороший мастер сумеет изготовить любую деталь механизма, но в данном случае этого может и не потребоваться – у меня много запчастей к снятым с производства моделям.

Часовщик надвинул на глаз лупу и занялся «Звездой». Стараясь не отвлекать его от работы, я отошел в сторонку и огляделся. Вытянутое помещение без окон перегораживали несколько рядов стеллажей, напоминавших библиотечные книжные полки. На них стояли десятки, а может быть, и сотни украшенных позолотой и фарфоровыми статуэтками старинных часов. Помимо стеллажей, часы размещались и на стенах. Одну их них полностью занимали отделанные затейливой резьбой ходики с гирями в виде еловых шишек. В подвальчике было душно, холодно и тревожно. Размеренное, неутомимое тиканье механизмов напоминало шуршание жуков-точильщиков, подтачивающих само Время...

- Сломались оба балансира, - раздался негромкий голос часовщика, - пострадали узел крепления стрелок и циферблат. Заходите завтра, молодой человек, все будет исправлено.

- А это дорого? – спросил я.

- Нет-нет, для школьников у нас существенные скидки. Пожалуй, вам пора - в юном возрасте лучше находиться на земле, чем под землей, особенно в такую чудесную погоду.

Мне не удалось сообщить часовщику о разыгравшейся грозе – он с неожиданной для такого преклонного возраста скоростью скрылся за рядами стеллажей. Настало время уходить. Я пошел к двери, спиной ощущая пристальные и недоверчивые взгляды лиц-циферблатов... А наверху вовсю сияло солнце, отражаясь в бесчисленных лужах и каплях, повисших на молоденьких листочках.

Быстрым шагом продвигаясь в сторону дома, я перепрыгивал через лужи, насвистывал под нос какой-то мотивчик и чувствовал себя вполне счастливым человеком.

- Толкачев! Петька! – навстречу мне шли Сережка Ивойлов и Арина Иванова.

- Можно подумать, что сегодня пятница, тринадцатое, - подойдя ближе, посетовал Ивойлов. – Леша сказал, что видел «Шанхайский полдень» в привокзальном киоске, я рванул туда через весь город, но, как оказалось, напрасно – последнюю кассету продали за пять минут до нашего с Ариной появления. А тут – гроза...

- Не понимаю, как можно верить в приметы? – тряхнула золотистыми, обрезанными по плечи волосами Арина. – Чертова дюжина, черная кошка, баба с пустым ведром – каменный век! Лично у меня день рождения как раз тринадцатого числа.

Арина Иванова была необычной девчонкой. В отличие от большинства представительниц девичьего племени она прекрасно разбиралась в технике, не любила сплетничать, хорошо играла в футбол и охотно принимала участие в самых рискованных приключениях и авантюрах. Короче, Арина производила неизгладимое впечатление, особенно когда характерным жестом поправляла свои пышные волосы или в ее потрясающих зеленых глазах загоралась лукавая искорка смеха. Мы познакомились в магазине «Рыболов» - она попросила помочь выбрать леску для спиннинга. Я очень удивился, увидев у витрины с рыболовными снастями девчонку, но потом оказалось, что рыбалка – еще одно давнее увлечение Арины.

- Толкачев! Эй! Не спи на ходу! Знаешь, я, кажется, в восьмой раз спрашиваю, какой ветер занес тебя в эти края?

- Только в четвертый, - заметила любившая точность Арина.

- Искал часовую мастерскую. Помнишь, утром я разбил часы? Никто не брался их чинить, а дождь привел меня к очень хорошему мастеру.

- Здорово! Эх, мне бы так везло... - вздохнул Сережка.

- Ты о фильме?

- Для кого-то это просто кино, а для меня... «Шанхайский полдень» - новая работа Джеки Чана! Но-ва-я!

Сережка Ивойлов был давним фанатов фильмов с восточными единоборствами вообще, а с Джеки Чаном в частности и относился с излишней серьезностью ко всему, связанному с этой темой. Посочувствовав его неудаче, я собрался сменить тему разговора, но неожиданно вспомнил об одном весьма интересном для Сережки событии.

- Говорят, Барышева заполучила на время чуть ли не сорок кассет с новыми фильмами и страшно разочарована – половина из них гонконгские боевики. Может, там есть и этот «Полдень».

Сережкины глаза засияли, и он тут же предложил навестить Барышеву. Расходиться по домам не хотелось, и решено было немного прогуляться, а

заодно заглянуть в гости к Виктории. Примерно через полчаса наша компания уже стояла у дверей ее квартиры, а Сережка настойчиво, раз за разом нажимал на кнопку звонка.

- У нас что – пожар? – улыбнулась возникшая на пороге Светка Акулиничева. Увидев Арину, она сразу помрачнела и сухо добавила: - Проходите, Вика в гостиной.

Арина, до последнего времени жившая на другом конце города, вошла в нашу компанию около двух месяцев назад и очень быстро сдружилась со всеми, за исключением Светы. Они не ладили из-за того, что Светлана считала себя ясновидящим медиумом и очень не любила, когда к ее увлечению относились скептически, а Арина ни на грош не верила в ее сверхъестественные способности.

Обменявшись последними новостями, мы разбрелись по углам гостиной. Позабывший об остальном мире Ивойлов устроился возле телевизора, разбирая кассеты. Вика расположилась на тахте рядом с Ариной и начала оживленно рассказывать о своих успехах в изучении итальянского, а я занялся починкой старого, издававшего виды фена Барышевой. Не без труда выяснив, где Викин отец хранит инструменты, я устроился у окошка и взялся за работу. Недовольная появлением Арины Акулиничева взялась быть моим ассистентом, старательно, но бестолково подавая отвертки, плоскогубцы и прочие инструменты, в названиях которых она сильно путалась.

- Ах, Арина, оказывается, в итальянском языке многие слова похожи на русские, - рассказывала Барышева. – Некоторые произносятся совсем как наши – «мода», «драмма», «кандидатура», а некоторые немножко искажаются и звучат особенно смешно, например, вместо «церемония» итальянцы говорят «черемониа», а цифру называют «чифра». Но стоило мне взяться за изучение языка серьезно, как сразу стало не до смеха, казалось,

запомнить все эти безударные местоимения и неправильные глаголы просто невозможно. Только съездив в Италию на каникулах, я стала чуть-чуть говорить по-итальянски.

- Вика, почему ты изучаешь язык, который, скорее всего, тебе не понадобится? – удивился я. – Лучше бы налегла на английский, сейчас без него никуда...

- О, тут прошлой зимой случилась таинственная история, с нее все и пошло. Оказалось, что в моем роду есть итальянец, очень талантливый художник, родившийся почти двести лет назад. Он сообщил совершенно потрясающие...

- Сообщил? – фыркнула Арина. – Никогда не думала, что люди могут жить по двести лет!

- Нет, конечно! Он умер молодым из-за несчастной любви, его душа не нашла покоя, и этот одинокий призрак столетиями скитался по земле, пока не встретил меня. А потом мы разыскали его останки и похоронили на священной земле. Правда! Спроси у Петьки, Сережки, Светки – они все там были и разговаривали с ним, как я сейчас говорю с тобой! – Вика замолчала, а потом грустно вздохнула. – Иногда я думаю, что было бы, живи этот человек в наше время... Знаешь, он производит потрясающее впечатление – высокий, красивый, загадочный, с печальным взглядом темных, как ночь, глаз. У меня остался его рукописный дневник, и я решила изучать итальянский, чтобы прочесть текст.

- Вика, это очень романтическая история, но, согласись, надуманная. Привидений не бывает, следовательно, общение с ними невозможно.

Наверное, ты просто нашла записи и представила, как могли развиваться события...

- Нет!

Барышева сверкнула глазами и с жаром начала доказывать свою правоту. Арина не прерывала ее пылких речей, но чувствовалось, что она не верит ни единому Викиному слову. Я хорошо понимал скептицизм Арины, поскольку и сам до недавнего времени не верил в чудеса. Однако приключения, которые нам всем довелось пережить, несколько изменили мое отношение к сверхъестественному. Я хотел заступиться за Викторину и подтвердить правдивость ее рассказа, но не успел.

Лежавший на подоконнике полуразобранный фен неожиданно загудел, и его лопасти закружились с бешеной скоростью. Мне удалось отдернуть руку, но их края все же полоснули по ладони. Брызнула на паркет кровь, завизжала стоявшая тут же Акулиничева, а я судорожно сжал руку, боясь посмотреть на свою рану.

- Разожми пальцы и не дергайся, - раздался над ухом невозмутимый голос Арины. – Царапина пустяковая, сейчас мы ее продезинфицируем и перебинтуем.

Она аккуратно, виток за витком накладывала бинт, а я недоумевал, как мог допустить грубейшую ошибку, взявшись ремонтировать включенный в сеть электроприбор. Впрочем, я отлично помнил, что, проверив работу фена, выдернул шнур из розетки и положил его конец на подоконник, рядом с ящиком для инструментов.

- Света, ты случайно не включала фен?

- Нет-нет! – испуганно замотала головой Акулиничева. – Честное слово, Петя, я к нему и близко не подходила!

Тем временем Ивойлов закончил разбирать кассеты и засобиравшись домой, так и не обнаружив заветный «Шанхайский полдень». Пора было расходиться и остальным. Простившись с Викой, Светка, Сережка, Арина и я гурьбой вышли из подъезда и направились по своим домам.

Смеркалось. Открыв ключом дверь, я вошел в квартиру. Свет нигде не горел – родители еще не вернулись с работы, а дедушка, вероятно, дремал у телевизора. Длинные тени пересекали прихожую и сгущались по углам, становясь пятнами чернильного мрака. Где-то в соседней квартире протяжно и тоскливо гудели трубы. Повесив куртку и сняв ботинки, я уже выходил из прихожей, когда краем глаза засек движение позади себя. В какой-то миг мне представилось, что висевшая на вешалке куртка зашевелилась, медленно приподнимая пустые рукава. Должно быть, небрежно повешенная на крючок, она смещалась под действием собственной тяжести. Я повернулся, собираясь идти в комнату, и мрачный злобный взгляд уперся прямо в мой затылок – за спиной не было никого, и только пуговицы маминого плаща поблескивали в полутьме прихожей.

Вечер прошел за телевизором и уроками, а вскоре после ужина я отправился спать. Но сон не приходил, вместо него в душу стал вползать необъяснимый страх. О чем можно было тревожиться, лежа в собственной кровати в собственном, знакомом с детства доме?! Какая беда скрывалась в ночных сумерках?! Открыв глаза, я приподнял голову с подушки и осмотрелся. В комнате ничего не изменилось, вещи стояли на привычных

местах, освещенные слабым мерцанием уличных фонарей, но даже негромкое тиканье кварцевого будильника звучало непривычно и зловеще. А потом я обратил внимание на тень в углу комнаты. Без сомнения, она скрывала темную, похожую на человеческую фигуру. Именно оттуда, из самой глубины мрака, на меня был направлен тяжелый немигающий взгляд. Струйки холодного пота потекли по вискам, внутри все похолодело и сжалось. Сами собой пришли на ум слова безумной девушки, выбежавшей этим утром на наше футбольное поле: «Когда ужас станет невыносимым, за тобой придет железный человек. Его стальные пальцы разорвут твоё тело, а мертвые глаза выжгут душу!» Тихая паника становилась все сильнее, взгляд черного пришельца невыносимей...

Неужели это конец? И тут внезапно я вспомнил, что безмолвный ночной гость являлся ко мне и раньше. Давным-давно, еще до школы, он так же каждую ночь входил в спальню, а я кричал, кричал, кричал, пока не прибегала испуганная мама. Она включала свет, и молчаливый пришелец превращался в мою собственную, висевшую на вбитом в дверь крючке, одежду.

Воспоминания детства вернули к реальности. Я решительно встал, зажег свет, посмотрел на часы. Кошмар длился не более пятнадцати минут, и это удивило – казалось, пришедшие из детства страхи растянулись почти на полночи. Понимая, что веду себя как ребенок, я подошел к висевшей на том же крючке одежде и осмотрел ее. Джинсы, рубашка и свитер выглядели безобидно и по-домашнему, совсем не напоминая зловещего монстра, приходившего по мою душу.

Но как только в комнате погас свет, все началось сначала – одежда зашевелилась, а потом медленно вышла из тени, протягивая ко мне пустые рукава... Забравшись с головой под одеяло, я мечтал об одном – вырубиться, заснуть, отключиться, исчезнуть, лишь бы только не чувствовать присутствия злобного, безжалостного чудовища, пришедшего к нам из иного мира.

День второй. НАПУГАННАЯ ОТЛИЧНИЦА

Уютный запах какао наполнял кухню. Папа уходил на работу на час раньше остальных, и за столом сидели только дед и мама. Когда я потянулся за хлебом, она встревоженно спросила:

- Петя, как твоя рука? Не болит?

- Все в норме.

- Нет. Посмотри – на бинте кровь. Надо сменить повязку.

После завтрака мама разложила на столе бинты, баночки с йодом и зеленкой и занялась медицинскими процедурами. Ее просто ужаснул вид глубокой незаживающей царапины, и она, не медля, собралась идти со мной в травмопункт.

- Подумать только, Петя поранился еще вчера днем, а кровь совсем не свертывается – капает и капает. Надо что-то делать!

- Спокойно, Алла, не впадай в панику, - дед осмотрел мою ладонь и усмехнулся. – До свадьбы это ранение как пить дать заживет. Гарантирую.

Ободренный таким напутствием, я поторопился отправиться в школу. Утро выдалось прохладным, многие пришли в верхней одежде. В школьном вестибюле было многолюдно. От неожиданного толчка мне едва удалось устоять на ногах – энергично расталкивая собравшихся у входа в раздевалку, оттуда выскочила Танька Панкратова. Даже не подумав извиниться за свое странное поведение, она вихрем умчалась прочь.

- Что это с нашей отличницей? – потирая ушибленную руку, поинтересовался Денис Подбельский. – Создается впечатление, будто красу и гордость школы преследует целый выводок чертей.

Пожав плечами, я пошел в раздевалку, намереваясь повесить ветровку. Веселый гомон в вестибюле неожиданно стих, а сердце сжало предчувствие неотвратимой беды. Обычная школьная раздевалка преобразилась, превратившись в логово неведомых чудовищ. Пуговицы модного полупальто рассматривали меня в упор, оценивая и проверяя на прочность... Рукава нескольких курток зашевелились и потянулись к шее... Решительно стряхнув наваждение, я вышел прочь, стараясь не думать о пришедшем из детства и не в меру затянувшемся кошмаре.

А странное поведение Татьяны Панкратовой продолжало обращать на себя внимание и в классе. Бледная, осунувшаяся, она не реагировала на веселые реплики одноклассников и испуганно озиралась по сторонам, будто высматривала подстерегавшего ее наемного убийцу. Заметив испуг подруги, к ней подошла Светка Акулиничева, и они долго шепотом переговаривались между собой. Прозвенел звонок. Вспомнив о собственных проблемах, я открыл учебник, наскоро освежая в памяти подробности биографии Булгакова.

- Панкратова!

Пребывавшая в добрейшем расположении духа Нина Даниловна решила сделать себе подарок, вызвав к доске любимицу учителей Татьяну Панкратову. Будучи круглой отличницей, Танька могла с ходу заработать пятерку по любому предмету, а в гуманитарных науках ей вообще не было равных. Нина Даниловна приготовилась выслушивать блестящий доклад, а Панкратова все медлила, рассеяннo вертя в руках кусочек мела. Наконец она тихо произнесла:

- Нина Даниловна, я не выучила урок.

От неожиданности старая учительница чуть не уронила на стол сползшие с носа очки и удивленно спросила:

- Ты нездорова?

- Просто... Простите... Я все пересдам, только не ставьте в журнал. Честное слово...

-Договорились. Садись! Мел-то положи! – крикнула она вслед поспешно удалявшейся Таньке. – Бартеньева, к доске!

Панкратова положила на место кусочек мела, который сразу привлек мое внимание – на его белоснежной поверхности расплылось небольшое красное пятнышко. Присмотревшись повнимательней, я заметил, как из-под пластыря, которым был обмотан указательный палец Татьяны, выступали маленькие капельки крови.

Поговорить с Панкратовой о странных кровотокающих царапинах мне так и не удалось. Сославшись на головную боль, она ушла домой после первого урока. Я хотел было обсудить случившееся с ее ближайшей подружкой Светой, но не нашел подходящего момента, с головой уйдя в повседневные школьные проблемы.

Уроки прошли без происшествий, зато, когда настало время спускаться в раздевалку, по коже пополз неприятный холодок. Мысленно обзывая себя трусом и паникером, я решительно пошел между рядами висевшей на вешалках одежды, невольно вздрагивая от каждого ее прикосновения. Неожиданное мягкое, ласковое похлопывание по плечу стало последней каплей – мои нервы сдали окончательно, и посещение раздевалки завершилось позорным бегством «с поля боя». Только выбравшись на улицу, я понял, что веду себя не лучше напуганной неведомо чем Татьяны Панкратовой.

Не заходя домой, я отправился в мастерскую забрать отремонтированную старым часовщиком «Звезду». Не без труда отыскав среди бесчисленных пересечений центральных улочек нужную подворотню, я спустился в подвал. Дверь в мастерскую была открыта, но сам часовщик отсутствовал. Пребывание в замкнутом полутемном помещении, наполненном непрекращающимися назойливыми шорохами, превратилось для меня в настоящую пытку. Особенно действовало на нервы тиканье «жуков-точильщиков», незаметно, но неотвратимо сокращавших людские жизни...

- Все готово, молодой человек. Распишитесь в квитанции. Деньги заплатите мне.

Тощий старик вышел из глубины мастерской и положил на конторку выглядевшую не хуже новой «Звезду».

- Пришлось поменять циферблат, - пояснил он.

- Спасибо, - я поднес часы к уху – они тикали звонко и четко, совсем как раньше. – Спасибо. Эти часы подарил мне дедушка, и я ими очень дорожу. Они никогда не отстают и не убегают.

- Да, молодой человек, часы – настоящий друг человека. Они говорят правду, как быстротечна человеческая жизнь и как ужасен ее конец. Скажите, вам приходилось открывать заднюю крышку часов?

- Да. Я знаю, что это не рекомендуется, но наблюдать, как крутятся все эти колесики и качается вилочка, очень увлекательно. Они такие... деловые и веселые, что ли...

- Вы любите технику, молодой человек?

- Никогда об этом не задумывался... - чем больше я говорил с часовщиком, тем спокойнее становилось на душе. Все страхи остались за дверью мастерской, тиканье механизмов уже не тревожило, а успокаивало. – Пожалуй, мне нравится техника. Когда чинишь какой-нибудь механизм, всегда можно найти причину поломки. В машине нет лишних деталей, она рациональна и потому предсказуема. Не надо гадать на кофейной гуще или тыкать пальцем в небо. Признаюсь, я не люблю то, что не могу объяснить.

- Милый юноша, вы говорите моими словами! – расплылся в улыбке часовщик. – Позвольте узнать ваше имя?

- Петя. Петр Толкачев.

- Очень приятно. В знак дружбы позволю себе перейти на «ты». Называй меня Дмитрий Дмитричем или просто Часовщиком. Скажи-ка, дорогой Петя, тебе никогда не хотелось оживить старые часы?

- Вообще-то я люблю чинить сломанные вещи, но вот часы пока не приходилось.

- Хочешь попробовать?

- Не знаю, так неожиданно...

- Нет-нет, Петя, это ни к чему не обязывает. Просто иногда, когда выпадает свободная минутка, заглядывай ко мне. Я, кажется, нашел в твоём лице родственную душу, а это очень важно. У тебя особый дар, часы его оценят в полной мере. Хочешь начать прямо сейчас?

- Сейчас, Дмитрий, Дмитрич, не выйдет в любом случае, - я продемонстрировал перебинтованную ладонь. – Почти сутки назад поранился, а она и не думает заживать. Ручку и ту держать сложно.

- Покажи-ка.

Жесткие пальцы с неожиданной силой сжали мое запястье. Старик снял повязку, вооружился лупой и долго рассматривал рану:

- По-моему, все в порядке. Царапина, конечно, глубокая, но уже начала затягиваться. Через пару дней, а то и раньше перестанет беспокоить. Если же вновь начнет кровоточить – помажь перекисью водорода, это отличное кровоостанавливающее средство.

- Спасибо, я обязательно приду к вам, как только смогу.

Простившись с Дмитрием Дмитричем, я галопом пронесся по лестнице, вылетел из мастерской и едва не рассмеялся – такими нелепыми показались мне собственные страхи и выползшие из детства кошмары. Несмотря на мелкие осложнения, жизнь все же была прекрасна и удивительна!

- Петя! – сидевшая у подъезда Акулиничева поднялась, торопливо пошла навстречу. – Я тебя в школе упустила, пришлось дожидаться здесь. Нужен твой совет.

Мы прошли на детскую площадку и оккупировали пустовавшие качели. Светлана начала рассказ:

- Я еще в школе хотела об этом поговорить, но побоялась – вдруг разговор подслушает кто-то из девчонок и начнутся сплетни. Во-первых, с Татьяной происходит нечто странное, а во-вторых, у меня опять были видения.

Мне удалось сдержать улыбку. С недавних пор Светка вообразила, что способна видеть прошедшие, грядущие и происходящие за много километров от нее события. В принципе я допускал, что особо восприимчивые люди могут улавливать недоступную другим информацию, но видения Светки скорее можно приписать ее воображению, слишком яркими и фантастическими они оказывались.

- Все началось несколько дней назад, - сидевшая на качелях Акулиничева оттолкнулась ногой от земли и начала раскачиваться. – Сам знаешь, как ответственно Татьяна относится к учебе, не припомню случая, когда бы она не выучила урока.

- Быть с первого класса отличницей – ко многому обязывает.

- Именно. И вот, захожу я к ней в гости, а Татьяна, вместо того, чтобы готовиться к зачету по истории, сидит с ногами на кровати и кутается в одеяло. Я подумала, что она нездорова, но на самом деле все оказалось еще хуже.

- Что может быть хуже болезни?

- Страх. Оказывается, с недавних пор Таня стала бояться темноты, пустых комнат и даже собственной одежды. «Вещи хотят моей смерти. Полотенце в ванной обвивает шею, стремясь задушить, вилка хочет пронзить горло, а под половицами поджидает пропасть, дно которой покрывает толстый слой шуршащих насекомых», - созналась она. Я просто обалдела, когда такое услышала. Потом Таня показала на собственный висевший на

вешалке халат и заявила: «По ночам он превращается в человека и часами стоит над моей кроватью. То, что он хочет со мной сделать, хуже смерти».

- Ее пугает одежда? – на миг прежние страхи вновь завладели моим сознанием.

- Ах, Петя, ее страшит все, и чем дальше, тем больше! Таня стала такой нервной, раздражительной, и я просто не знаю, как ей помочь. – Акулиничева прыгнула с качелей. – Ладненько, меня заждалась художественная школа. До встречи.

- Подожди! Ты упоминала какие-то видения.

- Пустое. Разве они могут заинтересовать человека, не верящего в мой дар ясновидящей?

- Просто я отношусь к нему со здоровым скептицизмом, но не отрицаю полностью. Твои «откровения» как-то связаны с Панкратовой?

- Не совсем... - Светка вновь устроилась на качелях. – Просто образы возникают, когда Татьяна находится поблизости. Обычно видения приходят во время сна, когда сознание отключается, а душа бродит неведомо где. Но сейчас все происходит совсем иначе. Сейчас это напоминает гадание по стеклу...

- Света, мне не понять, чем отличается гадание по стеклу от гадания на кофейной гуще.

- Между прочим, здесь нет ничего смешного. Кто умеет, тот увидит будущее и на дне кофейной чашки.

- Молчу, молчу.

- Во время гадания по стеклу всматриваются в полированные или светящиеся поверхности, - учительским тоном просветила Акулиничева, - пока не впадут в транс или не узреют желанный образ. Так вот... Я совершенно случайно заметила в зеркале необычный отблеск и, присмотревшись, увидела нечто. Более детально это удалось рассмотреть в графине с водой.

- И что в нем плавало?

- Петя, ты сам спросил о видениях.

- Свет, со стороны такие речи звучат довольно странно, сама понимаешь.

- Хорошо. Видение сперва напомнило мне сверкавшее на солнце море – много-много трепетных золотых огоньков, сливающихся в огненное покрывало. Присмотревшись, я поняла, что вижу очень пологие, покрытые ослепительно белым снегом холмы, усеянные тысячами, да что там, десятками тысяч горящих свечей, и черное беззвездное небо над ними. Красивое зрелище и жуткое.

- И?

- Все. Вскоре образ померк и растаял.

- Ты думаешь, видение как-то спровоцировала Панкратова?

- Может быть, - Акулиничева посмотрела на свои изящные часики. – Мне в самом деле пора. До свидания, Петя.

- Пока.

Явно опоздавшая на свои занятия Светка быстро исчезла из поля зрения. Поднявшись с качелей, я подошел к подъезду, нажал кнопки кодового замка.

- Стой! – На дорожке, ведущей к дому, стоял светловолосый парень с приятным, но незапоминающимся лицом. – Дай руку!

- Мы знакомы?

- Дай руку, кому говорят! – Грубиян подошел ко мне вплотную и положил на плечо тяжелую ладонь. – Ну!

- Отстань!

Я попытался открыть дверь. Парень грубо схватил меня за запястье и сорвал с ладони повязку. На какой-то миг наши глаза встретились – во взгляде блондина было что-то стеклянное, неживое. Внимательно осмотрев мою царапину, он развернулся и невозмутимо зашагал прочь.

Пообедав, я повесил на шею фотоаппарат и отправился на поиски сюжетов. Многие в классе посмеивались над моим увлечением «допотопной» черно-белой фотографией, но мне казалось, что проявлять пленку и печатать фотографии самому намного интереснее, чем просто щелкать затвором и получать на следующий день готовые снимки. Вспомнив, что Вика Барышева просила запечатлеть ее на фоне городских достопримечательностей, дабы отправить эти снимки своим итальянским приятелям, я решил выполнить эту просьбу.

Вторую половину дня Вика обычно проводила на площади около закрытого на вечный ремонт кинотеатра, где тусовались собравшиеся со всего города фанаты роликовых коньков. Так было и сегодня – лавируя между проносившимися мимо ребятами, я еще издали заметил восседавших на ступенях кинотеатра Викторию и Арину.

- Девчонки, не хотите поработать фотомоделями?

- Спрашиваешь! – обрадованная Вика тут же вскочила и чуть было не сорвалась со ступенек, начисто позабыв о надетых на ноги коньках. – Подождите меня, я сгоняю домой переодеться!

- Мы будем ждать у твоего подъезда, - предложила Арина.

- Хорошо!

Лихо вписавшись в поворот, Барышева умчалась вниз по улице. Мы с Ариной пошли следом.

- А я не люблю фотографироваться, - заметила Иванова. – Бабушка говорила – кто много снимается, тот мало живет. Фотопленка будто ворует жизнь.

Признаюсь, я не ожидал от рассудительной, не верящей в чудеса Арины такого заявления. Заметив мой недоумевающий взгляд, Арина пожала плечами:

- Знаю, это звучит странно, но бабушка фотографировалась только на паспорт и прожила до девяноста семи лет, а моя тетя была подающей надежды киноактрисой и погибла в двадцать пять.

- Актрисой? А где она снималась?

- В небольших ролях. Тетя не успела достичь известности.

За разговорами мы незаметно подошли к дому Барышевой и теперь, устроившись на скамейке, ожидали ее появления.

- Арина, как ты думаешь, на каком фоне лучше всего снимать Вику? – спросил я.

- Прямо глаза разбегаются. В старых городах столько всего необычного... - Она задумалась. – Может быть, у крепостной стены? Не зря ее печатают на открытках, она вроде нашей визитной карточки.

- Или у пушек, - предложил я.

- В общем, в парке, - заключила Арина.

- Ну как? – из подъезда выпорхнула покрытая толстым слоем косметики Барышева. – Может, мне еще немного поддурманиваться?

Я воздержался от обсуждения «боевой раскраски», опасаясь испортить фотомодели настроение, а Арина не удержалась от советов, последовав которым, на мой взгляд, Вика превратилась бы уже в полное страшилище. Поэтому мы все вместе отправились к Центральному парку культуры, где сохранился фрагмент небольшой стены, построенной более семисот лет назад и с той поры не раз защищавшей наш город от многочисленных вражеских набегов.

- Ребята, вы куда собрались? – окликнула нас нагруженная тяжелым этюдником Акулиничева.

- Петя будет меня фотографировать, отозвалась Вика.

- А я с пленэра. Знаете, эту стену, наверное, миллион раз рисовали и еще столько же нарисуют. Пейзаж и в самом деле живописный, но здорово поднадоел.

Как-то само собой получилось, что Света составила нам компанию и отправилась вместе со всеми обратно в парк. Его вход охраняли две старинные наполеоновские пушки, сразу привлечшие внимание девчонок. Барышева решила позировать на фоне трофейного оружия, прислонилась к стволу пушки и улыбнулась:

- Снимай, Петя.

Щелкал затвор. Вика принимала кокетливые позы, продолжая ослепительно улыбаться... Я чуть повернулся и увидел в видоискателе стоявшую поодаль Арину. Высокая, гибкая, с необыкновенными золотистыми волосами, она замерла в непринужденной позе, глядя куда-то вдаль. Упустить такой кадр было бы настоящим преступлением. Увидев, что ее фотографируют, Арина предостерегающе подняла руку:

- Петя, я тебя об этом не просила.

- Прости, но ты смотрелась просто потрясающе.

Она улыбнулась, характерным жестом поправила золотистые волосы:

- Хорошо. Думаю, несколько кадров не сильно сократят мои дни.
Девчонки, идите сюда!

- Ой, девочки, я не покрашена и одета так себе, - попыталась возразить Акулиничева, - давайте в другой раз...

Несмотря на протесты Светки, Арина обняла ее за плечи и поманила к себе Барышеву:

- Мы готовы.

- Улыбочку! – мои слова заглушили раскаты грома. Я торопливо несколько раз подряд нажал на спусковую кнопку. – Пойдемте скорее к стене, а то до дождя не управимся.

Ливень застал нас на полпути. Взвизгнув, девчонки опрометью бросились к укрытию – небольшим полукруглым нишам, зачем-то прорубленным в основании крепостной стены. Дождь барабанил по мощенной плитам дорожке, и холодные брызги то и дело залетали в наше убежище.

- Покажи фотоаппарат, - попросила Арина.

Я протянул повидавший немало приключений «Зенит» с зеркальным объективом:

- Все в нем здорово, только перемотка барахлит с самого начала. Наверное, заводской брак.

- Сейчас посмотрим. Не волнуйся, я в этом немного разбираюсь. – Арина начала внимательно рассматривать фотоаппарат. – Видишь винтик под рукояткой обратной перемотки, попробуем его ослабить. Жаль, отвертки нет...

Я протянул перочинный ножик со множеством лезвий и других полезных приспособлений – еще один подарок моего деда.

- Подержи. – Арина передала аппарат Акулиничевой и занялась поиском подходящей отвертки.

- Ой! – бестолковая Светка ухитрилась нажать на защелку, открывавшую крышку фотоаппарата. Вместо того, чтоб захлопнуть ее как можно скорее, Акулиничева, как замороженная, смотрела на загубленную пленку, и повторяла: - Честное слово, я ничего не трогала, она сама, сама открылась!

Барышева побледнела и поджала губы. Опасаясь бурной девичьей ссоры, я обещал потратить на Викторию целую пленку, и это ее несколько успокоило. Однако настроение у всех оказалось испорченным, и, как только кончился дождь, мы быстренько разошлись по домам.

День третий. ЧАСОВЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Детские кошмары больше не преследовали меня, и я переключился на более важную проблему – намеченный на сегодня зачет по химии. Напряжение нарастало постепенно, и к большой перемене, отложив привычные дела, почти все ребята занялись изучением конспектов и учебников. Я сидел на подоконнике и просматривал тетрадь, когда услышал голос Сережки Ивойлова:

- Панкратова, дай списать задачки!

Стоявшая тут же Татьяна поинтересовалась:

- Ты не выучил урок?

- Не успел. Мы с ребятами дотемна гоняли мяч. 56:48 в нашу пользу.

- Следовательно, ты проигнорировал свои прямые обязанности. – Большие светло-голубые глаза Панкратовой смотрели в упор, не выражая никаких чувств. – Сергей, я не дам тебе списать, ведь это противоречит правилам поведения в школе. Каждый должен получать те отметки, которые заслужил, а не пользоваться чужими знаниями.

- Шутишь...

Но Панкратова не шутила. Отстранив оторопевшего Ивойлова, она величественно проследовала в класс. Крутившаяся поблизости Светка многозначительно повертела пальцем у виска и вполголоса пояснила:

- Она с утра такая.

Поведение Татьяны удивляло. Хотя она и была круглой отличницей, но никогда особо не задавалась и в помощи страждущим не отказывала.

- Сережка, тебе моя работа не подходит? Правда, она далека от совершенства, но...

- Спасибо, Петька, - обрадовался Ивойлов и тут же испуганно вздрогнул от прозвеневшего над ухом звонка.

Пережив зачет и оставшиеся уроки, я сбегал домой, наскоро перекусил, а потом отправился в удивительную мастерскую Дмитрий Дмитрича. Подвальчик встретил меня приветливым перезвоном колоколов и улыбчивыми лицами циферблатов. Старик сидел, склонившись над разобранным механизмом, и в руке у него поблескивал бронзовый пинцетик. Не поднимая головы, мастер произнес:

-Входи, Петя. Рад тебя приветствовать в моей скромной обители.

Только теперь я как следует рассмотрел старого часовщика. Пожалуй, он сильно смахивал на ожившую мумию – высокий, жилистый, с венчиком седых волос вокруг лысины и слишком хорошо сохранившимися для его возраста крупными зубами. Должно быть, он носил вставные челюсти. А еще обращало на себя внимание старинное кольцо с черно-красным камнем, надетое на указательный палец левой руки Дмитрий Дмитрича...

- Да, я очень стар, мой мальчик, - будто прочитал мои мысли Часовщик. – Смешно, но хороший хронометр моего возраста может отлично функционировать, а я, увы, сдаю на глазах. Металл долговечней плоти, так заведено.

Я стоял, не зная, что ответить, а старик, помолчав, продолжил:

- Мой прадед, дед и отец были часовых дел мастерами, и я с радостью пошел по проторенному ими пути. Я знал, кому подражать и у кого учиться. Дед обладал огромным талантом. Он создавал удивительные механизмы, равных которым не было ни в России, ни в Европе. Этот человек мог наделять металл особой механической жизнью... Увы, дед родился не в свое время. Его талант оказался не нужен советской власти, и остаток жизни он провел, ремонтируя будильники и ходики!

Взволнованный собственным рассказом, старик поднялся из-за стола, бодрой, но какой-то расхлябанной походкой прошелся по мастерской:

- Дед научил меня избегать легких путей, научил стремиться к своей цели, которая может оказаться важнее собственной жизни. В нашем роду из поколения в поколение передавалась легенда о его основателе – гениальном часовом мастере, который создал часы, способные подчинить человеческой воле само время. Он хотел победить смерть, а заплатил за свое

творение жизнью – его растерзала толпа безумных фанатиков. В юности мне часто приходила на ум эта печальная история. Знаешь, о чем я думал, когда рассматривал собранные дедом автоматы?

- Нет... - пробормотал я, жалея, что пришел сюда и вынужден выслушивать тирады странного распалившегося старика.

- Есть ли предел совершенству? Можно ли создать автомат, неотличимый от человека? Я шел к ответу на этот вопрос всю жизнь... Следуй за мной, мой мальчик! – неожиданно скомандовал старик и скрылся между рядами стеллажей.

- Дмитрий Дмитрич... - Не дождавшись ответа, я осторожно, боясь задеть стоявшие на полках часы, прошел вглубь оказавшегося довольно длинным подвальчика. – Дмитрий Дмитрич!

- Я здесь, - донеслось из сумрачного закоулка. – Ваш город очень стар, а людская память коротка. На этом месте стоял мужской монастырь, его подвалы сохранились и по сей день.

- Дмитрий Дмитрич отодвинул стеллаж, скрывавший плотно пригнанную к стене дверцу. Отворив ее, Дмитрий Дмитрич щелкнул выключателем, и я увидел крутую, сваренную из железных прутьев лестницу. Миновав полтора десятка ступеней, мы оказались в просторном сводчатом зале, освещенном несколькими лампами дневного света. Вдоль одной из стен стояло множество старинных станков, предназначенных для изготовления деталей часов, а у противоположной возвышались шкафы с пронумерованными ящиками и ящичками. Угол подземелья отгораживала ширма, перед которой стоял котел, наполненный застывшим веществом розового цвета. Обернувшись, я увидел за спиной еще одну дверь.

- Ты угадал, Петр, нам сюда. – Часовщик достал болтавшийся на шее ключ, вставил его в замочную скважину. – Мы входим в святая святых, в сердце моей мастерской.

Дверь открылась – прямо на меня смотрела бледная, абсолютно лысая девица. Я невольно отпрянул и только спустя несколько мгновений сообразил, что это всего лишь выполненный в натуральную величину манекен с восковым лицом и бронзовым телом. Потом, осмотревшись, я заметил на длинном, стоявшем посреди комнаты столе еще два полусобранных металлических «скелета». По углам подземелья было разложено множество старинных книг, за стопками которых угадывалась еще одна неприметная дверца.

- Вот она, моя крошка Амалия, - с гордостью произнес Часовщик. – Правда, хороша?

Я вежливо закивал головой. Возможно, старик был отличным часовщиком, но вот художником оказался неважным – лицо манекена больше походило на грубую, второпях слепленную кустарем маску.

- А она умеет ходить?

- Ты плохо слушал меня, мой мальчик. Амалия не только в совершенстве владеет своим телом, она мыслит! Я создал механический разум! На разгадку этой тайны ушла вся моя жизнь...

Дмитрий Дмитрич подошел к кукле и, вставив в отверстие на ее боку большой ключ, со скрежетом завел пружину. Внутри механизма что-то звякнуло, манекен кивнул головой и открыл большие стеклянные глаза.

- Крошка, поздоровайся с нашим новым другом.

- Здравствуйте, меня зовут Амалия, - проскрежетал механизм.

- Здравствуйте, Амалия. Меня зовут Петр, - я чуть поклонился, делая вид, будто верю в необыкновенные интеллектуальные способности этой игрушки.

Довольный старик задал кукле несколько заранее придуманных вопросов, она складно ответила на них своим скрипучим, будоражащим нервы голосом. Потом Амалия сделала несколько неуверенных шагов и замерла с приподнятой над полом ногой – видимо, кончился завод ее пружины. Часовщик успел подхватить свое потерявшее равновесие творение и усадил его на стул.

- Как? – спросил он, сверкнув глазами.

- В девятнадцатом веке ее бы назвали чудом. Да и сейчас она производит сильное впечатление. Амалию вполне можно считать идеальным механическим роботом.

- Она разумна! Она может мыслить!

- Дмитрий Дмитрич! – не выдержал я. – Вы создали замечательную игрушку, вы просто гений, но... Не знаю, в курсе ли вы, насколько велики возможности современных компьютеров, но даже с их помощью пока не

удалось создать модель человеческого мозга. Железо не может мыслить! Я слышал, что автоматы вроде этого были первыми программируемыми механическими устройствами, но они отличаются от современной техники, как паровоз от космического корабля. Это тупик, вам никогда не осуществить свою мечту.

Беда в том, что я не умею вовремя промолчать. Старик выслушал мою речь очень серьезно, а потом спросил:

- Ты в этом уверен? – и ушел вглубь помещения, к сваленным у стен книгам.

Мы долго молчали, и было слышно, как тихонько потрескивает над головами лампа дневного света.

- Я очень стар, - внезапно заговорил Часовщик, - большую часть жизни я посвятил созданию этих автоматов. Амалия показалась тебе нелепой игрушкой только потому, что мне не удалось как следует отладить ее механизм. Возраст берет свое – пальцы потеряли былую гибкость, зрение – остроту. Это работа для молодых. Поэтому я и искал себе помощника. Ты проворен, умеешь обращаться с техникой, чувствуешь ее душу. Ты мог бы помочь мне. Но я ошибся – современным ребятам интересны только компьютеры, а все остальное кажется ржавым хламом...

Признаюсь, мне стало жаль этого ветхого, всеми забытого старика. Каково было долгие годы идти к заветной цели и вдруг в один день узнать, что вся твоя жизнь прошла впустую?

- Дмитрий Дмитрич, а что надо делать?

- Осталась только сборка. Детали для тех двух автоматов, - он указал на стол, где лежали «скелеты», - давно изготовлены, необходимо только собрать отдельные узлы и смонтировать их на каркасе. В принципе, с такой работой можно управиться за несколько дней, но проблема в том, что некоторые детали, например винтики, так малы, что я их просто не вижу.

- Знаете, Дмитрий Дмитрич, я постараюсь вам помочь. Конечно, мне не удастся торчать здесь целыми днями, но в свободное время... Может быть, вы и в самом деле сотворите чудо.

Старик заулыбался, демонстрируя фальшивые зубы, и тут же предложил мне в качестве тренировки разобрать и собрать механизм старого будильника. Мы поднялись наверх, и я всзлся за дело. Сперва возня с крошечными детальками показалась невероятно скучной и трудной работой, но постепенно она начала увлекать меня все больше и больше...

- Он попросил помочь отворить дверь гаража, а когда я поранился о ключ, вытер кровь платком и, ни слова не говоря, ушел со двора...

Сережка Ивойлов заглянул ко мне после обеда, решив поделиться последними новостями, и теперь с озабоченным видом расхаживал по комнате, демонстрируя пораненную руку.

- Сережка, а как он выглядел?

- Обыкновенно. Взгляд у него был какой-то странный. Помнишь выскочившую на футбольное поле безумную девушку и ее спутника? Мой знакомый немного смахивал на того парня.

- Блондин с длинной челкой?

- Точно.

Я рассказал Ивойлову о вчерашней встрече со странным грубияном. Чем больше Сережка слушал, тем мрачнее становился.

- Это заговор, - пробормотал он. – Вполне возможно – инопланетный. Пришельцы обожают ставить над людьми эксперименты. Не удивлюсь, если нас скоро похитят эти серые твари с огромными глазами и безжизненными лицами... Бр-р-р! Кошмар!

Сережка Ивойлов славился своей безудержной фантазией и склонностью к мистификациям, но сегодня в его голосе звучал неподдельный страх:

- Петька, мне кажется, что за мною скоро придут...

- Кто?

- Не знаю. Я чувствую присутствие чьей-то злой воли. Давай обратимся за помощью к Светке, она лучше, чем кто-либо, может подсказать, откуда придет беда.

- Брось, ты ее переоцениваешь. У нее неплохо развита интуиция, и только. Остальное – пылкое воображение.

- Уговорим ее провести сеанс, - настаивал Ивойлов.

- Не верю я в эти спиритические сеансы и гадания по стеклу! И вообще, для связи с «потусторонним миром» Акулиничевой требуется как минимум четверо добровольцев, разве ты забыл?

- Отлично, в таком случае махнем к Вике, - не растерялся Сережка. – У нее и родители с работы приходят поздно.

- Ладно. Если ты сумеешь уговорить девчонок, то и я приму участие в этом самообмане.

Ивойлов тут же завладел телефоном и минут через двадцать напряженных переговоров сообщил, что все уладил. Собравшись, мы быстренько вышли из дома.

- Ребята, идите к нам! – донесся с футбольной площадки голос Арины. – Мы два мяча пропустили, спасайте положение.

- Не можем, нас ждет дело государственной важности! – откликнулся Сережка.

Оставив игравших в футбол мальчишек, она подбежала к нам, пригладила пятерней растрепанные волосы и поинтересовалась, о каких важных делах идет речь. Арина никогда не участвовала в спиритических сеансах и, узнав о предстоящем свидании духами, решила составить нам компанию. Увидев возле дома Барышевой торопившуюся на встречу Светку, мы все вместе поднялись на третий этаж, и Сережка нажал кнопку звонка.

- А я хотела порадовать вас предстоящей итальянской пиццей, - улыбнулась хозяйка дома. – Но не успела.

- Ничего, мы поможем, - утешила ее Акулиничева.

- Жаль, что я не ем после шести, - пожаловалась Арина. – Обожаю итальянскую кухню.

Девчонки толпились у плиты, я, чтобы не сидеть без дела, взялся натачивать ножи, и только один Ивойлов, не найдя подходящего занятия, взволнованно ходил из угла в угол.

- Сколько можно возиться с этой пиццей?! – возмущался я. – нельзя ли поскорее перейти к делу?

- Между прочим, выражение «э уна пицца» переводится как скучища или тягомотина», - немедленно сообщила Вика.

- Сережа, неужели ты веришь в то, что к нам на огонек заглянет какой-нибудь призрак или Свете откроется грядущее?

- Ты, Арина, недавно переехала и еще не представляешь, в каком месте поселилась. – охотно начала объяснения резавшая колбасу Барышева. – В нашем скромном городишке постоянно происходят самые невероятные события. Это звучит довольно дико, но здесь запросто можно повстречаться с призраком или даже с настоящим вампиром.

Арина звонко рассмеялась.

- Говорят, мы живем на перекрестке миров, и потому чудеса – обычное явление для этого места, - вмешалась в разговор Светка.

- Девчонки, вы меня разыгрываете!

Стук в дверь прервал разговор, и только тогда мы заметили отсутствие Ивойлова. Я стремглав выскочил на лестничную площадку:

- Сережка!

- Ешьте свою пиццу! – раздалось снизу.

Общими усилиями Сережку уговорили вернуться в дом, и мы занялись тем, ради чего. Собственно, и пришли к Барышевой. Наполнив водой самую глубокую кастрюлю, Света отнесла ее в комнату, поставила на журнальный столик, зажгла пару свечей и попросила задернуть шторы. Когда все было готово, она спросила:

- Сережа, я так толком и не поняла, чего ты хочешь? Узнать будущее? Попросить совета у духа?

- Не знаю. Страх проник всюду, может быть, ты увидишь его причину.

- Тогда начнем. Расслабьтесь и, не думая ни о чем, просто смотрите в воду...

Акулиничева действовала не хуже профессиональной гадалки, и это меня раздражало. Невольно я представил, как выглядело наше собрание со стороны, и чуть не рассмеялся – сосредоточенно смотрящие в кастрюлю люди производили комическое впечатление. Представляю, что думала о таком времяпрепровождении Арина! Смотревшая в воду Светка неожиданно подалась вперед:

- Я снова вижу свечи...

- И мне они неплохо видны, - не выдержала Арина. – Две сувенирные свечи из красного парафина, которые стоят прямо перед моим носом.

Но Акулиничева не поддалась на провокацию, продолжая изображать из себя медиума:

- Я лечу над этими сияющими холмами, спускаюсь все ниже, ниже... Свечи... Теперь их очень хорошо видно. Некоторые догорают и гаснут в снегу, а вот... вот длинные, высокие, белые свечи, но они тоже почему-то погасли...

Отведя взгляд от кастрюли, я вновь посмотрел на Арину. Она сидела между Светкой и Викой, прилежно всматривалась в воду, но в ее чуть раскосых изумрудных глазах горели лукавые искорки смеха.

- Довольно, ребята, кроме Светки, здесь никто ничего не увидит, - решительно произнес я, встал и, бросив случайный взгляд на поверхность воды, заметил отражение множества светящихся точек...

- Духи сегодня явно не в настроении, - поддержала меня Вика. – А я к тому же страшно хочу есть. Пойду поставлю пиццу в духовку.

Атмосфера в комнате была довольно мрачная. Обиженная Акулиничева сидела в сторонку, переживая по поводу прерванного сеанса, а Ивойлов по-прежнему раздражал всех своей нервозностью. Решив разрядить обстановку, я рассказал о механических игрушках старого часовщика. Информация произвела должное впечатление – всем немедленно захотелось познакомиться с железной Амалией и ее чудаковатым создателем.

- Петенька, миленький, отведи нас к своему Дмитрий Дмитричу! – взмолилась Барышева.

- Старик производит впечатление скрытного человека, неизвестно, захочет ли он с вами говорить.

- А мыждемся результатов переговоров за дверью и, когда дело пойдет на лад, нагрянем к нему в гости, - предложил Ивойлов и, внезапно помрачнев, добавил: - Если, конечно, этой ночью меня не похитят инопланетяне.

- Жаль, что завтра я весь день занята, - сообщила Арина, - но надеюсь, вы расскажете мне обо всем увиденном.

Аромат свежее испеченной пиццы отвлек от разговоров. Соблюдавшая диету Арина отправилась домой, а остальные приступили к дегустации кулинарного «шедевра» Вики.

День четвертый. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С СЕРЕЖКОЙ?

В школе отменили два последних урока, и, не заходя домой, вся наша компания отправилась в часовую мастерскую. Оставив ребят в подворотне, я спустился в подвальчик. У Дмитрий Дмитрича был посетитель. Краснощекий мужчина лет пятидесяти принес в ремонт стилизованный под старинные часы кварцевый будильник. Часовщик с отвращением посмотрел на блестящую фальшивой позолотой коробку:

- Милостивый государь, вы ошиблись адресом. Я потомственный часовщик и так же, как мой прадед, дед и отец, работаю исключительно с механическими часами. Новомодная электроника точна, но у нее нет души. Она, как и ваш кварцевый монстр, мертворожденное дитя. Несите прочь своего мертвеца!

- Я что-то не понял...

- Ступайте, голубчик, у нас перерыв.

Подняв голову, старик увидел меня, улыбнулся, протянул для рукопожатия высохшую, костлявую ладонь:

- Рад тебя видеть! Хочешь познакомить своих друзей с Амалией?

- Как вы догадались?

- Ах, петр, я слишком долго живу на свете и многое могу понять по глазам... Ступайте, ступайте, - поторопил он замешкавшегося посетителя.

- Дмитрий Дмитрич, можно, я сбегая за своими друзьями?

- Конечно.

Обрадованные девчонки лавиной скатились по лестнице, а шедший позади них Ивойлов успел шепнуть мне на ухо:

- Петька, они рядом. То, что они сделают, хуже смерти.

Увидев нашу компанию, старый мастер пристально, одного за другим оглядел Светку, Сережку и Вику.

- Милая барышня, ваше сердце разбито, но осколки легко склеить. Главное – подобрать подходящий клей, - неожиданно обратился он к Барышевой, а потом, не дав ответить, поинтересовался погодой и школьной успеваемостью.

Проговорив минут десять о пустяках, Дмитрий Дмитрич поднял вверх указательный палец и подмигнул Светлане:

- Вижу на лицах нетерпение. Довольно праздной болтовни. Крошка Амалия ждет гостей.

Мы осторожно проследовали между тесными рядами стеллажей и спустились в подземную мастерскую. Вскоре под сводами монастырского подвала раздались восторженные восклицания – механическое детище Часовщика понравилось всем, даже изнывавшему от дурных предчувствий Ивойлову. Девчонки и Сережка десять раз поздоровались с куклой, наговорили ей множество комплиментов, а Амалия вертела головой, хлопала глазами и скрипучим голосом произносила заученные фразы.

- Ее надо выставить в музее! – воскликнула Барышева.

- Точно, в Политехническом. На прошлые каникулы я ездил в Москву и случайно попал на выставку старинных часов. Там были автоматы вроде этого, - вспомнил Ивойлов.

- Давайте напишем туда письмо!

- Амалия и подобные ей – не экспонаты музея, - перебил восторженные рассуждения Часовщик. – Они – мои дети, равные мне. Они создаются для жизни. Но я думаю, Амалию утомил визит, оставим ее одну.

Готовые до бесконечности болтать с автоматом, Сережка, Света и Вика очень неохотно покинули подземелье. Наверху экскурсия была продолжена – коллекция собранных со всего света часов также заинтересовала моих приятелей. Наконец, закончив рассказ об очередном механизме, Дмитрий Дмитрич посмотрел на бесчисленные лица циферблатов:

- Каждому делу – свое время, друзья мои. Пора по домам. Помни, Виктория, всякую беду можно поправить, всякий сосуд склеить.

- А который теперь час? – перебив Часовщика, задал не самый уместный в часовой мастерской вопрос Ивойлов. – Мама просила меня не задерживаться, после обеда мы пойдем за летней обувью. Ох, как же я не люблю таскаться по магазинам!

Старый мастер проводил нас до самой двери, похлопал меня по плечу:

- Приходи в любой час, я задерживаюсь здесь допоздна.

- Обязательно. Постараюсь заглянуть сюда еще сегодня.

Сережка, Вика и Светка разошлись по своим делам, и, оставшись один, я медленно брел по безлюдной улочке, наслаждаясь теплой, почти летней погодой. Но приятная прогулка продлилась недолго – появление странного прохожего моментально разрушило благодушный настрой. Шедший навстречу человек скорее походил на тень – высокий, очень худой, одетый во все черное, он двигался бесшумно и, казалось, не касался ступнями асфальта. Мы поравнялись и разошлись в разные стороны, но меня уже обжег взгляд его черных, бездонных глаз. Станный прохожий сильно смахивал на привидение, и все же что-то в этом вышедшем на дневной свет призраке показалось знакомым... Решив последовать за ним, я выбежал на перекресток, но черный человек исчез без следа. По улице чинно шествовала пожилая пара...

- Простите, вы его не видели?

- Кого, мальчик? –удивилась бабулька в старомодной шляпе.

- Высокого, похожего на тень человека с обжигающим взглядом.

- Подумать только, Герман Иванович, какое пылкое воображение у современной молодежи! Они во всем видят нечто сверхъестественное.

- О да, Анна Илларионовна, от фантазий нынешних подростков очень часто становится не по себе, - согласился старичок и, обратившись ко мне, добавил: - Ты первый, кого мы повстречали на этой улице, больше здесь никого не было.

Пожалуй, в нашем городке и в самом деле происходило слишком много необъяснимого. Откуда, из какой бездны пришел в наш мир этот человек с мрачным, проникающим в самую душу взглядом? Может быть, именно он насылал кошмары и беспричинные страхи на моих друзей? Чего он хочет и почему черты его лица показались мне такими знакомыми? Ответа не было.

Мой взгляд бесцельно скользил вдоль улицы, пока не засек на противоположной ее стороне надпись «Видеопрокат». Подумав, что умопомрачительные трюки Джеки Чана помогут рассеять хандру Ивойлова, я отправился на поиски столь желанного для Сережки фильма. А вскоре уже мчался к дому Ивойлова, надеясь передать ему «Шанхайский полдень», прежде чем они с матерью отправятся за покупками.

- Сережка!

Ивойлов даже не обернулся. В сопровождении своей матери, полноватой женщины лет сорока, он важно вышагивал по направлению к трамвайной остановке.

- Сережка! – Прибавив обороты, я наконец-то догнал их. –
Здравствуйте, Тамара Алексеевна! Сергей, приготовься к потрясающему сюрпризу!

- Сюрпризы принято преподносить на праздники, - глубокомысленно изрек он. – Разве сегодня праздничный день?

- Точно. Всемирный день телезрителя, - ухмыльнулся я и протянул кассету.

Ивойлов прочитал название, повертел кассету в руках и положил в сумку.

- Ну как? – Меня поразило равнодушное выражение его лица.

- Спасибо.

Сергей запрыгнул на подножку подкатившего к остановке трамвая, а шедшая следом Тамара Алексеевна удивленно развела руками:

- Я, Петенька, сама удивляюсь, как чудит мой сынуля. Наверное, робота из себя изображает, только – «да», «нет», «спасибо», «пожалуйста». Лучше бы приврал что-нибудь...

Гармошка дверей закрылась, трамвай медленно покати́л прочь... Поведение Ивойлова пора́жало – вместо того, чтобы опрометью броситься домой и три раза подряд посмотреть долгожданный фильм, он невозмутимо отложил кассету и отправился за покупками. Наверное, если бы в этот миг мне на голову грохнулась луна, я бы уже не удивился...

Не различая вкуса еды, я ковырял вилкой в тарелке и вспоминал равнодушное лицо Ивойлова. Что произошло с ним после того, как мы расстались у дверей мастерской? Сергей чувствовал приближение беды, он то и дело повторял: «Они рядом, они придут за мной», а потом внезапно утратил всякий интерес к жизни. Что, если, выйдя из подвального он встретил страшного черного человека с обжигающим взглядом, и тот сделал с Сережкой нечто, оказавшееся хуже смерти?..

- Петя, ты не заболел? – прервала невеселые раздумья мама. – У тебя совсем нет аппетита.

Я успокоил ее, быстро разделался с котлетой, вышел из-за стола и, предупредив, что буду отсутствовать до ужина, отправился к Часовщику. Возможно, много повидавший на своем веку старик мог дать дельный совет и подсказать, как действовать дальше.

Дмитрий Дмитрич очень обрадовался моему появлению и тот же повел в подземную мастерскую. Прежде чем приступить к работе, я

рассказал о странных происшествиях последнего времени и спросил, что он обо всем этом думает.

- Видишь ли, Петр, долгие годы я общался только с часовыми механизмами и, видимо, сильно отстал от жизни. Мне трудно понять, что в этом мире развивается правильно, а что представляет собой аномалию. – Старый мастер поправил очки в роговой оправе, помолчал. – Если сейчас ты не считаешь возможным заниматься моими проблемами, я отнесусь к этому с пониманием.

- Нет-нет, Дмитрий Дмитрич, не стоит ничего менять.

- Отлично, тогда за дело. Для тебя работы не так много, достаточно собрать самые миниатюрные узлы механизма, а с остальным я как-нибудь справлюсь сам.

Развернув рулоны чертежей, Часовщик начал объяснять принцип работы своих игрушек. Как я и предполагал, по сути, «разумные автоматы» не отличались от простой музыкальной шкатулки, об устройстве которой мне довелось читать в каком-то журнале. «Мозгом» куклы был большой, утыканный множеством штырей барабан. Когда он вращался, штыри цепляли рычаги, приводящие в действие те или иные части механизма и кукла начинала двигаться. Весь ее «интеллект» зависел от того, в какой последовательности располагались на барабане штыри.

В теории все было достаточно просто, но когда я понял, какую уйму крохотных деталей предстоит смонтировать, то едва не впал в глубокую печаль. Однако отказываться от собственных слов было неудобно, и, вооружившись лупой и пинцетом, я приступил к работе. Чертежи оказались мне не по зубам, но Часовщика это не смутило – он раскладывал на столе

необходимые детали и объяснял, в какой последовательности их собирать. Так прошло часа три. Постепенно я вошел во вкус и научился довольно ловко управляться с ажурными колесиками и крошечными, длиной в пару миллиметров, винтиками.

- Довольно, - неожиданно прервал работу старик. – Я займусь монтажом готовых узлов, а ты пока как следует отдохни. В нашем деле главное – беречь зрение. До завтра, Петя.

- До свиданья, Дмитрий Дмитрич. Завтра выходной, и я постараюсь прийти пораньше.

На том мы и расстались. После непроницаемой тишины монастырского подвала шум улицы показался особенно громким и назойливым. Мне захотелось вернуться назад, спрятаться от городской суеты, притаиться и ждать. Чего именно я собирался ждать, оставалось неясным – похоже, непривычная работа вызвала у меня легкий «сдвиг по фазе», наполнив голову странными мыслями.

- Арина!

Она шла уверенной, стремительной походкой метрах в тридцати впереди меня:

- Арина!

- О, это ты... - Дождавшись, когда я подойду поближе, она сообщила: - А я только-только вернулась со старой квартиры. Мы уже три месяца как переехали, а все приходится утрясать кое-какие дела. Впрочем, это неинтересно. Знаешь, минут двадцать назад я видела Ивойлова и даже испугалась – он какой-то заторможенный, будто неживой. Что с ним?

Я только покачал головой. Мы свернули с Пионерской, прошли тихими центральными переулочками и сделали небольшой привал в сквере у памятника Пушкину. Журчали струйки фонтана, ворковали сытые, мирные голуби, смеялись игравшие у скамеек дети, и казалось, что в такие чудесные весенние дни просто не может случиться ничего дурного... Но Арина думала иначе:

- Я не верю в чертовщину, Петька, но в том, что происходит нечто опасное, не сомневаюсь. Самое логичное предположение – над людьми проводят некие научные эксперименты.

- Инопланетяне?

- Не думаю. Мне кажется, все разгадки стоит искать на земле. Возможно, это психотропное оружие или что-то вроде того.

Я только присвистнул.

- Посмотри сам, - Арина даже не улыбнулась, - наши друзья потеряли прежние привычки и ведут себя как зомби. Почему? Кто-то контролирует их сознание, превращая в послушных рабов! Мистика тут ни при чем. только особы вроде Акулиничевой верят в чудеса, но мы, Петр, разумные

современные люди и потому должны смотреть на происходящее с точки зрения здравого смысла.

- Пожалуй... Но по какому принципу отбирают «подопытных кроликов»?

- Наверняка здесь есть своя закономерность. Кстати, об Акулиничевой. Тебе не кажется странным ее поведение?

- То есть?

- Все эти оккультные увлечения... Что, если ее завербовали, и Светлана специально нас дезинформирует, направляя по неверному пути? Вдруг она с ними?

- Быть такого не может! Я знаю Светку с допотопных времен. Характер у нее неважный – она любит задаваться, сплетничать, но на предательство Акулиничева неспособна.

- Во-первых, в людях можно ошибаться, а во-вторых, она тоже могла подвергнуться какому-то воздействию и потерять способность мыслить самостоятельно. Петька, сейчас никому нельзя верить.

Обсудив сложившееся положение, мы решила действовать вдвоем и попытаться выйти на след таинственной организации, в существовании которой Арина не сомневалась.

- Будем работать вместе, напарник, - она крепко пожала мою руку. –
Вдвоем мы всех выведем на чистую воду.

- Хорошо бы, но я не представляю, с чего начать.

- Наверняка за жертвами эксперимента ведется наблюдение.
Возможно, нам удастся вычислить наблюдателей, и мы, в свою очередь,
станем следить за ними...

- Арина, ты любишь фильмы про шпионов?

- Есть лучший план?

Лучшего плана не оказалось. Сбегав ко мне домой за «шпионским оборудованием» - фотоаппаратом и мощным биноклем, мы направились к дому жившей поблизости Таньки Панкратовой. Оценив обстановку, Арина предложила вести наблюдение с крыши соседней пятиэтажки:

- Оттуда мы сможем контролировать и улицу, и то, что происходит в квартире.

Сказано – сделано. Забраться на крышу было несложно. Опершись на трубу газопровода, Арина подтянулась и легко вскарабкалась на нижнюю ступеньку пожарной лестницы. Я- следом... Расположившись на плоской крыше, мы направили бинокль на окно Танькиной спальни.

Панкратова готовила уроки: сидя за столом, она неторопливо записывала что-то в тетрадь. Так прошло минут двадцать. Татьяна захлопнула один учебник и открыла следующий... На крыше было ветрено, холодно и неуютно.

- Арина, ты уверена, что мы правильно поступили, начав следить за Панкратовой?

- В слежке, как и в рыбалке, главное – терпение. Не сегодня, так завтра непременно что-нибудь произойдет.

- Ты считаешь, что здесь нужно находиться круглосуточно?!

- В идеале – да. Не отвлекайся, Петя, следи за улицей.

Увы, за исключением нас с Ариной, никаких подозрительных субъектов поблизости не просматривалось. От нечего делать я начал считать проезжавшие внизу автомобили. Внезапно мое внимание привлекла одетая в нарядную белую куртку девчонка. Торопливо подойдя к подъезду, она открыла дверь и вошла в дом. Без сомнения, это была Светка Акулиничева.

По очереди глядя в бинокль, мы с Ариной наблюдали за тем, что происходило в Танькиной спальне. Какое-то время девчонки стояли у стола, разговаривая и перебирая тетради, а потом Акулиничева вплотную подошла к Панкратовой, взяла ее за руку, рассматривая заклеенный пластырем палец.

- Царапина, страх, безразличие...

- О чем ты? – переспросила Арина.

- Сперва жертва получает пустяковое ранение, потом начинает испытывать беспричинный страх, а потом резко теряет интерес к жизни. Это едва не случилось со мной – были кровь, незаживающая царапина, ночные кошмары, но потом все прекратилось.

- Постой... они прощаются... объект выходит, - Арина отложила бинокль. – Кто-то должен остаться здесь, а второй пойдет за Акулиничевой.

Наконец-то появился повод улизнуть с этой дурацкой, продуваемой сквозняками крыши! Оставив Арину на боевом посту, я быстренько спустился вниз и последовал за вышедшей из подъезда Акулиничевой. Светлана с озабоченным видом шагала по улице, направляясь, судя по всему, к собственному дому. Наблюдая за ней, я понимал, что веду себя, как законченный параноик – в том, что Светка зашла к своей лучшей подруге, не было ничего необычного, зато вся эта шпиономания с засадами и фото из-за угла, мягко говоря, выглядела довольно странно.

Дождавшись зеленого сигнала, Акулиничева чинно перешла улицу перед остановившимся у ее носа трамваем. Случайно заглянув в салон, я вздрогнул от неожиданности – на задней площадке стоял парень с запоминающейся светлой челкой! Без сомнения, это именно он преследовал выбежавшую на футбольное поле девушку, сорвал повязку с моей руки, поранил Ивойлова... Так вот кто был нашим настоящим врагом, вот кто принес нам все беды и несчастья! Звякнув, трамвай стал набирать ход. Я замешкался, соображая, как поступить, а потом, вспомнив про болтавшийся на шее фотоаппарат, наскоро сделал несколько снимков.

Блондин уехал, Акулиничева пропала из поля зрения, и мне ничего не оставалось, как вернуться к Арине. Она уже покинула своей наблюдательный пост и ожидала меня в скверике неподалеку. Информация о сделанных в трамвае снимках привела Арину в восторг, и она тут же решила переключиться на поиски подозрительного блондина:

- А ты не хотел заниматься слежкой! В первый же день Акулиничева вывела нас на их агента.

- Это случайное совпадение.

- Или неслучайное, кто знает... Но сейчас речь не об этом. Я все время думала о подмеченной тобой закономерности «царапина – страх – безразличие» и кое-что поняла. Нанося маленькие ранки, агенты тайной организации вводят в кровь подопытных какое-то вещество, скорее всего – яд, действующий на мозг. Тебе просто повезло – ты оказался невосприимчивым к этой дряни.

От таких слов по телу поползли мурашки. Что, если яд все еще струится по жилам, постепенно разъедая мое сознание?

- Давай сообщим обо всем в милицию, а еще лучше в ФСБ.

- У нас нет доказательств, - Арина досадливо поморщилась, щуря свои зеленые кошачьи глаза, - и потом, где гарантия, что они сами в этом не замешаны?

День пятый. ТАЙНА НЕГАТИВОВ

Проснувшись, я долго валялся в кровати, гадая, как лучше провести воскресный день. Можно было либо отправиться к Часовщику и заняться сборкой его игрушек, либо на пару с Ариной разыскивать коварных агентов и резидентов. Подумав, что пока Арина может обходиться без моей помощи, я решил посвятить день Дмитрий Дмитричу. Честно говоря, мне и самому не терпелось поскорее собрать автоматы и посмотреть на них в действии.

Заглянув с ярко освещенной улицы в сумрачную подворотню, я сперва не заметил стоявшего у входа в часовую мастерскую человека. Глубокая тень скрывала его фигуру, но бледное лицо с темными глазами отчетливо вырисовывалось в полутьме. В какой-то момент показалось, что черный человек хочет со мной заговорить, но вместо этого он проследовал к выходу из подворотни и скрылся за стеной солнечного света. Немного помедлив, я спустился в подвальчик.

У Дмитрий Дмитрича был посетитель – из глубины мастерской раздавался негромкий девичий голос:

- Он умер таким молодым...

- Поверь, дитя мое, сколько бы человек ни прожил, ему все равно кажется, что жизнь прошла слишком быстро, и он панически боится ухода в небытие. Понимание неизбежности смерти и ужас, вызванный этим пониманием, отличают нас от животных.

- Возможно... Но все же гибель в расцвете лет особенно несправедлива. Если бы он получил второй шанс, он бы достиг очень многого.

- Сильные желания имеют обыкновение сбываться.

Я довольно громко хлопнул дверью и кашлянул – из мастерской вышел сам Часовщик, а потом смущенная и раздосадованная Барышева.

- Я загляну попозже, Дмитрий Дмитрич, - пробормотала она и скрылась за дверью.

Не задерживаясь в мастерской, мы прошли в монастырский подвал. Старик не терял времени даром, и я удивился, увидев, как много он успел сделать за ночь. «Скелеты» двух манекенов были собраны, а закрепленные на них механизмы смонтированы в единое целое.

- Быстро вы с ними разделались!

- Мне повезло с помощником, - произнес Часовщик, регулируя натяжение одной из пружин. – Скоро вместе с Амалией их станет уже трое. Жаль, что нельзя сделать больше... Запас деталей заканчивается, а изготовить их на станках тебе, мой мальчик, пока не по силам.

Расположившись за столом, я занялся сборкой – подхватывал пинцетом крошечные колесики, устанавливал каждое из них на свое место, стягивал детали миниатюрными винтиками.

- Дмитрий Дмитрич, а зачем вам столько кукол? – поинтересовался я. –
Ведь это однотипные механизмы. Вполне достаточно и одной Амалии.

- Ах, Петя, тебе не понять моей страсти! Порой мне кажется, что и я сам себя не очень хорошо понимаю, - старик рассмеялся тихим, дребезжащим смешком. – Бедняжка Амалия будет скучать в одиночестве. Ей нужны равные по уму и воспитанию друзья... Пстой-ка! Ты поставил колесико вверх ногами, видишь, оно не сцеплено с соседними. Не стоит отвлекаться на праздные разговоры.

Работа проходила в молчании, быстро и незаметно поглощая время. Казалось, прошло не более получаса с той поры, как мы спустились в подземелье, когда старик неожиданно произнес:

- Прервемся, друг мой. Приближается время обеда. Хорошенько отдохни, а потом возвращайся в нашу скромную обитель.

Я посмотрел на украшавшую запыстье «Звезду» и удивился – оказывается, мы трудились над сборкой автоматов почти пять с лишним часов.

Футбольная площадка в углу двора пустовала, и это показалось странным – обычно во второй половине дня на ней было полно народу.

- А где все? – спросил я у стоявшего посреди поля Костика, малолетки из соседнего подъезда.

- Тут такое было, такое было! - возбужденно всплеснул руками Костик. – гоняют себе пацаны мяч, и тут к ним подходит Денис. Раз! Как треснет кулаком по березе! Пацаны обалдели, он прямо бешеный, на людей бросается. Тут парень подошел, незнакомый...

- Длинный, со светлой челкой?

- Точно. Короче, они отошли в угол и стали говорить, а мы начали играть. Мяч попал Денису под ноги. Он заорал и как засадит его в окно тети Веры! Представляешь!

Работавшая в РЭУ тетя Вера отличалась отвратительным характером и была грозой собаководов, детей и всех футболистов нашего квартала, осмеливавшихся гонять мяч в непосредственной близости от ее окон.

- Он что, нарочно так поступил? – уточнил я.

- Да! Потом парень с челкой взял Дениса за руку, что-то ему сказал и ушел с площадки. Денис постоял, подумал, а потом как брякнет: «Мне надо учить уроки» - и пошел домой. Спокойно-спокойно. Тут тетя Вера из окна высунулась и давай ругаться, милицию хотела вызвать. Пацаны разбежались. Эх, мяч жалко, она его ни за что не отдаст...

- Костик, а раньше Денис не откалывал ничего странного? Может, он говорил, что кого-то боится?

Костик отрицательно замотал головой:

- Не-а...

- А руку он не поранил?

- Поранил. Еще давно. У него все время кровь текла, не хотела останавливаться.

Мальчик ушел. По опустевшей футбольной площадке вперевалочку прогуливалась большая черная ворона. Было тихо, но в этой тишине таилась скрытая угроза. «Панкратова, Ивойлов, Подбельский... Кто следующий?» - думал я и понимал, что следующим может оказаться каждый из нас.

Двери лифта распахнулись передо мной, предлагая войти в пустую кабину... кнопка с цифрой «пять»... стук сомкнувшихся створок.. тусклый свет... толчок... головокружение... Что ощущает заживо погребенный человек в ожидании неминуемого конца? Нет воздуха, нет света, только тишина, темнота и отчаяние. А ведь я мог бы подарить людям бессмертие! За это, за это я оказался здесь! Они намерено хотят продлить мои мучения... О глупцы, замкнувшиеся в своей жестокости, вы не представляете, что тем самым оказываете мне неоценимую услугу. Я вернусь, я обязательно вернусь и отомщу – если не вам, то вашим правнукам! Трепетные огоньки погаснут раньше срока, и свершится древнее пророчество...

- Петя, тебе вверх или вниз? – прервала мои раздумья стоявшая на площадке третьего этажа соседка.

- Вверх, - пробормотал я, с трудом отбрасывая груз чужих мыслей и переживаний, - но, пожалуй, мне лучше пройти пешком.

Случившееся в кабине лифта пугало по-настоящему. Последнее время я несколько раз обращал внимание на странные, никак не связанные с привычным образом жизни мысли, но не придавал им особого значения. Сегодняшний ураган чужих страстей заставлял всерьез задуматься о неприятных перспективах раздвоения личности...

Возвращение в мастерскую Дмитрий Дмитрича стало для меня маленьким праздником. Только здесь, в этом тихом мирке старых механизмов, удавалось обрести спокойствие и ощущение безопасности.

- Как и обычно, ты пришел весьма своевременно, - заулыбался, демонстрируя фальшивые зубы, Часовщик. – Настало время на деле узнать, какие мы мастера.

Дмитрий Дмитрич ни на минуту не прекращал работу, и к тому моменту, как я вновь появился в подzemелье, успел окончательно собрать механизм одной из кукол. Мы поставили тяжелый, поблескивающий латунью и сталью автомат на пол, Часовщик с торжественным видом завел пружину, и испытания начались. Механический робот вздрогнул, резко подался вперед и сделал первый шаг... Пройдя по прямой метров пять, автомат развернулся, тяжелой поступью подошел к своему создателю, протянул для рукопожатия ладонь и замер, исчерпав силы «оживившей» его пружины. Радость Дмитрий Дмитрича не знала границ:

- Наконец-то! Свершилось! Скоро я достигну того, к чему шел всю жизнь! В этом есть и твоя заслуга, Петр. Ты даже не представляешь, как помог мне! Еще во время нашей первой встречи я распознал в тебе родственную душу и не ошибся. Вместе мы – сила, нас не остановить! –

Старик замолчал, а потом сухо добавил: - Главное – не расслабляться раньше времени. Работа над третьим автоматом еще не завершена. За дело, Петр.

Склонившись над механизмом, я продолжил его сборку. Старик подавал детали, смазанный маслом кончик отвертки легко подцеплял миниатюрные винтики, шестеренки легко вращались на своих осях... Наконец я отложил очередной, только что собранный узел механизма.

- Кажется, все, Дмитрий Дмитрич. Моя часть работы выполнена. Хотите, я помогу с монтажом?

- Нет-нет, не стоит.

- Тогда мне пора.

- Постой, Петр. Этим вечером я собирался отлить из воска лицо для собранного нами автомата. Не желаешь посмотреть, как это делается?

- Видите ли...

- Хочешь, придадим ему твои черты?

Я поспешно замотал головой, отказываясь от столь сомнительной чести

- Спасибо, Дмитрий Дмитрич, лучше сделайте из него красивую девушку, вроде Амалии.

- Как хочешь, - Часовщик развел руками. – Если не секрет, какая сила влечет тебя вперед, заставляя покинуть эту мирную обитель?

- Да, вы правы, здесь, в подземелье, мир и покой, а в это время наверху с моими друзьями происходит что-то странное и страшное. Надо во всем разобраться.

- Ты никогда не останавливаешься на полпути?

- Просто кто-то должен узнать правду, помочь тем, кто рядом. Похоже, кроме меня, этим некому заняться.

- Похвальное решение. В таком случае – удачи тебе. Когда закричишь спасать мир, приходи в любое время. Я и мои «детишки» всегда рады видеть тебя, Петр.

Заходящее солнце отражалось в окнах домов, создавая иллюзию пожара. Вынырнув из черного проема подворотни, я увидел шедшую по направлению к мастерской девушку. Точеная фигурка и пышные золотистые волосы, без сомнения, могли принадлежать только Арине. Заметив меня, она энергично замахала рукой:

- Петька! Я здесь! Иди скорее сюда!

Похоже, Арине не терпелось похвастаться своими успехами.

- Привет, я повсюду тебя разыскивала, - сияя улыбкой, сообщила она. – Хорошо, что Вика подсказала, где находится мастерская.

- Ты видела блондина?

- Не только. Он здесь. – Арина протянула фотоаппарат. – Здорово мы придумали с фотографиями, что ни говори, а фото – это улика. Знаешь, как все произошло? Вспомнив, что жертвами эксперимента становится молодежь, я отправилась к кинотеатру, где тусуется больше всего ребят нашего возраста, и не ошиблась – там действительно крутился высокий тип с длинной светлой челкой. Он болтал с ребятами, глазел по сторонам и вообще вел себя крайне подозрительно. Остальное – дело техники, мне удалось сделать несколько снимков с близкого расстояния и незаметно уйти.

- Молодец, Арина. А у меня скверная новость – этот блондин сделал с Денисом Подбельским то же, что и с остальными.

- Плохо. Пленка – единственная улика. Проявим ее и пойдем в милицию. Одним нам не справиться.

Раньше Арина никогда не заходила ко мне домой и потому немного нервничала, не зная, какой ее ожидает прием.

- Как, говоришь, зовут твоего дедушку? – стоя у двери, уточнила она.

- Петр Филимонович.

- Фи-ли-мо-но-вич, - по слогам повторила Арина и нажала на кнопку звонка.

Представив гостю родителям и деду, я уединился в ванной комнате, в которой была оборудована фотолаборатория. Проявка пленки заняла немного времени, и вскоре готовые негативы уже сохли на бельевой веревке. Щурясь от яркого света, я вошел в гостиную – сидя за столом, дед и Арина оживленно обсуждали игру городской футбольной команды.

- Порядок, - сообщил я. – Когда пленка подсохнет, можно будет печатать фото.

Нетерпеливая Арина тут же побежала смотреть негативы. Дед украдкой подмигнул мне и продемонстрировал поднятый вверх большой палец - до сих пор никто из моих знакомых девчонок не удостоивался такой высокой оценки.

- Не пойму, что у него с лицом? – взяв пленку за ребрышки, Арина внимательно рассматривала кадры.

- Наверное, не в фокусе.

- А нельзя прямо сейчас напечатать фото?

- Слой эмульсии влажный, его легко повредить. Придется подождать.

Скоротав время за разглядыванием собранной дедом коллекции значков, мы наконец-то занялись печатанием фотографий. Закрывшись в лаборатории, я и Арина быстро разлили по кюветам реактивы, включили красный свет, распечатали новую пачку бумаги и вставили в фотоувеличитель только-только успевшую подсохнуть пленку. Мои снимки разочаровали. Они были сделаны в спешке, не наведены на резкость, и только на двух из них удалось различить лицо блондина. Несмотря на сносное качество этих негативов, светловолосый парень выглядел как-то странно, почти пугающе. Далее следовали фотографии, сделанные Ариной. Ей удалось снять несколько крупных планов, но и на них лицо блондина производило странное впечатление. Гадать оставалось недолго – отпечатав кадр на фотобумаге, я погрузил ее в раствор проявителя, и вот на казавшемся ярко-красным листе начало проступать изображение безобразного, нечеловеческого лица...

- Он же монстр! – испуганно прошептала стоявшая рядом Арина.

Неровное безжизненное лицо со стеклянными глазами напоминало грубую, изготовленную дилетантом маску. Мне и раньше доводилось видеть подобные черты – примерно так выглядела любимая кукла Часовщика Амалия.

- Больше всего этот урод похож на ходячий манекен.

- Именно! – воскликнул я и рассказал о своих догадках.

- Но такое просто невозможно! Механические игрушки не способны на столь сложные действия. И вообще, Петр, я фотографировала нормального парня, подходила к нему довольно близко, видела даже прыщик на его шее... У них нет ничего общего!

- Часовщик скрыл от меня самую важную часть механизма! Возможно, это электронная начинка, какой-нибудь прибор, генерирующий излучение, от которого у людей едет крыша. Да мало ли может быть объяснений! Ясно одно – кукла, сделанная этим старым негодяем, разгуливает по городу и калечит людей. Скоро их станет еще больше. А я-то ему поверил, пожалел старика... Идем, Арина, кем бы он ни был, я выведу его на чистую воду.

Арина посмотрела на часы:

- Петя, уже поздно. Старик либо ушел с работы, либо сделает вид, что отсутствует. Надо прийти к нему в обычное время, прикинуться дурачком и попытаться выведать его планы. Нельзя раскрывать карты перед противником.

- Наверное, ты права, - согласился я, - но мне так обидно, будто в самую душу плюнули. Я думал: вот старый, чудаковатый старик, у которого нет ничего, кроме нелепых игрушек, надо ему помочь, сделать так, чтобы он осуществил свою заветную мечту... Кто же мог представить, что он способен на такое коварство!

- Все люди не такие, какими они кажутся, - философски заметила Арина, развешивая на бельевой веревке влажные фотографии механического уроды.

День шестой. СВЕТА НЕ ЖЕЛАЕТ ФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ

Мне не терпелось встретиться с Часовщиком, и потому пребывание в школе показалось растянутым до бесконечности. Наконец прозвенел долгожданный звонок, и ребята гурьбой ринулись на свободу. Арина, у которой занятия в колледже кончались примерно на полчаса раньше наших, уже поджидала меня у дверей школы:

- Пойдешь к Часовщику один или скажешь, что привел поглазеть на кукол еще одну экскурсантку?

- Лучше действовать вместе. Я так зол, что боюсь наделать глупостей.

Выйдя за пределы школьного двора, мы двинулись по направлению к центру города. Неожиданно я заметил шедшую в ту же сторону Барышеву.

- Куда это она собралась? – удивился я.

- Мало ли у людей дел после школы? – пожала плечами Арина.

- Мне кажется, она идет туда, куда и мы.

- Посмотрим.

Я не ошибся. Миновав несколько переулков, Вика вышла на Малую Яблоневою улицу, где находилась мастерская Дмитрий Дмитрича, и скрылась в знакомой подворотне.

- Странно... Вчера я видел Барышеву у Часовщика. Встретив меня, она смутилась и поспешила уйти.

Наш разговор прервало появление самой Виктории. Она вышла из подворотни, не пробыв там и пяти минут, и неожиданно нос к носу столкнулась со мной и Ариной.

- Вы шпионили за мной?

- Нет, просто шли по своим делам. Вика, что у тебя общего с Часовщиком?

- А у тебя, Петр?

- Послушай, оказывается, он виноват в том, что случилось с Сережкой, Танькой и Денисом Подбельским. Куклы, которых делает старик, опасны для окружающих. Они прикидываются людьми и превращают настоящих людей в бесчувственных и равнодушных зомби!

- Потрясающе! Неужели передо мной тот самый Толкачев, что принципиально не верит в чудеса?! Ну ты даешь, Петька! Зомби,

превращения, иллюзии – это тянет на черную магию, которой раньше для тебя не существовало.

- Мы сфотографировали одного подозрительного парня, а когда проявили пленку, увидели уродливый манекен, сильно смахивающий на восковую Амалию. Думаю, мы узнали правду потому, что фотопленка фиксирует реальные объекты, а не навязанные нам иллюзии.

- Все равно здесь какая-то ошибка. Дмитрий Дмитрич хороший человек, он хочет людям добра. – Барышева обиженно поджала пухлые губки и, помолчав, добавила: - Если вы к нему, то зря торопитесь. В доме начался ремонт, и мастерская переехала. Куда – неизвестно. Дмитрий Дмитрич не оставил адреса.

Вика ушла, а мы с Ариной заглянули в подворотню. Дверь в подвальныйчик была открыта, на асфальте виднелись отпечатки измазанных мелом ботинок, а внизу слышались громкие голоса. Дождавшись очередного перекура, мы прошмыгнули в помещение. Длинная мрачная комната опустела, и только в дальнем ее углу виднелись принадлежащие малярам кисти, ведра и банки с краской. Я тщательно обследовал стены, разыскивая ведущую в монастырский подвал дверь, но свежий слой штукатурки надежно укрыл ее от посторонних глаз.

- Что будем делать?

- Все равно он от меня не скроется. Я помогал собирать эти автоматы, я их и уничтожу!

- Мы. Мне тоже не безразлично происходящее, - уточнила Арина.

Перекусив и наскоро выполнив задание по алгебре, я вышел из дома. Арина дожидалась меня на лавочке возле подъезда.

- Надо что-то делать, Петька, не сидеть сложа руки, - сказала она.

- Да, но пока мы только говорим, что должны во всем разобраться, а сами, как обычно, ходим в школу, учим уроки, завтракаем, обедаем, ужинаем и ничего не предпринимаем.

- Повседневные проблемы затягивают, как болото. Знаешь, о чем я все время думаю? Жалею, что мы не догадались проследить за Барышевой. Она наверняка знает новый адрес этого Дмитрий Дмитрича.

- Очень может быть.

- Как по-твоему, за кем из девчонок лучше вести наблюдение?

- Мне кажется, Светка вообще ни при чем.

- Как же! Именно она вывела нас на блондина.

- Случайность. Он ехал своей дорогой, а Света шла своей. Они не общались друг с другом.

- А тайный язык жестов? Что ты знаешь об их способах связи?

Меня и самого посещали подобные мысли – терзали, разъедали душу, лишали покоя. Воображение рисовало нелепые картины – вот вооруженная скальпелем Акулиничева копается в голове очередной жертвы, вот Барышева под чутким руководством Часовщика совершает кровавые магические ритуалы...

- Арина! Честно признаюсь, не нравятся мне все эти шпионские методы. От них сам становишься не в меру подозрительным психопатом. Света и Вика – мои друзья! А за друзьями не подсматривают в замочную скважину. Идем к Светке и прямо ее спросим, имеет она отношение к этому делу или нет. Я знаю Акулиничеву очень давно и почувствую, если она начнет врать и выкручиваться.

- Хорошо. С этого и начнем.

Признаюсь, мне было страшновато вести Арину в дом Светки Акулиничевой. Мать Светы панически боялась «дурного влияния улицы» и очень придирчиво отбирала приятелей для своей дочери. Особенно настороженно Вероника Викторовна относилась к новым знакомым, и потому Арина, а заодно и я вряд ли могли рассчитывать на ее радушный прием. Однако тревоги оказались напрасными – дверь открыла сама Света.

- Вы очень вовремя, ребята! – обрадовалась она. – Мама работает до вечера, и нам сегодня никто не помешает обсудить одну важную проблему.

Осторожно проследовав по зеркальному паркету, мы переместились в комнату Светланы.

- Я знаю, что имею дело с законченными скептиками, и все же прошу отнестись к моим словам серьезно...

- Короче говоря, у тебя снова были видения? – перебил я смутившуюся Светку.

- Да. В этих образах зашифровано что-то очень важное. Может быть, если бы мы все вместе...

- Опять хочешь смотреть в кастрюлю? – Арина прохаживалась по комнате, рассматривая продвинутую мебель и видеотехнику.

- Нет, дома я использую для этой цели аквариум. – Акулиничева указала на большую сферическую склянку, установленную на специальном треножнике. – Если наполнить его водой, он становится похожим на хрустальный шар, который используют колдуны и ясновидящие. Признаться, в одиночку я боюсь подолгу глядеть в него, и вообще, чем больше людей, тем больше шансов, что кто-то станет посредником между мирами. Давайте попробуем.

Пожалуй, затея Светланы не была такой нелепой, как казалось на первый взгляд. Если допустить, что Часовщик в самом деле спутался со сверхъестественными силами, то спиритический сеанс мог оказаться неплохим источником информации. И потом – во время прошлого глядения в кастрюлю на какой-то миг мне показалось, что я увидел светящиеся точки, очень похожие на язычки пламени множества свечей...

- Хорошо, попробуем. А ты что думаешь, Арина?

Она промолчала, с недовольным видом наблюдая за действиями Акулиничевой. Светка до краев наполнила водой аквариум, попросила принести из кухни стулья, зажгла свечи и задвинула шторы. мы расселись вокруг треножника и взялись за руки.

- Расслабьтесь, ни о чем не думайте и смотрите в самую глубину шара.

Я попытался увидеть расстилавшийся под беззвездным небом живой золотистый ковер, но вместо этого очень живо представил расплывающееся в фальшивой улыбке лицо Часовщика. Холодные пальцы Акулиничевой сжали мою руку:

- Не отвлекайся, Петя, кажется, контакт есть.

Из темной глубины воды начали медленно всплывать светящиеся точки. Это был не сон, не обман зрения – я отчетливо видел заснеженные холмы и бесчисленное множество воткнутых в снег свечей. Налетевший откуда-то порыв ветра задул несколько язычков пламени, тонкие струйки дыма поднялись от фитилей и растаяли в воздухе... Потом померкло и само видение. Отведя взгляд от наполненного водой шара, я осмотрел комнату. Арина сидела, откинувшись на спинку стула, равнодушно наблюдая за происходящим, а Светка продолжала всматриваться в глубину аквариума.

- Ой, это вы... - чуть слышно прошептала она. – Не может быть...

- Довольно! – Арина резко поднялась со стула. – Почему ты считаешь нас глупцами? Спиритические сеансы устраивают или шарлатаны, или дураки. К какой категории относишься ты, Светлана?

- Я не понимаю... - Акулиничева побледнела и едва сдерживала слезы.

- Кто такой Дмитрий Дмитрич и почему ты на него работаешь? – продолжала допрос Арина.

- Послушайте, тот, кого я сейчас видела...

- Отвечай прямо, что твой железный сообщник сделал с Татьяной и Сережкой?!

- Уходи из моего дома, Арина! – опомнившись от неожиданности, возмущенно воскликнула Акулиничева. – И ты, Петька, тоже уходи! Мне надо делать уроки! Отстаньте от меня...

Арина попыталась давить на Светку и дальше, но я схватил свою напарницу за локоть и потянул вон из квартиры.

- Еще немного, и она бы раскололась! – хлопнула дверью возмущенная Арина. – Главное – действовать неожиданно, сейчас Светка меньше всего ожидала, что ей зададут такие вопросы. Теперь она будет к ним готова.

- Остынь. Света Акулиничева не преступница, а это не допрос.

- Но ты же сам хотел поговорить с ней прямо и откровенно, - удивилась Арина. – Я так и сделала.

- Мне показалось, ее видения помогли бы нам...

- Окончательно запутаться.

Недовольные друг другом, мы вышли на улицу. Внезапно хлопнув себя по лбу, Арина остановилась:

- Эврика! Я поняла, почему Акулиничева засветила пленку!

- Какую пленку?

- Помнишь, Барышева хотела отправить свои фотки в Италию? Мы все вместе пошли в парк, снялись на фоне пушек, а потом Акулиничева взяла фотоаппарат и как бы случайно открыла заднюю крышку. Вспомнил?

- Ты хочешь сказать, что она...

- Это не она! Часовщик подменил Светку одним из своих механических чудовищ, и кто знает, где теперь настоящая Акулиничева.

Предположение Арины было очень смелым, но в принципе вполне логичным. Коварный, обладающий сверхъестественными возможностями старик вполне мог заслат к нам своего шпиона.

- Есть только один способ это выяснить – надо сфотографировать Свету. Фото покажет ее настоящее лицо.

- Гениально!

Решив, что Акулиничева вряд ли захочет опять видеть Арину, мы расстались. Я помчался домой за фотоаппаратом, а Арина отправилась бродить по улицам города, разыскивая зловещего блондина. Спустя полчаса я уже звонил в дверь Светкиной квартиры. Оскорбленная Акулиничева не пустила меня домой, и переговоры пришлось вести через порог:

- Свет, прости, мы не хотели тебя обидеть.

- Что вам надо? Эта Арина тебя приворожила, ты никогда, никогда не был таким, Петька!

- Свет, извини, так получилось, у всех нервы на пределе. Давай, в знак примирения, я тебя «щелкну».

- Издеваешься? – она попятилась, отступая в прихожую. – Я не хочу фотографироваться. У меня глаза опухли – из-за вас, между прочим.

Я взял в руки фотоаппарат, снял с объектива крышку:

- Один кадр.

- Уходи!

Акулиничева разревелась и с грохотом захлопнула дверь. Похоже, худшие подозрения Арины оправдывались...

«Звездный паук уже раскинул свою сеть над миром, и скоро наступит время, когда может исполниться пророчество. Медлить нельзя – силы иссякают, душа холодеет, и следующего раза, скорее всего, не будет... - думал я, медленно шагая по тихим, залитым солнцем переулкам старого города. – Замшелые кирпичи хранят страшную тайну, и никто не сможет помешать мне, потому что не найдется человека, способного разгадать загадку древних стен! Неуязвимость... Но какой ценой! Я отомщу всем живущим в этом проклятом городишке. Я отомщу всем, кто имеет плоть, кто видит солнце! За каждый вздох, каждый глоток воздуха, каждую украденную секунду жизни...»

Боль в разбитом кулаке вернула на грешную землю – оказывается, я стоял у крепостной стены и с яростью молотил по ней руками. Подобное поведение явно не внушало оптимизма – просочившаяся в мое сознание личность маньяка окончательно вышла из-под контроля, бушевала и исходила ненавистью. Присев на корточки и облокотясь спиной на старую кирпичную кладку, я огляделся. Ярко-желтые пушистые одуванчики улыбались сиявшему над их головками солнцу. Чирикали воробьи. Вдоль пруда чинно прогуливались молоденькие родительницы с колясками. Из глубины парка доносились музыка и смех. Жизнь шла своим чередом, и

бушевавшая в чьем-то сердце ненависть еще не нарушила ее привычного распорядка.

Возвращаясь к пронесшимся в мозгу воспоминаниям, я гадал, кому они могла принадлежать. Последнее время мы много общались с Дмитрий Дмитричем, старый мастер называл меня «родственной душой», и вполне возможно, по какой-то роковой случайности между нами возникла телепатическая связь, и его мысли проникли в мое сознание. Но почему Дмитрий Дмитрич так люто ненавидел наш город, в чем была причина этой ненависти?..

Темная тень заслонила солнце, и, подняв глаза, я увидел стоявшего передо мной человека. Мрачный взгляд незнакомца обжигал неистовым черным огнем, пугал и вызывал желание оказаться как можно дальше от его обладателя. Черный человек подошел к крепостной стене и, встав между соседними нишами, продолжал безмолвно разглядывать меня. Я понимал, что должен узнать, чего он хочет, но страх оказался сильнее здравого смысла. Мы молчали. Мгновения растягивались до бесконечности. Мужчина в черном стоял у стены, явно не собираясь покидать это место. Искоса взглянув на его бледное лицо, я больше не мог отвести от него взгляда. Казалось, еще одно усилие, и мне наконец-то удастся понять, почему оно кажется таким знакомым.

Солнце сияло над головами, но у стены становилось все холоднее и холоднее. Эти волны холода излучал черный человек, пришедший сюда, чтобы отвести меня в могилу. Он протянул худую белую руку... Нервы не выдержали, я вскочил, опрометью бросился прочь и, только отбежав метров на тридцать, осмелился обернуться. Сиял желтый ковер одуванчиков, темнели проделанные в крепостной стене полукруглые ниши, но площадка перед ними опустела – черный человек исчез так же неожиданно, как и появился. Только подходя к дому, я понял, что повстречавшийся мне

молчаливый, похожий на призрака незнакомец вполне мог оказаться тем самым маньяком, что стремился отомстить обитателям нашего городка.

День седьмой. УКРАДЕННЫЙ ДНЕВНИК

Еще до начала уроков мне удалось украдкой, используя для этого «мыльницу», сфотографировать всех жертв Часовщика, за исключением Светки Акулиничевой, которая тем и не пришла в школу. Теперь, когда фотоаппарат с бесценной пленкой лежал в рюкзаке, я не находил себе места, желая поскорее узнать, какая участь постигла ребят. Только бесстрастная фотопленка могла дать ответ, остались они людьми, или коварный старик заменил их металлическими чудовищами.

Поступки Ивойлова, Панкратовой и Подбельского и в самом деле напоминали действия автоматов. Любившие поспать Танька и Сережка перестали опаздывать в школу и теперь приходили ровно за пятнадцать минут до звонка, а обычно задиристый Денис прекратил участвовать в потасовках и стал носить галстук. Одноклассники избегали пострадавших от Часовщика ребят, настолько скучно было с ними общаться, а учителей радовала улучшившаяся успеваемость Дениса и Сергея. Зато их огорчала Панкратова – ее ответы утратили былую безупречность. Таня неплохо справлялась с заданиями, но в ее глазах больше не было азартного блеска, а в голосе звучало равнодушие.

Устав от ожидания, я решил пораньше уйти с уроков и как можно быстрее проявить пленку. На большой перемене мне удалось покинуть территорию школы и беспрепятственно проследовать домой.

- Почему так рано? – донесся с кухни голос деда.

- Не было двух последних уроков.

- Кстати, полчаса назад заходила твоя новая подруга Арина и назначила свидание у наполеоновских пушек. Знаешь, Петр, в твоем возрасте я тоже бегал за девчонками и прогуливал школу, но, во всяком случае, старался до конца занятий не попадаться на глаза родителям. У вас с ней серьезно?

- Деда, это чисто деловое свидание.

- Конечно, конечно. А вообще, внук, девчонка клевая. Так теперь, кажется, выражаются?

- Что она еще сказала?

- Велела поторапливаться.

Оставив пленку непроявленной, я со всех ног помчался к городскому парку. На площадке возле трофейных пушек крутилось несколько малолеток, но Арины нигде не было видно. Тихий посвист заставил поднять голову – моя золотоволосая напарница удобно расположилась на ветвях старой ивы.

- Отсюда хорошо наблюдать за детской площадкой, - пояснила она, спустившись на землю. – Блондин крутится возле детей, но ничего не предпринимает.

- Как ты его вычислила?

- Случайно. Прогуляла занятия, ходила по людным местам, натерла пятку и пришла сюда за дорожкой. Я – везучая.

Обогнув пруд, мы пошли вдоль крепостной стены. Теперь, когда цель была близка, я растерялся, не представляя, как можно справиться со здоровенным, таким крепким на вид парнем.

- Слушай, а может, сообщить в милицию? – предложил я. – Когда его сфотографируют...

- Они не станут его фотографировать, а вот нас посчитают малолетними преступниками. В милиции фантазеры не работают.

- Нам его не одолеть. Будем продолжать наблюдение?

- Нет, - Арина решительно тряхнула волосами. – Петя, ты ведь собирал автоматы вроде этого?

- Сбирал.

- Значит, ты знаешь, как его можно сломать?

Я задумался, представляя устройство механического манекена. Способов испортить автомат было достаточно, но использовать их против совершенно нормального на вид парня казалось слишком рискованно.

- А если мы ошибаемся и вместо манекена покалечим нормального человека?

- Ты же видел фото. Фотопленка не лжет, на ней – подлинное лицо железного монстра.

Мы подошли к детской площадке. Парень с длинной челкой сидел на лавочке, равнодушно поглядывая по сторонам. У его ног резвилось несколько детишек, а неподалеку сидели две молоденькие мамы, вязавшие на спицах крошечные носочки.

- Так как сломать механизм? – повторила вопрос Арина.

- Так же, как обычные часы. Можно их сильно ударить, тогда сломаются оси шестеренок, или пронзить длинным острым предметом, например... - Я посмотрел на рукодельницу. - ...вязальной спицей. В этом случае надо действовать очень точно – часть механизма манекена покрыта латунными пластинками, спица должна войти между ними и заклинить колесики. Но, Арина, это чистая теория. Протыкать и сотрясать этого парня у меня рука не поднимется.

- А ты, оказывается, слабак! – вздохнула Арина. – Придется действовать в одиночку. Об одном прошу – помоги заманить его в безлюдное место.

Я согласно кивнул головой. Арина задумалась, почесала кончик носа.

- Давай... Нет, не годится... Лучше поступим так... Знаешь, Петька, отправляйся к пруду и начинай прогуливаться вдоль берега. Просто гуляй неподалеку от мостика и никуда не уходи. Надеюсь, сейчас там никого нет. За пять минут доберешься?

- И что потом?

- Увидишь! – сверкнула изумрудными глазами Арина.

На берегу пруда не было ни души. Обнаружив в кармане обломки печенья, я угостил ими скользивших по грязно-зеленой воде лебедей, но, проигнорировав жалкую подачку, они уплыли прочь. Время утекало минута за минутой, а Арина все никак не появлялась. Неожиданно я почувствовал на своей макушке пристальный взгляд, поднял голову и обалдел от изумления: между полуобрушившимися зубцами крепостной стены стояла Арина, а рядом с ней – блондин с длинной челкой! Они о чем-то мило беседовали, и Арина указывала рукой в мою сторону. Парень приблизился к самому краю стены, посмотрел в нужном направлении, и наши взгляды пересеклись... В этот момент Арина с удивительным хладнокровием обеими руками толкнула его в спину. Не вскрикнув, блондин камнем полетел прямо на мощенную плитками дорожку у стены.

Донесшиеся с противоположного берега пруда грохот, звон и скрежет ничуть не напоминали звук падения человеческого тела. Теперь можно было не сомневаться – Часовщик лишился одного из своих уродов. Присмотревшись, я увидел отскочившие в траву обломки манекена. Вид у блондина был весьма плачевный – голова раскололась надвое, а

покрывавший тело воск осыпался, обнажая сочленения металлического скелета.

- Ну как? – поинтересовалась успевшая сбежать со стены и обойти пруд Арина.

- Круто. Ты похожа на суперагента из боевика.

- Такая роль как раз по мне.

- Как удалось заманить его на стену?

- Элементарно, Ватсон. Я сказала, что пришла по поручению Часовщика, и отвела доверчивого болвана полюбоваться на новый объект преследования.

- Ты очень рисковала, Арина. Что, если бы он обо всем догадался?

- Я не верю в силу механического разума, - беспечно рассмеялась она.

Придя ко мне домой, мы с Ариной немедленно занялись проявкой отснятой в школе пленки. Вскоре с готовых фотографий на нас смотрели знакомые физиономии моих друзей. Это были человеческие лица, вот только выражения их оказались холодными и отчужденными.

- Признаюсь, я так и думала, - вздохнула Арина. – Дмитрий Дмитрич использует своих кукол не для того, чтобы заменять ими людей. У старика всего несколько таких автоматов, и, похоже, с помощью этих чудовищ он подчиняет себе человеческую волю. Ребята, присутствующие в школе, - жертвы. Сам факт, что они позволили себя сфотографировать...

- Я снимал их незаметно.

- Если бы они боялись разоблачения, то не допустили бы этого.

- А блондин?

- Он был болваном. Зато Акулиничева быстренько засветила пленку.

- Не торопись, Арина. Еще ничего не доказано. Признаю, Светка ведет себя странно, но то, что она отказалась сниматься, вполне объяснимо – после твоего «наезде» любой мог обидеться.

- И пленку она засветила случайно?

- Да. Такое бывало и со мной – у этого фотоаппарата барахлит не только перемотка, но и защелка.

- Вспомни, при каких обстоятельствах ты поранил руку, и скажи, кто, кроме Акулиничевой, мог включить фен в розетку?!

- Вика, Сережка, ты, я сам, наконец...

- Пойми, Петр, Часовщик использует лже-Светлану для того, чтобы контролировать свои жертвы, следить за ними! – Арина поднялась с кресла, подошла к столу и долго разглядывала стоявшую там фотографию, с которой смотрели весело улыбавшиеся Сережка, Вика, Светка и я. – Петя, если это возможно, мы обязательно выручим настоящую Светку, но прежде должны найти Часовщика.

- Как? Он скрылся, не оставив следов.

- Да. Но его монстры разгуливают по городу и калечат людей. Начнем с них. Лишившись механических слуг, старик потеряет власть, тогда мы его разыщем и разберемся по полной программе. К счастью, манекенов всего четыре – два собранных тобой автомата, Амалия и лже-Акулиничева. Мы будем ходить по городу, фотографировать подозрительных субъектов, а узнав автоматы в лицо – уничтожать их. Первой будет «Светка»...

- Нет! И не думай! – с доводами Арины нельзя было не согласиться, но ее предложение испугало меня по-настоящему – я все еще не мог поверить в виновность Акулиничевой.

- Внезапно дверь открылась, и в комнату заглянул дедушка:

- О чем шумите, ребятки? Драться не будете?

- Обсуждаем школьные проблемы! – как ни в чем не бывало улыбнулась моя не в меру решительная напарница.

Пока Арина болтала с дедом, мне в голову пришла неплохая идея. Едва дверь закрылась, я спросил:

- Что ты думаешь о Виктории? Вполне вероятно, она знает, где скрывается Часовщик.

- Интересная мысль... Пожалуй, стоит попробовать! – восторгалась Арина, и мы приступили к разработке нового плана военных действий.

Мое дежурство у дома Барышевой начиналось в 19.00, и, воспользовавшись свободным временем, я занялся изрядно запущенными за последнее время уроками. А без четверти семь мы снова встретились с Ариной, и она сообщила последние новости:

- Ты оказался прав, жизнь Виктории Барышевой полна тайн и загадок. Думаешь, я все это время провела здесь? – она указала на закуток у трансформаторной будки, из которого удобно было наблюдать за подъездом. – Ошибаешься! Пришлось изрядно побегать. Вскоре после начала наблюдений объект вышел из дома и направился к трамвайной остановке. Я, естественно, следом. Самым трудным оказалось незамеченной проскользнуть в трамвай, которым воспользовался объект...

- Не называй Вику «объектом».

- Как хочешь. Ты сам предложил следить за ней. Сев в трамвай, Барышева поехала на вещевой рынок. На барахолке она достала толстую пачку денег и начала, не меряя, скупать вещи, в том числе и мужские.

- Она подбирала одежду для манекенов?

- Думаю, да. Часа через полтора, нагруженная пакетами, Вика вышла с территории рынка и направилась к автобусной остановке. Она села в автобус восьмого маршрута, я кое-как пролезла следом. Давка была страшная, а тут еще тетка с огромными баулами преградила дорогу, не давая никому пройти... Из-за нее я и упустила Вику – не успела сойти на нужной остановке. Сошла на следующей, вернулась назад, обшарила прилегающие улицы, но так ничего и не обнаружила. Пока не обнаружила. Я уверена, что новое логово Часовщика где-то там, и завтра непременно продолжу поиски. А сегодня, извини, больше не могу составлять тебе компанию – меня дома заждались и уроки не выучены.

- Вика вернулась?

- Да, примерно за час до меня, соседские ребяташки видели.

Арина ушла, а я продолжил наружное наблюдение. Торчать в углу за трансформаторной будкой было неуютно и мучительно скучно, к тому же на меня с удивлением стали поглядывать гулявшие возле дома бабульки. Наплевав на конспирацию, я решил отправиться в гости к Барышевой и за разговорами попытаться вытянуть из нее полезную информацию.

Виктория только-только поужинала и пригласила меня в свою комнату выпить чашечку чая. Пока хозяйка возилась на кухне, я осмотрелся. Уютная

спаленка Вики за последнее время сильно изменилась – ее стены почти до потолка были увешаны самодельными плакатами с иностранными словами, а письменный стол завален тетрадями, словарями и учебниками итальянского языка. Такое рвение просто впечатляло. Училась Барышева средненько, без особого усердия, никогда не загружала свои мозги «лишними знаниями» и терпеть не могла иняз, который всегда давался ей с большим трудом.

- Я сейчас! Только чайник закипит! – донеслось из-за неплотно прикрытой двери.

Мое внимание привлекла пухлая тетрадь, краешек которой виднелся из-под «Краткого грамматического справочника по итальянскому языку». Аккуратно обернутая, с яркими наклейками, она ничуть не походила на растрепанные школьные тетрадки Барышевой. Понимая, что поступаю не лучшим образом, я вытащил ее и перелистал страницы: «Есть на свете женская дружба? Вот Панкратова и Акулиничева – подруги с детского сада, а у меня нет человека, с которым можно поделиться личными трагедиями. А мальчишкам и вовсе нельзя доверять. Для них мы все – легкомысленные дуручки, которым интересны только косметика и наряды...»

Без сомнения, передо мной был дневник Барышевой. Первым побуждением было поскорее положить его на место, но любопытство заставило перевернуть еще несколько страничек: «Д.Д. – волшебник. Не об этом ли я мечтала, желая чуда? Пусть внешне он противный старикашка, но он обещал помочь мне!..»

За дверью слышались приближающиеся шаги. Не очень хорошо соображая, что делаю, я моментально сунул дневник под свитер и сделал вид, будто разглядываю висевшие по стенам плакатики.

- Здорово я придумала? – не замечая моего смущения, начала объяснять Барышева. – выписала на отдельные листочки неправильные глаголы и развесила где только можно. Теперь, когда бездельничаешь, взгляд волей-неволей упирается в полезную информацию. Очень помогает. Тебе это неинтересно, Петя?

- Наоборот. Я, пожалуй, перейму твой опыт.

- Видишь глагол «эссэрэ»? Он производит странное впечатление...

Вика с увлечением начала рассказывать об изменениях основы неправильных глаголов, а я сидел, как на углях, и чувствовал себя законченным негодяем. Наверное, лучше всего было незаметно вернуть дневник на место, но, с другой стороны, речь в нем шла о Дмитрий Дмитриче и, возможно, разъяснялось странное поведение самой Виктории. В конце концов, слежка за друзьями тоже казалась не слишком достойным занятием, но мы с Ариной делали это, желая предотвратить надвигающуюся беду и вывести на чистую воду злодея. Подумав так, я немного поболтал о пустяках, выпил чаю с овсяным печеньем, попрощался с Викторией и пошел домой.

Около полуночи я закрылся в своей комнате, включил ночник и приступил к чтению дневника, стараясь пропускать страницы, не имевшие отношения к теме: раздумья о женской дружбе, несправедливых учителях, любви и прекрасных принцах. Однако избежать откровенных признаний было не так-то легко, они занимали большую честь дневника. «Когда я вспоминаю его облик, то сердце мое сжимается от сладкой тоски. Его бездонные глаза, его такое необычное, запоминающееся лицо, его длинные

блестящие кудри...» - писала Барышева, я перелистывал несколько страниц, и мой взгляд упирался в очередное упоминание о некоем парне чей талант и потрясающая внешность вскружили ее голову. Вскоре мне захотелось узнать, кто был героем девичьих фантазий. Судя по описанию, он не походил ни на одного из наших знакомых и, скорее всего, не был киноактером – Виктория лично знала черноволосого красавчика.

«Мы так и не узнали его имени, он скрыл его, желая сгнать в пучине забвения. Я называла его Незнакомец в Черном. Вспоминаю нашу последнюю встречу: белый, чистейший снег, золотые купола церкви, тишину и торжественность спящего кладбища... Тогда он пришел проститься с нами. Мне никогда не забыть его грустную улыбку, темные, непроницаемые глаза, печать страдания на лице...»

Так вот о ком грезил Барышева! Я очень хорошо помнил тот погожий день в середине прошлой зимы, когда мне впервые удалось увидеть настоящее привидение. Тогда вся наша компания тайком приехала в небольшой районный городок Алексино, чтобы похоронить на местном кладбище останки далекого предка Виктории Барышевой. После похорон мы уже собрались возвращаться домой и вдруг увидели виновника всех необычных и страшных событий, обрушившихся на наши головы, - призрак того самого итальянского художника, что сто пятьдесят лет назад приехал в Россию, связался с нечистой силой и погиб при невыясненных обстоятельствах. Пришелец из загробного мира поблагодарил за оказанную услугу и обещал больше не лезть в дела живых, чем, кстати, очень меня обрадовал. В отличие от Барышевой и других девчонок я не испытывал симпатии к этому назойливому, немного сумасшедшему призраку, особенно после того, как он выбрал моего деда на роль медиума и тем самым довел его до больницы.

Теперь, когда после нашего знакомства прошло больше года, образ чокнутого итальянца окончательно выветрился у меня из памяти, и сколько я

ни старался, так и не вспомнил восхищавшую Барышеву внешность призрака. Впрочем, это не имело особого значения, важнее было понять, что связывало романтически настроенную Барышеву с Часовщиком и имел ли к ним какое-то отношение Незнакомец в Черном. Дневник Виктории дал ответ и на этот вопрос:

«Д.Д. обещал ему второй шанс. Старик может вызывать души умерших и вселять их в механические тела. У его кукол человеческие души. Д.Д. – волшебник. Пусть внешне он противный старикашка, но он обещал помочь мне, если я помогу ему. Толкачев был прав – при помощи одной только механики не создашь разумного автомата. «Механизм – грубая основа, на которую накладывается колдовство» - так говорил мне старый мастер. Скоро наступит подходящий момент для ритуала оживления автоматов, и тогда Д.Д. не обойтись без ассистента. Толкачев ему не подошел – Петька не верит в чудеса и слишком рационален. Он может только ловко закручивать винтики... - Я возмущенно хмыкнул, но потом сообразил, что поступаю намного хуже, чем обо мне могла подумать Барышева, и продолжил чтение: - Когда я выполню все необходимое, Д.Д. даст новое тело Незнакомцу, и тогда он сможет жить среди нас как обычный человек. Незнакомец был так добр ко мне. Лучшее, чем можно его отблагодарить, - дать ему вторую жизнь...»

Я захлопнул дневник. Легкомыслие и наивность девчонок не знают границ! Неужели Вика не видела, с каким коварным старым чертом связалась?! Впрочем, Дмитрий Дмитрич умел обманывать и очаровывать людей. Мне вспомнилось его высохшее морщинистое лицо, лысый череп, фальшивые зубы и расхлябанная походка – даже внешне Часовщик производил отвратительное впечатление, а я почему-то проникся к нему сочувствием, искренне хотел помочь и своими руками собирал его механических чудовищ... Одно было несомненно – следовало во что бы то ни стало помешать Барышевой совершить эту ошибку. С такими мыслями я потушил

**День восьмой. «ТЫ ПОВЕДЕШЬ МЕНЯ ДОРОГОЙ, ПО КОТОРОЙ НЕ
СТУПАЛА НОГА СМЕРТНОГО...»**

День начался не слишком удачно. Контрольная по геометрии оказалась сложнее, чем можно было предположить, и я прочно завяз в первом же вопросе. Подсказок ждать не приходилось – сидевшая за соседним столом Панкратова с недавних пор никому не давала списывать и даже могла настучать на просителя учителям. Пришлось вникать в задачу самостоятельно. Неожиданно скоро прозвенел звонок. Не успев выполнить два последних задания, я сдал тетрадь и вышел из класса.

Барышева сидела на подоконнике, разговаривая со стоявшей рядом Акулиничевой. Виктория жаловалась подруге:

- Я просто не ожидала, что мама способна на такое! Она никогда, никогда не рылась в моих вещах!

- А моя делает это постоянно, - заметила Светка.

- Теперь даже не знаю, как поступить! Мама молчит, будто ничего не случилось, а вот так подойти к ней и сказать: «Верни, пожалуйста, мой дневник» - стыдно. Там тако-о-о-е написано...

- Вика, ты сегодня после школы свободна? Я должна рассказать тебе что-то очень важное. Лучше всего сделать это у меня дома.

- Извини, Света, - Барышева соскочила с подоконника и пошла в класс.
– Сегодня никак не получится. Срочно после школы у меня крайне важная встреча. В другой раз, ладненько?

- Но, Вика... Эх, почему меня никто не слушает? – грустно вздохнула Акулиничева и погрузилась в чтение конспекта.

Я не сомневался, что Барышева говорила о встрече с Часовщиком, и потому, как только кончились занятия, тайком последовал за ней. Забегав домой и оставив там сумку с учебниками, Вика вновь отправилась на вещевой рынок. Слежка оказалась довольно сложным делом. За время нашего путешествия я допустил множество ошибок, и меня спасла только рассеянность думавшей о своем Барышевой. Пройдя по рынку, Вика купила несколько пар обуви, парики и даже нижнее белье. Потом она проследовала к остановке, сел в автобус восьмого маршрута, я еле-еле успел проскочить за ней, и мы поехали в район новостроек.

Барышева вылезла из автобуса и быстро пошла по узкой асфальтированной дорожке. Окраина города произвела на меня неприятное впечатление – блестевшие облицовкой многоэтажки, чахлые деревца, черная стена леса в конце улицы навевали уныние. Чем дальше я углублялся в дебри новостроек, тем сильнее становилась необъяснимая тоска, сжимавшая сердце. Похоже, дело было вовсе не в однотипной застройке микрорайона... А Барышева весело шагала вперед, ничуть не страшась Часовщика и ожидая от жизни только приятные сюрпризы.

На стене одной из четырнадцатизэтажек синела четкая надпись «Ремонт часов». Вика взбежала по наружной лесенке, толкнула застекленную дверь и скрылась в помещении. Выйдя из-за телефонной будки, я остановился в нерешительности. Идти дальше было опасно, а стоять на месте – означало пропустить важный разговор. Эх, если бы у меня имелось настоящее

шпионское оборудование... Подкравшись к дому, я стал под окном и прислушался, но гул проезжавших по улице машин перекрывал все другие звуки.

Внезапно за стеклянной дверью мелькнули чьи-то силуэты, и мне пришлось срочно нырнуть под лестницу, ведущую в мастерскую. Оставалось только надеяться, что вышедшие из помещения не станут смотреть под ноги и заглядывать в щели между металлическими ступенями. Послышался звук открываемой двери, и перед моими глазами возникли две пары обуви – старые, но крепкие ботинки с немного стоптанными каблуками и изящные, узконосые лодочки.

- Мне кажется, Амалии очень к лицу эта прическа. Сперва я хотела выбрать парик потемнее, но потом решила, что к ее глазам больше подходит каштановый оттенок.

- Прекрасно, Вика, все сработано на славу. Ты уверена, что сможешь прийти в такое время? Я должен знать наверняка.

Ботинки и лодочки переместились ступенькой ниже. Барышева поддела носком туфельки пустую сигаретную пачку, валявшуюся на лестнице.

- Да, Дмитрий Дмитрич, мне и раньше приходилось уходить из дома после полуночи. Надо только дождаться, когда все уснут, и тихонечко выскользнуть за дверь. Главное з чтобы она не закрипела. Пожалуй, я заранее смажу петли.

- Похвальное усердие, дитя мое. Встретимся без четверти час у пушек. Помни, мы уже вошли в созвездие Арахны, и время проведения таинства неотвратимо приближается. Нельзя упустить его, ибо у каждого события свой черед, свой срок.

- До вечера, Дмитрий Дмитрич!

Барышева сбежала со ступенек и направилась к автобусной остановке. Дождавшись, когда Часовщик вернется в мастерскую, я выбрался из своего укрытия и последовал за объектом.

Встретившись с Ариной и обсудив последние новости, мы решили, что должны непременно отправиться вслед за Викой в логово Часовщика. Лишенный событий день прошел тихо и незаметно, зато вечером мне пришлось поволноваться – родители увлеклись каким-то фильмом, дед разоткровенничался о своих похождениях во времена службы на флоте, и хотя стрелки часов подползали к полуночи, никто не собирался ложиться спать. Едва дождавшись, когда в комнатах потушат свет, я тайком выбрался из квартиры и со всех ног рванул к городскому парку.

- Я тебя десять минут дождаюсь! – сообщила скрывавшаяся в облепленных белыми цветочками кустах Арина. – Нельзя же так опаздывать!

- Родителей одолела бессонница.

- Ладно. Значит, у старика еще нет живых автоматов? Они превратятся в людей во время ритуала, на который мы собираемся?

- Лучше этого не допускать. Надо сломать кукол прежде, чем все произойдет.

- Логично. Но не забывай, мы должны вывести все секреты Часовщика.

Арина замолчала. Спрятавшись среди низкорослых зарослей, я наконец-то осмотрелся. Ночной парк был по-настоящему красив – покрытые белой пеной цветов, будто светящиеся в темноте кусты спиреи, мерцавший под звездным небом пруд, черный силуэт зубчатой крепостной стены производили сильное впечатление. Над головами пел соловей, а в глубине парка то и дело раздавались смех и голоса.

- Никогда не думал, что по ночам здесь бродит столько народу! – шепнул я на ухо Арине.

- Весна... Тс-с-с... Смотри, кто идет.

Оглядываясь и вздрагивая от каждого шороха, по аллее кралась Вика Барышева.

- Дмитрий Дмитрич! – громким шепотом позвала она. – Я здесь!

Никто не отозвался. Вика с тревогой посмотрела по сторонам, присела на ствол пушки, прислушалась:

- Дмитрий Дмитрич...

Старик появился внезапно, и ни я, ни Арина, ни Вика не заметили, откуда он пришел. Положив руку на плечо Барышевой, Дмитрий Дмитрич торжественно произнес:

- Идем, дитя мое, - и они стали подниматься по склону бугра, а потом скрылись в тени крепостной стены.

Короткими перебежками от куста к кусту, а то и ползком, мы с Ариной последовали за ними. Густая тень стены скрывала фигуры людей, а все же я разглядел, как двое приблизились к большому кусту бузины и нырнули под его развесистые ветви. Послышался шорох, а потом все стихло. Когда мы подбежали к зарослям, обычно бесстрашная Арина внезапно схватила меня за рукав:

- Если это подземелье, без фонарика туда лучше не соваться.

- Будем ориентироваться по свету их фонаря. Поторопись, Арина, иначе мы упустим Часовщика.

- Я боюсь узких тоннелей, - неожиданно созналась она.

- Тогда останься здесь.

- Нет! – Арина уцепилась за мою руку.

- Пусти! Пока не поздно... - С трудом разжав ее пальцы, я ринулся в густые заросли бузины.

В траве лежала тяжелая плита, а позади нее, возле самых корней куста, чернело небольшое отверстие. Из него веяло холодом и сыростью. Ноги нащупали крутые неудобные ступени, и я начал спуск, рассчитывая, что Часовщик не успел уйти слишком далеко и за ним еще удастся проследить. Так и оказалось – на сводах подземелья еще можно было различить слабые отблески света. Касаясь руками влажных кирпичных стен коридора, я довольно быстро пошел вперед.

Они уверенно шли по подземному ходу. Старик сутулился, боясь задеть низкий свод, а державшая фонарь Барышева то и дело оглядывалась по сторонам в поисках чего-нибудь интересного.

- Я читала, - раздался голос Вики, - что под нашим городом прорыто множество тоннелей и ходов, но, честно говоря, не думала, что однажды окажусь в них.

- Старые города таят в себе много загадок, - ответил ей старик. – Наверное, ты слышала о московских подземельях, а ваш городок еще старше столицы, и на его долю выпало еще больше испытаний. Подземные ходы, погреба, темницы, кладовые встречаются здесь в изобилии. Тоннель, по которому мы сейчас идем, выходит за пределы крепостной стены. Он был построен около пятисот лет назад. С тех пор его не раз заваливало, о нем забывали и вспоминали вновь, но, как видишь, ход не утратил своего предназначения. С его помощью мы попадем туда, куда необходимо.

- Потрясающе! – Вика остановилась, освещая фонариком древние своды.

- У нас мало времени, Виктория, поторопимся.

Раздался тихий шорох, кто-то дотронулся до моего плеча, и я едва не заорал от неожиданности – место явно не располагало к подобным шуткам.

- Это я, - чуть слышно прошептала Арина, - решила довести начатое до конца.

- Молодец. Тут ничего страшного – обыкновенный подземный ход.

- А как мы из него выберемся? Ведь у нас нет фонарика.

- Проще простого. Подземелье не разветвляется, по такой «кишке» можно прогуливаться с даже закрытыми глазами.

- Хорошо бы...

- Иди быстрее, если можешь.

С появлением Арины я заметно отстал от Часовщика и его спутницы, и теперь их выдавало только слабое пятнышко света. Внезапный оглушительный лязг, скрежет и вспышка света испугали нас до полусмерти.

Арина повела себя как самая заурядная девчонка – приглушенно вскрикнула и повисла на моем плече:

- Петенька, нас убьют, убьют...

- Жди здесь, - приказал я и осторожно выглянул из-за угла.

За поворотом виднелся знакомый интерьер подземной мастерской, и только когда глаза привыкли к яркому свету, стало видно, что путь в нее преграждает толстая решетка.

- Мы можем только наблюдать, - грустно констатировала подошедшая Арина.

- Если бы мы поторопились, успели бы до того, как Часовщик преградил путь.

- Прости, мне самой стыдно за свое поведение. Надо же так раскиснуть!

Мы начали озираться по сторонам. Ход привел в монастырский подвал, но, как оказалось, мастерская занимала только часть подземелья, и вокруг чернели сводчатые арки, за которыми находились другие комнаты.

- А я даже не подумал о такой возможности. Вход в подземелье Часовщик скрывал ширмой, и мне не пришло в голову за нее заглянуть.

- Надо быть любопытнее, - заметила оправившаяся от испуга Арина.

А на ярко освещенной «сцене» все было готово к проведению ритуала. На небольшом возвышении спиной к нам стояли автоматы, за ними виднелся столик с необходимыми для магических действий предметами, а на полу стояло множество незажженных свечей. В воздухе плавали клубы ароматного, дурманящего дыма.

- Неужели они станут живыми людьми?! – воскликнула рассматривавшая манекены Вика. – Честно говоря, мне трудно в это поверить.

- Обретенной мною властью я могу повелевать не нашедшими покоя душами умерших. Если бы ты знала, Виктория, сколько призраков бродит вокруг нас! Большинство из них одержимо желанием вселиться в любое более-менее подходящее тело и продолжать земную жизнь. Иногда эти беспокойные души подчиняют себе живых людей, иногда мертвецов, а с тех пор, как я изобрел свои автоматы, - и механические тела из стали, латуни и воска. Смею заверить, они даже лучше недолговечных обиталищ души из плоти и костей: ведь при должном уходе автоматы могут работать столетиями! – Старик с довольным видом прошелся по мастерской, а потом, обернувшись, пристально посмотрел в сторону решетки, за которой скрывались мы с Ариной. – Один милый юноша, оказавший мне большую услугу, был абсолютно прав – создать автомат, подобный человеку, невозможно. Душу из шестеренок не соберешь. Между нами говоря, человек вообще не может одушевить свои творения, это выше его сил. Зато бессмертный дух можно пригласить в гости, во вполне приличное тело. Впрочем, скоро ты все увидишь своими глазами, Вика. А теперь ступай в маленькую комнату и переодейся.

- Это обязательно? – приняв белый сверток из рук старика, спросила Барышева.

- Все, что здесь делается, - необходимо. Ты выполнила все условия?

- Да. Целые сутки ничего не ела. Теперь голова кружится.

- Не страшно, это скоро пройдет.

Прижав к груди сверток, Вика ушла в глубь мастерской, а Часовщик занялся тем, что начал зажигать стоявшие на полу свечи. Понимая, что шансов остановить безумного мастера больше не представится, я попытался проникнуть в его владения. Увы, безрезультатно – протиснуться между прутьями решетки помешала собственная, оказавшаяся слишком большой, голова. После нескольких неудачных попыток мне пришлось отказаться от этой затеи.

- Я все правильно надела, Дмитрий Дмитрич? – отвлек от грустных мыслей голос Барышевой.

Виктория напоминала победительницу конкурса красоты. Она была одета в умопомрачительное, снизу доверху расшитое жемчугом и серебром белое платье, а ее короткие волосы украшала диадема из черных, сверкавших алыми искрами камней.

- О да, ты великолепна, дитя мое! – заулыбался Часовщик.

Барышева вновь подошла к автоматам, придирчиво оглядывая их:

- А он будет похож на себя прежнего? Дело в том, что при жизни он был очень красивым, и хотелось бы...

- Я дам твоему другу это тело, - Дмитрий Дмитрич указал на среднего из механических монстров. – Мягкий воск обретет желанные черты и вернет утраченный облик. Только ты можешь дать своему возлюбленному новую жизнь. Выпей это, и начнем...

Виктория покорно взяла в руки чашу, наполненную до краев темной жидкостью.

- Вика, не пей эту гадость! – не выдержав, во все горло заорал я. – Он тебя отравит!

Часовщик и Виктория обернулись. Позабыв об осторожности, я дергал решетку и говорил, говорил, говорил, пытаюсь прояснить затуманенную романтическими бреднями голову этой наивной девчонки. А Вика держала в руках чашу, с удивлением слушая пылкие речи.

- Что ты тут делаешь? – наконец спросила она.

- Петр пришел понаблюдать за завершением нашей с ним совместной работы, отозвался вместо меня Часовщик. – Думаю, он это заслужил.

- Что ты наделал! – сокрушалась отступившая в тень Арина. – Этот псих непременно уберет всех свидетелей. Он типичный маньяк.

Несмотря ни на что, я продолжил вразумлять Барышеву:

- Знаешь, для чего старик оживляет этих механических уродов? Думаешь, он бескорыстно предоставляем беспокойным духам «жилплощадь»? мерзкие монстры будут бродить по городу и калечить наших друзей. Ожившие автоматы сделают со всеми то, что они уже проделали с Танькой, Сережкой и Денисом. Ты служишь злу!

- Я не знаю, зачем Дмитрий Дмитричу манекены, и меня это не касается! – Барышева зажала уши ладонями. – Он обещал исполнить мою заветную мечту, и за это я помогу ему.

- Вика! Вика!

Виктория залпом выпила содержимое чаши, пошатнулась, но не упала, в последний момент опершись на краешек стола. Ее глаза были широко раскрыты и неестественно блестели.

- Уходим... - потянула меня за рукав Арина. – Пока Часовщик занят своими делами, у нас есть шанс смыться.

Она была права, но я все никак не отходил от решетки, желая увидеть, что же произойдет дальше.

- Не знающие покоя духи, услышавшие меня, заклинаю вас явиться ко мне! – торжественно произнес старик.

Раскрыв лежащую на столе книгу, он начал нараспев читать длинное заклинание. Виктория послушно повторяла вслед за Часовщиком фразы на каком-то древнем, непривычном для слуха языке. Тревожно замигали огоньки свечей, в подземелье заметно похолодало.

- Ты чувствуешь их присутствие? – Дмитрий Дмитрич отложил книгу. – Они собрались, они готовы одушевить металл. Помоги им, Виктория. Твоя кровь и твое дыхание оживят автоматы.

- Не делайте мне больно! - Отшатнулась боявшаяся уколов и зубных врачей Барышева.

- Во имя всепобеждающей любви... - Старик схватил Вику за руку и притянул к чаше, а затем провел кинжалом по Викиной ладони. – Имя...

- Что? – не поняла Вика.

- Имя человека, чью душу ты хочешь пригласить в это тело.

- Он так и не пожелал представиться. Для нас он был Незнакомцем в Черном, - сообщила Барышева, искоса рассматривая пораненную руку.

- Властью, дарованной Кристаллом Ночи, повелеваю – дух, именующий себя Незнакомцем в Черном, и вы, свободные духи, пришедшие на зов, - войдите в новые тела! – Часовщик простер руку, указывая, куда следует

направляться привидениям. – Теперь, Вика, нанеси по капле крови на бронзовые тела, поцелуй каждого в лоб и произнеси: «дарую тебе облик человеческий и жизнь человеческую».

Вика подошла к помосту, поднялась на цыпочки, поочередно целуя восковые люы истуканов, и трижды дрожащим от волнения голосом повторила:

- Дарую тебе облик человеческий и жизнь человеческую...

Часовщик взял ключ, которым обычно заводил свои автоматы, приблизился к куклам и с лязгом завел их пружины.

- Сердце бьется, жизнь идет... - пробормотал он.

Стоявшие по краям помоста манекены преобразились. Они были все так же неподвижны, но теперь я бы мог поклясться, что вижу не кукол, а повернувшихся ко мне спинами живых людей. Только центральный автомат по-прежнему выглядел как грубо сделанная игрушка. Барышева тоже заметила неладное:

- А как же он? Тот, ради которого я помогала вам?

Часовщик подошел к манекену, внимательно осмотрел его, постучал пальцем по лбу, поднял и уронил безжизненную руку:

- Не пожелал. Глупец! Лучше иметь хотя бы такое тело, чем болтаться по миру привидением. – Ожившие автоматы согласно закивали головами. Помолчав, старик добавил: - Я повелеваю только душами тех, кто отдался моей власти добровольно.

- Вы обманули меня!

- Нет. Ты сама знаешь, что это клевета. Обвиняй во всем своего Незнакомца.

Барышева расплакалась, утирая нос рукавом шикарного платья. Часовщик погладил ее по голове и заговорил вкрадчивым, просительным тоном:

- Сочувствую тебе, Виктория, но надо уважать чужой выбор. Впрочем, из-за строптивости нашего гордого призрака я тоже оказался внакладе – получилось, что мы с Петром зря собирали самый сложный механизм. Давай-ка, Вика, повторим ритуал и пригласим в металлическое тело какого-нибудь более сговорчивого духа.

- Нет-нет! – она энергично замотала головой. – Я больше не могу. Мне и так очень плохо... Почему бы вам не повторить все без меня?

- Для одушевления «слуги» нужен живой человек, его горячая кровь, его дыхание, его страсть. Сперва я выбрал в помощники стоящего сейчас у двери юношу, но когда понял, что в его душе слишком много рационального спокойствия, то решил найти более тонкую натуру, одаренную талантом страстно желать. На эту роль могла бы подойти и ваша подружка Света, но ей не требовалась помощь, а ты в ней нуждалась.

- Почему мне так не везет в жизни!

Барышева попыталась подойти к манекенам, но неожиданно пошатнулась и вновь уцепилась за край стола. Ее взгляд затуманился, а ноги ослабли.

- Что со мной? Что?! Зачем я выпила эту гадость? – Вика медленно опустилась на пол. – Я не хочу, не хочу... помогите...

Подхватив бесчувственное тело, Часовщик водрузил его на стол и начал читать заклинания. Потом он поднес ко лбу Виктории засверкавший алыми всполохами перстень. Барышева вздрогнула, открыла глаза, поднялась со стола и походкой лунатика двинулась в сторону манекенов. Заметив множество горевших у помоста свечей, она остановилась, вострепнулась и с неожиданным энтузиазмом начала быстро открытой ладонью гасить трепетные огоньки. Старик наблюдал за Викой, не скрывая торжествующей улыбки:

- Отныне наша связь неразрывна, и ты, Виктория, поведешь меня дорогой, по которой не ступала нога смертного!

Разделавшись со свечами, Барышева вновь рухнула на пол. Сошедший с помоста манекен подхватил ее и понес в соседнюю комнату. Я понимал, что нам с Ариной давно пора уносить ноги из подземелья, но все медлил, дожидаясь, когда манекены посмотрят в мою сторону. Врага надо было знать в лицо – это существенно облегчило бы поиски и позволило бы не тратить время на фотосъемку. Однако ожившие автоматы и не думали

оборачиваться, зато Часовщик все чаще поглядывал в сторону решетки, за которой скрывались мы с Ариной.

- Уходим, - решительно сказала она и устремилась в непроницаемый мрак подземного хода.

Мы двигались в абсолютной темноте, то и дело спотыкаясь и замедляя шаг. Напряжение возрастало, и я каждую секунду ждал зловещего скрежета решетки, представлял, как по нашему следу бесшумно крадется один из механических слуг Часовщика. Впереди забрезжило светлое пятно выхода...

- Почему нет погони? – недоумевала шагавшая впереди Арина.

- Не знаю. Мне кажется, просто так Дмитрий Дмитрич нас не отпустит. Но он очень хитер и выберет для ответного удара самый неожиданный момент.

День девятый. ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕЗНАКОМЦА

Воспоминания о ночных похождениях не давали сосредоточиться на сегодняшних проблемах. Сидя за столом, я рассеянно жевал яичницу, представляя бледное, с огромными глазами лицо Барышевой, спины превратившихся в людей автоматов и вечную ночь подземелья.

- Петя, ты сегодня плохо спал? – мама положила мне на лоб руку, с тревогой посмотрела в глаза. – Ничего не болит?

- Нет, все нормально. Просто засиделся допоздна с алгеброй.

Интересно, что происходило сейчас в доме Виктории Барышевой? Может быть, мама Вики точно так же, сидя за обеденным столом, интересовалась ее самочувствием, а возможно, испуганная и встревоженная, обзванивала больницы в поисках пропавшей дочери? Решив, что разузнать подробности легче всего будет в школе, я торопливо оделся и вышел из дому...

До начала уроков оставалось еще минут сорок, и в школьном вестибюле тихонечко копошились только самые прилежные малолетки из младших классов. Я поднялся на третий этаж, швырнул у кабинета химии сумку с учебниками и уселся на подоконник. В коридоре не было ни одной живой души, и казалось, что школа опустела навсегда, оставленная

утратившими интерес к жизни людьми. Шаги на лестнице отвлекли от грустных фантазий – по ступенькам неторопливо поднималась сама Виктория Барышева.

- Буон джёрно, - поздоровался я, желая проверить ее реакцию на итальянское приветствие.

- Сальвэ, - как ни в чем не бывало улыбнулась она. – Я думала, что пришла первой.

- Не спалось.

- Мне тоже.

Мы замолчали. Я искоса разглядывал Вику – тени под глазами, заспанный взгляд, немного растрепанные волосы, но при этом вполне нормальное поведение и улыбка на лице... Интересно, почему, увидев меня, Барышева ничуть не смутилась, ведь произошедшее в мастерской вполне могло вогнать в краску такую чувствительную девчонку, как она. Я хотел заговорить с Викой о ночных приключениях, но не успел – к кабинету химии подошли две неразлучные подружки – Рита Савина и Юля Никитина.

- Приветик, Толкачев! Знаешь, Вика, с нами случилось загадочное происшествие, - с ходу сообщила Юля, - и теперь мы не знаем, смеяться нам или бояться.

В самом деле, несмотря на напускную веселость, девчонки выглядели смущенными и немного напуганными. Хотя они собирались обсуждать

происшествие с Барышевой, я прыгнул с подоконника и подошел поближе, готовясь услышать скверные новости. Так оно и оказалось.

- И что с вами произошло?

- Странная встреча. Возле школы к нам подошла молоденькая девушка и спросила: «Хотите, погадаю?»

- Нет, она сказала: «Желаете узнать свою судьбу?» - перебила подругу Рита.

- Неважно. Короче, мы согласились. Она начала рассматривать наши ладони. Смотрела-смотрела, а потом как проведет по ним ногтем, прямо по линии жизни, да так, что кровь выступила и у меня, и у Риты.

- Юля, ты самого главного не сказала! Про то, как гадалка рассмеялась и заявила: «На ладонях написано – ваши тела переживут ваши души». Потом она вытерла кровь носовым платком и пошла своей дорогой. Это она так пошутила?

- Конечно... - вмешался в разговор я. –Сейчас модно так прикалываться. Кстати, как выглядела эта гадалка?

- Обыкновенная девушка... постарше нас. Волосы пышные, завитые, каштанового цвета... - Юля задумалась. – Джинсы, куртка от спортивного костюма – синяя с красной полосой. Короче, самая обычная девчонка, не какая-нибудь цыганка.

Несомненно, речь шла об Амалии, которая была одета именно так, как описала Никитина. Я перевел взгляд на Вику – она восприняла рассказ девчонок совершенно спокойно, будто не принимала деятельного участия в кознях Часовщика. Расспросив Юлю и Риту о том, где они повстречались с необычной гадалкой, я опрометью через три ступеньки сбежал с лестницы и бросился на ее поиски.

Обнаружить Амалию так и не удалось – ребята тонкими ручейками стекались к школе, но никого похожего на коварного механического монстра среди них не было. Зато я нос к носу столкнулся с Ивойловым, и эта коротенькая встреча произвела на меня жуткое впечатление. Сергей как столб стоял посреди тротуара, глядя себе под ноги потухшими безжизненными глазами.

- Ивойлов, привет! Спишь на ходу?

- Здравствуйте, - он поднял голову. – Если вы меня знаете, подскажите, куда я иду?

- В школу... Это же я – Петька!

- Очень приятно.

Мне захотелось схватить Сережку за плечи и трясти до тех пор, пока он не станет прежним: веселым неунывающим фантазером, любителем гонконгских боевиков и таинственных историй. Ивойлов все так же неподвижно стоял на дороге, а потом равнодушным тоном спросил:

- Вы утверждаете, что люди моего возраста должны посещать школу?

- Конечно!

- Тогда я пошел...

- Постой! Ты же живой человек, значит, ты должен жить!

- Зачем? –спросил он и, не дожидаясь моего ответа, пошел в сторону школы.

До звонка оставалось совсем мало времени, и я торопливо последовал за Серезкой. У расположенного на первом этаже медпункта собралась небольшая толпа. Стоявшая в дверях врач говорила с завучем:

- Это какая-то крайне опасная игра! Они режут друг другу руки, а потом жалуются, что не могут остановить кровотечение. Ко мне обратилось уже восемь человек!

Не задерживаясь, я поднялся на третий этаж. Было понятно, что с появлением новых автоматов Часовщик стал действовать более масштабно, неудержимо приближаясь к какой-то известной только ему цели.

Игнорируя объяснения исторички, я оглядывал класс – вот опустевшее место Татьяны Панкратовой, которая так и не пришла в школу, вот равнодушно смотрящие поверх пустых тетрадей Ивойлов и Подбельский, вот встревоженные необычными царапинами Савина и Никитина... Внезапно на мой стол упала аккуратно свернутая записочка. В ней Акулиничева предлагала встретиться на большой перемене у здания школы и обещала сообщить очень важную информацию. Слово «очень» было дважды подчеркнуто красным фломастером, и эта мелочь неожиданно разозлила – неужели Светка, или та, кто выдавала себя за Акулиничеву, надеялась таким образом повлиять на мое решение?! Возможно, это была обычная, подстроенная Часовщиком западня, но я подумал, что лучше встретиться с врагом лицом к лицу, чем трусливо бежать от него. Вскоре прозвенел звонок, и мне ничего не оставалось, как идти на опасное свидание.

Светка стояла у низкорослой, с перекрученным стволом яблони и нервно обрывала ее молоденькие листочки. Я предложил Акулиничевой перейти в более людную часть школьного двора и все время следил за тем, чтобы она не подходила ко мне слишком близко.

- Петя, почему ты мне не доверяешь? Этой ночью я отважилась в одиночестве погадать по стеклу...

- Опять заглядывала в кастрюлю?

- В аквариум. Не смейся – Вика в большой опасности.

- Это в воде плавало или Часовщик рассказал?

- Знаешь, Толкачев, я бы не стала говорить с таким грубияном, как ты, но... С тобой хочет повидаться один человек. До сих пор ему это не удавалось, вот он и попросил меня свести вас вместе.

Акулиничева обернулась, указывая на середину залитого солнечными лучами двора, - там стоял тот самый черный человек со жгучим, пугающим взглядом. Как и обычно, он возник непонятно откуда и, ко всем прочим странностям, не отбрасывал тени.

- Кто это? – я невольно отступил к забору.

- Как?! Ты его не узнал? Ведь вы же встречались, тогда, прошлой зимой...

И тут с моих глаз будто упала пелена. Несомненно, это был он – горячо любимый Барышевой призрак, из-за которого она и связалась с Дмитрий Дмитричем. Теперь Незнакомец в Черном уже не казался таким страшным, особенно когда он улыбнулся своей характерной невеселой улыбочкой.

- Проблема в том, что в контакт с призраками вступают только те, кто в них верит. Для остальных мы просто не существуем, - вместо приветствия произнес он. – Мне потребовалась помощь этой очаровательной сеньориты, дабы достучаться до тебя, Петр.

- Но я же вас видел.

- Подсознательная связь. Кстати, чем больше ты меня боишься и недолюбливаешь, тем более жуткое я буду производить впечатление. В этом

мире все держится на субъективных оценках, и при общении с призраками это особенно хорошо заметно.

- Я вас оставляю... - Акулиничева быстренько исчезла из поля зрения.

- А я думал, что после похорон на освященной земле вы наконец-то обрели покой.

- Увы, - Незнакомец развел руками. – Кое на кого я произвел слишком сильное впечатление. Вика мечтает обо мне, тем самым вызывая в мир живых. Да и мои чувства еще не угасли, мешая думать о покое. Я попытался предупредить тебя о нависшей над Викторией опасности, но не успел, и теперь бедная девочка оказалась во власти Часовщика.

Школьный двор опустел. Я искоса посмотрел на часы – с начала урока прошло уже четыре минуты.

- Знаешь, почему Часовщик посвятил тебя в свои тайны? Дело не в умении ловко закручивать гайки – он почувствовал сходство характеров и потому вместо уготованной роли жертвы сделал Петра Толкачева своим помощником. Ты ему нравишься. Когда-то он и сам был таким – рассудительным, пунктуальным, верящим только в силу человеческого разума и никогда не останавливающимся на полпути.

- Будь я таким пунктуальным, не пропускал бы занятия в школе, болтая с призраком.

- Прости, что задерживаю тебя. Сила, которой я противостою, очень велика, она не позволяет указать верный путь, и все же кое-что из моих речей может пойти на пользу.

- Короче, мне во всем придется разбираться самому.

Обойдя Незнакомца в Черном, я направился в сторону школы.

- Вспоминай обо мне, и тогда я приду вновь.

- Может быть...

Признаюсь, меня и раньше раздражал этот любивший глубокомысленные рассуждения унылый призрак, а теперь, когда стало понятно, что помощи от него не дождешься, и вовсе обидно было тратить на него время. Представляя его бледное худое лицо, я просто диву давался, что нашла в Незнакомце вообще-то совсем не глупая Барышева.

- Часовщик – не тот, за кого себя выдает, ищи разгадку в старых камнях, - слышалось за спиной, но я даже не обернулся.

Выйдя из школы, я сразу увидел стоявшую у ворот Арину.

- Что с Викой? – поинтересовалась она.

- Трудно сказать. На вид Барышева не изменилась, будто и не было сегодняшней ночи.

- А если чары Часовщика дали осечку?

- Вряд ли.

Я собирался рассказать о своей встрече с призраком, но в последний момент передумал, представив, как нелепо буду выглядеть в глазах здравомыслящей Арины. Тем временем мы прошли в соседний дворик и устроились на стоявшей там карусели.

- Амалия покалечила как минимум восьмерых ребят, две пострадавшие – девчонки из моего класса, - делился я неутешительной информацией. – Ивойлов забыл мое имя, а Панкратова вообще не пришла в школу. Такое с ней редко случается, значит, произошло что-то очень серьезное. Амалия смеялась над...

- Подожди, Петька, не об этой ли особе ты говоришь? – Арина указала на стоявшую поодаль девушку.

Сделав вид, будто увлекся катанием на карусели, я проехал несколько кругов и остановился точно напротив подозрительной девицы. Одета в джинсы девушка с пышными каштановыми волосами ростом и телосложением очень напоминала любимое детище Часовщика. Правда, на ней не было спортивной куртки, но это ничего не доказывало – солнце припекало все ярче, и она вполне могла раздеться, делая вид, что страдает от жары. Стоя у подъезда, подозрительная особа пристально наблюдала за нами, точнее, за Ариной, с которой не сводила глаз.

- Я должен остановить ее.

- Петя, ты же сам говорил, что сперва подозреваемых надо сфотографировать и только потом переходить к решительным действиям.

- А за это время она покалечит десятки людей. Это Амалия, я уверен.

- Ты стал слишком крутым, - Арина подняла свои белесые брови и скептически улыбнулась. - Для начала просто уйдем отсюда. Если девчонка подслана Часовщиком, она наверняка отправится за нами.

Не дожидаясь ответа, она поднялась с карусели и неторопливо пошла прочь. Не успела Арина сделать несколько шагов, как девица встрепенулась, будто увидела что-то интересное, и быстро пошла ей навстречу. Заметив валявшийся под ногами булыжник, я подхватил это оружие, а когда прикидывавшийся девчонкой автомат поравнялся с каруселью, схватил его за руку и занес камень:

- Сгинь, Амалия!

- Папа! Папа! – взвизгнула она.

Шедший по дороге мужчина с овчаркой резко окликнул меня:

- Стой! Иначе... - и потянулся к карабину поводка.

Я отпустил девушку, и она, рыдая, подбежала к отцу:

- Папа, он хотел меня убить! За что? Дверь захлопнулась, а у меня не было ключей, я решила подождать вас с Янтой и просто стояла у подъезда. Они странные, особенно девушка, которая ушла. Может быть, им не понравилось, что я на них смотрела?! Потом я увидела тебя и поторопилась навстречу, а он... он...

Стараясь как можно меньше обращать на себя внимание, я быстренько шмыгнул в кусты, услышав напоследок глухое рычание рассерженной Янты. Поджидавшая меня в соседнем дворе Арина только покачала головой:

- Супермен... А если бы ты раскроил ей череп?

- Арина, я, наверное, скоро свихнусь. Мне всюду мерещатся эти монстры: восковые лица, стальные пальцы...

- Знаешь, о чем я думала, наблюдая за этой трогательной семейной сценой? О том, что у автоматов не может быть родственников и друзей! Они одиночки, пришедшие ниоткуда. Следовательно, надо поболтать с ребятами, узнать, не появились ли у них сегодня новые знакомые, и все такое... Давай-ка рванем к кинотеатру, там наверняка тусуется кто-нибудь из наших.

Арина умела давать дельные советы. Прикинув, как быстрее попасть к кинотеатру, мы пошли по узенькой дорожке между нашей школой и детским садом. Внезапно послышался треск ломаемых кустов, и не успел я до конца понять, что происходит, как Арина оказалась в руках выскочившего на

дорожку человека. Не растерявшись, она заехала нападавшему ногой по колену и неожиданно вскрикнула от боли - металлический лязг выдал истинное происхождение того, с кем мы имели дело. Удар был неплох – манекен пошатнулся и ослабил хватку. Арина золотой рыбкой выскользнула из его рук и бросилась прочь. Я немедленно проследовал за своей напарницей... Однако собранное моими собственными руками чудовище не отставало. Вскоре бежавшая впереди Арина начала прихрамывать:

- Черт! Я, кажется, ногу разбила об этого истукана.

- Я его уведу, только продержись до угла.

Выбежав на перекресток и оказавшись вне поля зрения преследователя, я подтолкнул Арину к ближайшему подъезду, а сам помчался вперед прямо по проезжей части безлюдного переулочка. Выскочивший из-за угла манекен на миг замешкался, а потом устремился в погоню за мной. Довольно скоро стало очевидным, что автоматы не знают усталости. Мы пару раз обежали центральные улочки города, я выбивался из сил, а механический преследователь двигался та же легко и уверенно, как и в начале погони. Помощи ждать не приходилось, встречавшиеся на пути прохожие делали вид, будто не видят вокруг себя ничего подозрительного, а появлявшиеся раз-три патрульные машины, не тормозя, проехали мимо. Расстояние между мной и механическим монстром неуклонно сокращалось, и я уже собирался заорать во все горло, привлекая внимание равнодушных горожан, когда увидел впереди знакомое здание почты. Вспомнив, что в жаркие дни ведущий во двор служебный вход держали открытым, я рванул из последних сил, скрылся из глаз преследователя за вовремя подвернувшимся грузовиком и ринулся в отдел доставки. К счастью, спасительная дверь была распахнута настежь, и за ней виднелся зеленый, заросший подорожником двор...

Отдышаться мне удалось только на автобусной остановке, находившейся за два квартала от здания почты. Дела складывались совсем неплохо – погоня отстала, а в конце улицы маячил направлявшийся в мою сторону автобус. Почувствовав себя в безопасности, я плюхнулся на скамейку рядом с ветхой старушкой. Она подняла голову:

- Милый, ты автобуса не видел?

- Идет, бабушка, - бодро ответил я и тут же почувствовал тяжелую ладонь на своем плече.

Высокий парень с правильными, немного мелковатыми чертами лица ухмыльнулся и взял меня за руку:

- Мы не закончили одно дело, приятель.

Захлопнулись двери отъехавшего от остановки автобуса, и я остался один на один с механическим монстром.

- Отпусти меня!

- Секунду, - с этими словами он провел пальцем по давней, почти зажившей царапине, края ранки разомкнулись, и она начала кровоточить. Манекен с невозмутимым видом промокнул кровь носовым платком и добавил: - Больше вопросов нет.

Он уехал на следующем автобусе. Я остался один. Царапина не болела, но кровоточила, а на душе становилось все тоскливей и тоскливей. Казалось, даже весеннее солнце над головой померкло и стало светить вполнакала, а в чирикание воробьев слышалась злобная насмешка. Спасения не было – отныне Часовщик распоряжался моей душой и в любой момент мог превратить меня в равнодушного, лишенного чувств зомби.

Остаток дня прошел в глубоком унынии и ожидании грядущих кошмаров. Даже звонок благополучно избежавшей встречи с автоматом Арины меня не обрадовал, а скорее наоборот – расстроил. Стыдно признаться, но я предпочел бы увидеть в Арине товарища по несчастью, готового разделить мою печальную судьбу.

Небо за окном медленно темнело, и вместе с сумерками в комнату вползала волна ледящего душу страха. Я решил не гасить на ночь свет, но это не помогло – стоило только отвести взгляд, как висевшая на крючке одежда начинала шевелиться, протягивая ко мне пустые рукава.

- Убирайся прочь!

Окрик успокоил не в меру резвую рубашку, но в это время за моей спиной шевельнулась штора...

- Петр, что случилось? – раздался из-за стены голос деда.

- Все под контролем, просто воюю с комарами.

Самым ужасным было то, что я не мог поделиться своими «нелепыми» тревогами с близкими людьми и потому тихонечко в одиночку начинал сходить с ума. Мне следовало отвлечься от мрачных переживаний, но шорох страниц попавшейся под руку книги очень напоминал шелест савана вылезшего из гроба покойника... Я попытался припомнить какой-нибудь приятный денек своей жизни, например, тот, когда мы рванули с отцом на рыбалку в Борисовку, но перед глазами проходили совсем другие воспоминания – проникающие сквозь стену мертвецы, вампиры, стремившиеся открыть проход в царство мертвых, бесчисленные призраки, и самый странный из них – Незнакомец в Черном... Нет, это были не сюжеты из фильмов ужасов – за последние полтора-два года в такой непрекращающийся кошмар превратилась моя раньше столь спокойная и размеренная жизнь.

- Но такого просто не может быть! Это бред! Бред! Бред! - пробормотал я, с силой сжимая виски. – В жизни нет места чудесам!

- Не было до поры... - Потертое кресло в углу комнаты занимал непринужденно рассевшийся черноволосый мужчина. - Я не отвлекаю тебя от важных дел, Петр?

В голосе Незнакомца звучала ирония, видимо, он был обижен за проявленное сегодня утром невнимание к его призрачной персоне. Признаюсь, на этот раз я очень обрадовался неожиданному визиту – разговор по душам, пусть даже и с привидением, помог бы скоротать полную страхами ночь.

- Раньше вы говорили, будто чудеса возможны, поскольку наш город стоит на перекрестке миров, и разномастная чертовщина так и норовит проникнуть к нам из соседних реальностей, не так ли?

Незнакомец растянул уголки губ в улыбке. Не дождавшись ответа, я продолжил излагать свое мнение:

- В ваших теориях, господин Незнакомец, есть одна неувязочка. Дело в том, что в этом городе появились на свет мои родители, мой дед, прадед и прабабка, но никто из них никогда не сталкивался с разгуливающими по улицам мертвецами или даже с обычным полтергейстом. Следовательно, раньше никакого прохода между мирами не было.

- Проход существовал всегда, с самого сотворения мира. Знаешь, почему он и другие аномалии никак не проявляли себя в течение многих лет? – Я молча пожал плечами. Любивший поболтать Незнакомец не замедлил продолжить свою лекцию. – Дело в том, Петр, что за последние десятилетия жизнь очень изменилась, люди незаметно для себя нарушили Равновесие, а когда оно смещается, происходит вспышка паранормальных явлений, наступает время чудес.

- И что у нас сдвинулось?

- Мозг человека склонен к извращенным, чудовищным фантазиям. Люди, обладающие талантом, позволяли монстрам воображения выйти в реальность – чудовища жили в книгах, полотнах, старинных преданиях.

- Сказки не сегодня начали придумывать.

- Верно, - незнакомец пригладил свои длинные блестящие волосы и поудобней устроился в кресле. – Да, монстры воображения существовали

всегда, но никогда прежде они не чувствовали себя так вольготно, никогда не завладевали душами миллионов людей. В конечном итоге они торжествуют благодаря достижениям научно-технического прогресса, не так ли, каро амико? (Дорогой друг – итал.)

- Вы имеете в виду телевидение?

- Можно сказать и так, - он снова невесело улыбнулся. – Благодаря тому, что информация стала такой доступной, произошел качественный скачок – образы, рожденные в человеческом сознании, стали влиять на реальность. Потому и открылись старые раны – проходы в бездну.

- Милое дело! И как от этого избавиться?

- Никак, - Незнакомец развел руками. – Вы же не можете все забыть. Кстати, возвращаясь к нашим проблемам, я знаю, ты стал настоящим часовых дел мастером, не подскажешь, на сколько частей разделен циферблат обычных часов?

- Что? – вопрос призрака меня озадачил. – На двенадцать. Кажется, были еще циферблаты, разделенные на двадцать четыре части, но они не получили широкого распространения.

- А сколько делений на неправильных часах?

- Я не знаю, что это такое.

- Верный ответ: столько же, сколько месяцев в году.

- Простите...

Разглядывая тощего черноволосого итальянца с мрачной улыбкой, я гадал, могут ли призраки сходить с ума, или это прижизненное состояние души не проходит и после смерти.

- Мио амиго, трудно отыскать путеводную нить в паутине, но хорошо знать, что она все же существует. Я не случайно припомнил пауков. В конце концов, именно Паук торопит нашего знакомого, заставляя откладывать иные дела. Путеводная нить приведет к неправильным часам. Разбей их! Но для начала посмотри на небо. Астрология – древнейшая из наук...

- Послушайте, господин Незнакомец, если вы решили помочь нам, выражайтесь чуть поконкретнее, я не понимаю всех этих шарад и иносказаний.

- Если бы я мог! Рассуждения на абстрактную тему даются мне значительно лучше, Петр. Тебе не доводилось видеть сотни тысяч горящих на снегу свечей?

- Доводилось. На спиритических сеансах у Акулиничевой. Раньше меня никогда не посещали видения, я посмеивался над Светкой, и вдруг...

- У Светы особый дар, а твои видения связаны с сознанием Часовщика. Ваши души сильно сблизились.

- Это опасно?

- Не поддавайся его воле и живи своей жизнью.

- Вы начали рассказывать о свечах.

- Пикколо люмэ делла кандела (маленький огонек свечи. – итал.) во мраке вечной ночи. Свеча горит – человек живет, но когда она догорает – приходит смерть. Но теперь некоторые свечи гаснут, не догорев до конца. В вашем мире существование человека, чья свеча безвременно угасла, еще длится какое-то время, но в этой жизни нет места чувствам и желаниям. Жизнь по инерции... Они гибнут от полного равнодушия, им ничего не нужно. Чем больше у человека эмоций, тем скорее все завершается, но даже самые твердолобые субъекты, утратив свой огонек, живут не больше года.

- Я видел такие погасшие свечи.

- Правда, это хорошая месть – погасить все свечи, превратить людей в бесчувственных зомби и наблюдать, как медленно умирают их тела? А как все начиналось – благоденствие человечества, вечная жизнь без страха и скорби... Ты и сам знаешь, куда ведут благие намерения.

- Почему Часовщик одержим мстью? Как он дошел до такой лютой ненависти ко всему живому?

- Я думаю, он сам тебе расскажет, - Незнакомец поднялся с кресла и стал рассматривать висевшие по стенам фотографии.

- Неужели ничего нельзя изменить?

- Можно. Но времени осталось не так много. При определенных условиях я бы и сам мог избавить мир от этого одержимого маньяка, но пока не произойдет нечто, сей подвиг выше моих сил. К сожалению, Петя, я не могу разъяснить, что необходимо сделать, - это запретная для меня тема. Остается надеяться – ты сам пройдешь весь путь.

- Послушайте, вы ставите не на того! Кошмары вернулись, Часовщик сделал меня жертвой! Смотрите... - я протянул ладонь с кровоточащей царапиной. – Это значит, что скоро погаснет и моя свеча.

- Совершая магические действия над кровью жертв, Часовщик усиливает пришедшие из детства страхи. Это позволяет ему забирать эмоции, но помни, Петр, у человека есть выбор, ты можешь защитить себя.

- Легко сказать!

Незнакомец в Черном собрался уходить. Приблизившись к двери, он протянул руку, и дверная створка распахнулась сама собой.

- А я думал, что духи просачиваются сквозь стены.

- Предпочитаю человеческий стиль посещения, - усмехнулся призрак.

- Не напугайте деда. Один раз по вашей вине он уже попадал в больницу.

- Прости, но в этом не было злого умысла. Чем моложе человек, тем легче он воспринимает все, выходящее за грань возможного, а твой дедушка не смог принять чудо таким, какое оно есть. Я не прощаюсь, Петр, нам еще предстоит встреча.

Незнакомец уверенной, полной достоинства походкой прошествовал в прихожую, силой взгляда открыл запертую на три замка дверь и вышел из квартиры.

День десятый. ПОД СОЗВЕЗДИЕМ АРАХНЫ

Остаток ночи я провел без сновидений, а проснувшись, решил воспользоваться советом Незнакомца и пополнить свои весьма скудные астрологические познания. Поскольку школьная программа не включала в себя курс древней лженауки, пришлось проигнорировать занятия в школе и отправиться на поиски других источников информации. Рассчитывать на библиотеки не приходилось – туда уже лет десять не поступали новые книги, и оставалось только совершить набег на книжные магазины. Подумав так, я вышел из дома и направился к Кутузовской улице, где располагался самый большой из них.

Солнечное утро настраивало на благодушный лад, и сжавшее сердце предчувствие опасности напомнило гром среди ясного неба. Плохо соображая, что делаю, я подскочил к дому, вжался в покрытую растрескавшейся штукатуркой стену и в тот же миг едва не оглох от рева мотора – окутанный облаком пыли автомобиль вылетел из-за поворота, пронесся прямо по тротуару и почти мгновенно скрылся в конце улочки... Кажется, это был серый, с затемненными стеклами драндулет сороковых-пятидесятых годов, обладавший необычной для своего возраста и устройства скоростью.

- Эй, что вы делаете! Стойте! – закричал я, но улица опустела, и только в ее конце еще клубилось легкое облачко пыли.

Немного придя в себя, я отправился дальше, раздумывая о том, что школьные прогулы неожиданно могут обернуться весьма опасным времяпрепровождением. Книжный магазин на Кутузовской открылся минут

пятнадцать назад, и в нем почти не было покупателей. Миновав турникет, я начал бродить вдоль стеллажей и прилавков, разыскивая нужный раздел. Наконец мое внимание привлекли разноцветные обложки с броскими заголовками, обещавшими раскрыть тайны пирамид, загадки Атлантиды, рассказать о визитах НЛО и научить правильно толковать сны. В углу полки стояло около десятка книг, посвященных гороскопам и предсказаниям судьбы по звездам. Я начал наугад вытаскивать напечатанные на газетной бумаге пухлые тома, перелистывал их, но не находил ничего, заслуживавшего внимания.

- Толкачев, а я думала, ты в школе!

- То же можно было сказать и о тебе, - сзади меня стояла бледная, не выпавшаяся Акулиничева. – С каких это пор вы, сударыня, сделали прогульщицей?

- Примерно с тех самых, как некий Петр Толкачев стал интересоваться «Практической магией для начинающих» и «Гороскопами на каждый день».

- Сегодня ночью меня посетил Незнакомец в Черном, наговорил много непонятного и посоветовал изучать астрологию.

- Зачем?

- Сам не пойму.

- А у меня проблема...

Акулиничева продемонстрировала руку – из-под полоски розового с дырочками пластыря выступали капельки крови.

- Когда это случилось?

- Вчера вечером у мусоропровода. В подъезде крутился незнакомый парень, он подошел ко мне и без объяснений поранил руку. Скажи, Петя, теперь со мной будет то же, что и с Татьяной?

Увидев Светкину царапину, я, вопреки всему, обрадовался – то, что Акулиничева стала жертвой Часовщика, опровергало все теории Арины и доказывало, что Светка – живой человек, а не манекен с механической начинкой.

- Часовщик хочет украсть наши чувства. Он и меня оцарапал, видишь?

- Мы обречены?

- Если верить Незнакомцу, человек может противостоять этим чарам и избавиться от наваждения. – Акулиничева только вздохнула. Я попробовал отвлечь ее от грустных мыслей: - Кстати, Свет, что ты делаешь в книжном?

- Вообще-то меня здесь часто можно встретить. – Акулиничева машинально доставала с полки книги, перелистывала, не глядя, и ставила на место. – А сегодня так гнусно на душе... Стоит только представить неживые лица Тани и Сережки, как сразу пропадает всякое желание идти в школу. Вот

я взяла и не пошла! Просто так, без справок и оправданий. Ладно, довольно об этом. Что тебе рассказал Незнакомец?

Прежде, чем я успел ответить, одна из небрежно поставленных Светой книг соскользнула с полки и, раскрывшись, плюхнулась на пол.

- Сперва он допытывался, сколько месяцев в году и цифр на циферблате, потом упомянул какого-то паука и велел разбить неправильные часы. Информация полная, а главное – точная, в кавычках, разумеется.

- Я и раньше замечала, что Незнакомец выражает свои мысли в довольно странной форме. Может быть, все дело в том, что русский – не его родной язык? Вот когда Вика выучит итальянский... - Акулиничева подняла книгу, разгладила листы и спросила: - Постой, а что ты говорил об астрологии? Возможно, это имеет к нам отношение...

Я заглянул в «Энциклопедию чудес» и начал читать указанный Светланой абзац: «Привыкнув к современному исчислению месяцев, мало кто задумывается, что в году не двенадцать, а тринадцать лун ($28 \times 13 = 364$). Для того, чтобы понять, почему человечество отказалось от столь удобного календаря, следует вспомнить многовековую историю подавления женских лунных культов патриархальным солнечным правлением...» Пропустив непонятные рассуждения, я просмотрел заметку до конца и прочитал вслух заинтересовавшую меня информацию:

- Некоторые исследователи высказывают предположения, что когда-то существовал и тринадцатый знак зодиака – Арахна, якобы находившийся между Тельцом и Близнецами и являвший собой вместилище лунной интуиции...» Да, Светка, похоже, ты уронила нужную книгу.

- Между Тельцом и Близнецами... - задумчиво повторила сведущая в гороскопах Акулиничева. – Петя, это где-то в конце весны, то есть – сейчас!

- Ребята, вы выбрали книги? – продавец-консультант смерила нас недобрый взглядом. – Почему вы не в школе?

Я попытался что-то объяснить, но не любившая шумных разборок Света, ни слова не говоря, вывела меня из торгового зала.

- С пауками и месяцами мы разобрались, - рассуждала она, стоя на ступеньках магазина, - осталось самое главное – неправильные часы.

- Свет, я не уловил насчет пауков, о них вроде речь не шла.

- Петя, Арахна – это и есть паук по-древнегречески!

- А ведь старик говорил Барышевой: надо поторапливаться, мы вступили под знак Арахны. Просто я не знал, о чем идет речь.

- Мог бы, между прочим, посмотреть в словаре, - заметила вредная от природы Светка. – Но как бы там ни было, загадка Незнакомца оказалась совсем не сложной. Теперь мы знаем, что Часовщик равнодушен к цифре 13. Он выбрал для своих действий тринадцатый месяц, и наверняка у него где-то припрятаны часы с тринадцатью делениями на циферблате, которые вполне можно назвать неправильными. Остается только найти их и разбить. Незнакомец не сказал, где они находятся?

- Ни единого намека. Я все время думаю, как проникнуть в подземную мастерскую, скорее всего часы нахо...

Разговорившись, мы задержались у дверей книжного магазина, и вдруг я увидел, как прямо на нас несется тот самый, едва не сбивший меня утром автомобиль. В последний момент я толкнул Светку в вестибюль, а серое чудовище уже выскочило на тротуар, неудержимо стремясь вперед. Ослепительно вспыхнули фары, и в эту растянувшуюся до бесконечности секунду мне было отчетливо видно, как стальная туша медленно, миллиметр за миллиметром приближается к хрупкому человеческому телу – моему телу...

- Петька! Толкачев! Что случилось?!

В голубом небе сияло солнышко, спешили по своим делам редкие прохожие, и нигде не было видно следов пребывания страшного автомобиля-убийцы. Кажется, мне довелось пережить невероятно реальную галлюцинацию.

- Свет, ты видела стального цвета автомобиль с затемненными стеклами?

- Не обратила внимания. Ты так неожиданно толкнул меня за дверь. А что, собственно, произошло?

Рассказав Акулиничевой о донимавших меня кошмарах и галлюцинациях, я предложил ей присоединиться к нам с Ариной и помочь в

расследовании этой запутанной истории. Даже упоминание о моей напарнице вызвало у Светки бурный протест, и мне пришлось потратить немало времени, убеждая ее в том, что интересы дела важнее эмоций его участников. Света все же согласилась встретиться с Ариной, но, поскольку до окончания занятий в школе было еще далеко, мы решили пройтись по городу и заняться собственным маленьким расследованием.

- Неужели под этой плитой и в самом деле находится подземный ход?! – забравшись под развесистые ветви бузины, Светка разглядывала присыпанную землей плиту. – А знаешь, я так и думала. Когда мы с Таней были маленькими, то часто ходили сюда играть в куклы. Мы устраивались на этой плите и представляли, как спускаемся в подземелье, разыскиваем несметные сокровища, находим волшебную палочку... В общем, это неважно.

Слушая болтовню Светки, я вновь попытался поднять край тяжелой плиты, и вновь она осталась незыблемой, как скала. Вероятно, вход в подземелье открывался изнутри, и попасть в мастерскую Часовщика этим способом не представлялось возможным.

- Петя, как ты узнал о подземном ходе?

Пришлось рассказать ей о слежке за Викторией и наших с Ариной ночных похождениях:

- Мы подсмотрели, как Часовщик оживляет своих истуканов и заколдовывает Викторию. Дмитрий Дмитрич заставил ее выпить какую-то дрянь и сказал, что отныне они связаны навеки.

- Кстати, о Барышевой. Я хотела поговорить с тобой о ней, но все эти Арахны и зодиакы меня отвлекли. Мы встречались с Викой вчера – она рассказала, что после приснившегося ей кошмарного сна...

- Вика считает, что все случившееся у Часовщика – сон?

- Да. Так вот, Барышева говорила, что с тех пор она сама себя не понимает. Хочет что-то сделать, но не может, или наоборот, делает то, чего не желает.

- Пожалуй, такое со всеми случается.

Обследовав бугор и не найдя ничего интересного, мы вышли из парка, направляясь в сторону школы. Заметив на противоположной стороне улицы яркие зонтики летнего кафе, я внезапно почувствовал сильный голод и предложил Светлане немного перекусить. Она охотно согласилась. В этот момент в конце гористой улочки показалась уродливая морда призрачного автомобиля. Акулиничева не обратила на него внимания, а я, решив бороться с нелепыми страхами, специально замедлил шаг на середине проезжей части, дожидаясь, когда видение растворится в воздухе или пройдет сквозь меня, не причинив никакого вреда.

- Петька! – крик Акулиничевой слился с визгом тормозов. – Петька!

Достоверность иллюзии была так велика, что в последний миг до столкновения я все же отпрыгнул в сторону, уступая дорогу железному чудовищу. Из открытого окна остановившейся «девятки» донесся поток

отборной брани, и мы со Светкой поспешили поскорее убраться с проезжей части.

- Ты решил покончить жизнь самоубийством? – удивилась она.

- Я думал, это тот самый автомобиль-призрак, преследующий нас.

- Но ведь эта машина была красной!

Замечание Светки не внушало оптимизма – еще несколько таких сумасшедших денечков, и я окончательно перестану отличать реальность от созданных рукой Часовщика иллюзий. Акулиничева осматривалась в поисках свободного столика и вдруг тихонечко дернула меня за рукав:

- Петя, там нет ничего подозрительного?

Я посмотрел в указанном Светкой направлении и понял, что она не ошиблась, - в укромном уголке между фургончиком и оградой сквера происходили страшные магические действия, которые казались непосвященным безобидным развлечением. Несколько подростков, являвшихся, по всей видимости, прогульщиками, игнорировавшими школьную дисциплину, толпились вокруг опоясанной яркой шалью девицы. Гадалка держала за руку щуплого паренька, а над ее головой висел прибитый к дереву плакатик: «Предсказание судьбы по руке. Хиромантия для всех».

- Амалия!

Оторвавшись от своего занятия, пышноволосая гадалка подняла глаза, но руку своей жертвы не отпустила:

- Хочешь узнать свою судьбу, становись в очередь, - невозмутимо посоветовала она.

- Это манекен? – испуганно прошептала подошедшая ко мне Акулиничева.

- Да.

- Не отличишь от человека.

- Присмотрись получше.

Чары Часовщика в полной мере действовали лишь на тех, кто не знал правды. Когда я рассматривал гадалку, мне казалось, что передо мной два наложенных друг на друга изображения – миловидной девушки и мертвенно-бледной восковой куклы.

- Эй, Амалия! Я видел тебя в мастерской. Твое место в музее, и никогда тебе не сравниться с живым человеком!

Встревоженный странными речами паренек попытался выдернуть ладонь из пальцев гадалки, но у нее оказалась поистине железная хватка.

- Он узнает свою судьбу! – полным угрозы нечеловеческим голосом проскрежетало чудовище.

Парня надо было спасать. Осмотревшись, я увидел за столиком летнего кафе рассеянно вертевшую в руках пачку сигарет девицу и подбежал к ней:

- У вас есть спички?

- Пожалуйста. – Рука с длиннющими покрашенными ногтями протянула зажигалку.

Растолкав зевак, я вернулся к манекену. Щелкнула зажигалка, и в моей руке затеплился маленький огонек.

- Амалия, восковая тварь, тебе это по вкусу? Отпусти парня!

- Он уз...

Признаюсь, я хотел только припугнуть механического монстра, но пышная прическа Амалии сыграла с ней злую шутку – синтетические локоны мгновенно вспыхнули жарким, но почти неразличимым на солнце пламенем. Жуткий металлический скрежет, который трудно было назвать криком, огласил улицу. Манекен тут же сорвал горящий парик, но воск на его лице уже расплавился и крупными каплями начал стекать на асфальт. Вырвавшийся из рук механического чудовища парень с ужасом посмотрел сперва на него, а потом на меня и заорал:

- Смотрите, кровь! Он хочет ее убить!

Возникла невообразимая суматоха, и мне стало понятно, что следует как можно быстрее уносить ноги. Еще раз взглянув на державшуюся за щеку лысую Амалию, я обалдел от изумления – по ее лицу струилась самая настоящая кровь! Наваждение было пугающе ярким и достоверным, и лишь слова подбежавшей к месту происшествия Светки помогли развеять чары Часовщика:

- Ребята, смотрите, это воск, обыкновенный воск, - убеждала она, указывая на застывшую розоватую лужицу. – Амалия – механическая кукла, а не человек.

- Светка, беги! – крикнул я, расталкивая любопытных. – Встретимся у школы.

Вклинившись в толпу, мне все же удалось прорваться к скверу и скрыться в густых зарослях цветущей жимолости. Вскоре погоня отстала. Немного попетляв по безлюдным улочкам, я направился к родному учебному заведению. Обычно после уроков Арина поджидала меня возле школы, и сегодняшний день не стал исключением.

- Привет, Петька! – она поднялась со школьного крыльца.

- Привет.

- Я, признаться, ждала тебя с другой стороны.

- Прогулял школу. Знаешь, сегодня столько всего произошло.

- Петя! Арина!

Увидев приближающуюся Акулиничеву, Арина напряглась, приготовившись к бегству или нападению.

- Светка – такая же, как мы, - успокоил я Арину. – Вчера вечером механический слуга Часовщика напал на нее и поранил руку. Видишь кровоточащую царапину?

- Дай-ка... - Акулиничева неохотно протянула руку, и Арина долго ее рассматривала. - А почему ты отказалась фотографироваться?

- Просто тогда вы меня здорово достали.

Мою золотоволосую напарницу такое объяснение вполне устроило, и она протянула Акулиничевой руку:

- Прости, что приняла тебя за другую. Надеюсь, вдвоем нам легче будет справиться с Часовщиком и его истуканами.

- Ладно. Все в прошлом, - улыбнулась Светка. – Честно сказать, ты тоже казалась мне подозрительной.

Наблюдая за девочками, я невольно вспоминал Амалию. Когда она бросила горящий парик, мне представилось, что вместо расплавленного воска на асфальт капает настоящая кровь, и избавиться от этой иллюзии было не так-то легко. Могла ли кровоточащая царапина служить достаточным доказательством невинности Светки, или... Отбросив тягостные сомнения, я рассказал Арине о «неправильных» часах и прочих загаданных Незнакомцем загадках.

- Можно ли доверять призраку? Что, если этот ваш Незнакомец в Черном – еще одна созданная Часовщиком иллюзия?

- Арина, мы встречались с ним и раньше.

- Не доверяю я этим магам и колдунам!

Посоветовавшись, мы все же решили заняться поиском таинственных часов, которые наверняка представляли собой один из экспонатов коллекции Дмитрий Дмитрича.

- В любом случае необходимо проникнуть в подземелье, - подытожила обсуждение Арина. – Там и часы, если, конечно, они существуют в реальности, и автоматы, и сам старый злодей. Следовательно, начинать надо с поисков прохода в монастырский подвал.

Идея понравилась, но приступить к ее реализации мы решили после обеда, поскольку в данный момент вся наша компания больше напоминала стаю очень-очень голодных волков.

Однако перекусить мне так и не удалось. Едва я перешагнул порог квартиры, как мама протянула мне пакет и деньги:

- Петя, будь добр, купи хлеб, сливочное масло и кетчуп.

Оставалось только развернуться и проследовать к ближайшему продуктовому магазину. Не дойдя до него метров двадцать, я отвлекся, обратив внимание на весьма странную особу, неровным шагом двигавшуюся по улице. Наибольшее недоумение вызывала именно ее походка – казалось, девушка хочет остановиться и при этом упорно, преодолевая себя, движется вперед.

- Вика!

Она обернулась, хотела что-то сказать, но вместо этого только прибавила шаг. Я догнал ее и пошел рядом.

- Толкачев, наверное, у меня лунатизм и раздвоение личности, - даже не поздоровавшись, сообщила Барышева. – А может быть, и то и другое, да еще и в тяжелой форме.

- Послушай, Вика, давай приземлимся на ближайшую лавочку и все обсудим.

- Даже пробовать не стоит.

- Говорить?

- Остановиться...

Вика почти бежала. Я схватил ее за руку, но она с неожиданной силой освободилась и продолжила движение вперед.

- Барышева, куда ты собралась?!

- Не знаю! Но остановиться просто невозможно, - на ходу смахивая слезу, пояснила Вика. – Этим утром я поняла, что не могу есть. Хочу, к примеру, откусить кусок колбасы, а руки сами отодвигают тарелку, и кто-то моим голосом говорит: «Спасибо, мама, я сыта».

- Перед обрядом оживления кукол ты ведь тоже постилась?

- Каким обрядом? – Вика посмотрела на меня с удивлением. – А... Ты имеешь в виду сон? Но ведь я никому о нем не рассказывала.

- Это не сон!

Барышева свернула за угол дома и понеслась по тенистой, усаженной липами улочке. Я чуть ли не вприпрыжку бежал за ней, стараясь не отставать:

- Да подожди ты!

- Не требуй от меня невозможного, Петька! Мои ноги меня не слушаются, да и руки, кстати, тоже. Они делают что хотят!

По асфальту шелестели шины. Я обернулся – серый с затемнёнными стеклами автомобиль тихонечко крался за нами. Виктория остановилась у кромки тротуара, наблюдая за его приближением. Серое чудовище подкатило к Вике, остановилось и открыло заднюю дверь.

- Не делай этого!

- Я не могу, не могу. Спаси меня, Петька! – Барышева уверенно села в автомобиль, но ее голос срывался от испуга, а в глазах блеснули слезы. – Помогите! Помогите!

Я заглянул в салон серого чудовища и с изумлением увидел, что водительское место пустовало и, кроме Виктории, там никого не было. Мне оставалось только последовать за ней, но автомобиль резко рванул вперед, скрывшись в облаке пыли и выхлопных газов.

- Такое случается слишком часто: близкий тебе человек в беде, а ты не можешь ему помочь. Одна из граней жизни.

Незнакомец в Черном стоял в двух шагах от меня и со свойственным ему пессимизмом изрекал нечто глубокомысленное и унылое.

- Куда ее увезли?

- Попробуй догадаться сам.

- Мы только и делаем, что разгадываем ваши загадки! – возмутился я. – Боюсь только, скоро некому будет над ними думать. Безумие рядом, и уже невозможно понять, где иллюзия, а где реальность. Я загоняю внутрь свой страх, а он ждет подходящего момента, чтобы вырваться на свободу и схватить меня за горло. Светке еще хуже – она девчонка и долго такого не выдержит. Подскажите, где эти «неправильные» часы? Сделайте что-нибудь!

- Бессилие... Знаешь, Петр, Виктория – единственный за последние сто с лишним лет человек, открывший мне свое сердце, подаривший если не любовь, то сострадание... Она гибнет, а я не могу даже умереть за нее.

От таких речей мне стало совсем тошно. Неужели, общаясь с Незнакомцем, я и сам потихоньку стал беспомощным меланхоликом, неспособным разобраться в собственных проблемах?! Злость на себя, унылого призрака и Часовщика придала уверенности, и я решительно сказал:

- Нельзя терять надежду, никогда, ни при каких обстоятельствах. Возможно, я был к вам несправедлив, господин Незнакомец, ваши подсказки нам здорово помогли. Мы со Светкой и Ариной обязательно разыщем часы, только намекните, у Часовщика они или нет?

- Когда всеми силами души стремишься к цели, случайности подчиняются твоей воле, указывая верный путь. Иногда разгадка находится совсем близко и приходит оттуда, откуда не ждешь. Кстати, то же можно сказать и о неприятных открытиях...

- Кто-то может нам помочь?

Незнакомец только растянул губы в улыбке, а потом демонстративно, прямо на глазах у проходившей неподалеку старухи, растворился в воздухе. Бабка охнула, перекрестилась и торопливо пошла прочь.

- Хлеб, сливочное масло, кетчуп, - повторил я, сворачивая к ближайшему магазину.

У прилавка толпилось несколько человек. Я встал в хвост очереди, прикидывая, хватит ли денег на жвачку или придется ограничиться только заказанными мамой продуктами. Тем временем нагруженный покупками паренек задел меня локтем, извинился и пошел к выходу из магазина.

- Вы мне не поможете? – остановил его приятный баритон.

Я бы узнал этот голос из тысячи, без сомнения, он принадлежал поранившему мою руку автомату. Механический монстр стоял ко мне спиной, но его действия несложно было предугадать: сейчас он под каким-то предлогом завладеет рукой паренька и заклеит его роковой царапиной. Понимая, что терять мне уже нечего, я смело встал между ними:

- Убирайся прочь, ржавая жестянка!

- Ты? – манекен расплылся в улыбке. – А я собирался прийти за тобой завтра.

- Как поживает Амалия? Она еще не поделилась впечатлениями о нашей утренней встрече? Зажигалка со мной, может, стоит зажечь еще одну восковую «свечку»?

- Не люблю пиротехнические эффекты...

Автомат отошел от удивленного парня и незаметно, бочком, начал продвигаться к выходу. Почувствовав его неуверенность, я приободрился:

- Назови свое имя! Чей дух оказался настолько глуп, что влез в эту жестянку?

Выйдя из магазина, манекен, не оглядываясь, пошел по улице. Я не отставал, вынуждая его двигаться все быстрее и быстрее. Вскоре мы побежали. Мне вспомнился вчерашний день - всего сутки прошли с той поры, как я испуганным зайцем улепетывал от грозного преследователя, но сегодня все перевернулось, и страх сжимал уже не мое, а его стальное сердце. Жаль только, в суматохе утренних событий я обронил зажигалку и на самом деле не имел никакого оружия, позволявшего разделаться с чудовищем.

Проследовав через несколько кварталов, механический монстр устремился к парку и помчался по центральной аллее. Честно говоря, я не знал о том, как поступлю, догнав чудовище, и просто с огромным удовольствием преследовал струхнувшую грудку металлолома. Сознание того, что Часовщик и его подручные сильны только перед беззащитными

жертвами, но панически боятся тех, кто решительно противостоит им, поднимало настроение. Мы все дальше углублялись в дебри парка и вскоре очутились в одном из самых глухих, заброшенных уголков. Заросший берег пруда, нагнувшиеся к самой воде ивы, выгнутый дугой мостик выглядели весьма живописно, но мне внезапно стало не до красот старого парка – тревожило отсутствие людей, да и фигура самого железного монстра производила зловещее впечатление. Неожиданно бежавший впереди автомат остановился, повернул свое восковое, совсем не похожее на человеческое лицо:

- Хорошая получилась пробежка? Ты и впрямь так наивен, что подумал, будто я испугался? Мне неведом страх! Глупый мальчишка спрашивал мое имя... Ха! Сейчас оно ни о чем не говорит, но раньше Леху Кудрявого в этих краях знал каждый. Моя шайка наводила лютый страх на здешних купцов. Жизнь во плоти я закончил на суку старого дуба, но так и не раскаялся. Померимся силами, малыш?

Вот и пришла расплата за самоуверенность! Признаюсь, я здорово испугался, но, стараясь выглядеть героем, произнес:

- Мне доводилось копаться в твоих железных внутренностях. Изнутри ты похож на обыкновенный будильник!

- Неплохое чувство юмора. Твоя жизнь принадлежит Мастеру, это ограничивает мои возможности, но позабавиться мы сможем... - с угрозой в голосе ответил автомат.

Я попятился, отступая к пруду. Механический монстр неторопливо двигался вперед, с ухмылкой предвкушая скорую расправу. По вискам струился пот, сердце бешено стучало, но мне все же удавалось сохранять

дистанцию и как на привязи вести за собой манекен. Ноги ступили на настил горбатого мостика. Леха Кудрявый немного замешкался, а потом пошел следом. Секунда, другая... Когда автомат достиг самой верхней точки, я внезапно развернулся, в два прыжка подскочил к железному уроду и толкнул его через перила...

План сработал, но не так, как хотелось бы. Потеряв равновесие, я сорвался с моста вслед за манекеном и еще в полете почувствовал на своей ноге цепкую хватку металлических пальцев. Мы плюхнулись в пруд, и камнем пошли ко дну. Мутная от поднятого ила вода сомкнулась над головой, воздуха оставалось все меньше, а страшная рука упорно тянула в могилу. Я дергался, извивался, изо всех сил колотил свободной ногой по металлическому телу. Сознание меркло...

Внезапно, словно воздушный шар, я вылетел на поверхность водоема, судорожно глотая воздух и давясь им. Только на берегу мне стала понятна причина чудесного спасения – ногу сжимала так и не разжавшая пальцы железная пятерня, а сам автомат навсегда исчез в мутной воде старого пруда. Оказывается, пользу могла принести и обычная халтура – только теперь мне вспомнилось, как, собирая автомат и основательно устав, я поленился затянуть потуже гайки, скреплявшие детали локтевого сустава. С трудом отцепив железную ладонь, я размахнулся и швырнул ее на середину пруда.

Около восьми вечера, совершенно мокрый, продрогший, без хлеба, кетчупа и сливочного масла, я вернулся домой. Дверь открыла мама:

- Петр, мы так волновались! Я даже не спрашиваю, почему ты вымок до нитки, - все равно правду нам не услышать. Мог хотя бы предупредить, что задерживаешься. Еще немного, и я собиралась звонить в милицию.

- Довольно, Алла, не пили парня, - прервал маму вышедший из комнаты дед. – Открыл человек купальный сезон, и все дела. Говорил я, к ужину вернется. Кстати, гуляка, тебя девушки осаждают, прохода не дают. Звонят, заходят...

- Арина?

- Зеленоглазая приходила, интересовалась, где ты. А звонила эта... - дед почесал нос, - тощая с хвостиком.

- Светка?

- Она самая. Шесть раз к телефону поднимала. Просила перезвонить, как вернешься.

В ботинках хлюпала вода. Отодвинув их в самый дальний уголок прихожей, я хотел незаметно проскользнуть в комнату, но, заметив благодушный настрой деда, решил сперва спросить о «неправильных» часах.

- Дед, ты объездил весь мир, может быть, встречал где-нибудь часы с тринадцатую цифрами на циферблате?

- С тринадцатую? – он задумался. – Не приходилось. Зато в Бомбее со мной произошла странная история, тоже, кстати, связанная с часами, только с песочными...

Дед, не одно десятилетие прослуживший во флоте, обожал при каждом удобном случае вспоминать о своих многочисленных и невероятных приключениях той поры. Однако сегодня мне было не до увлекательных баек. Поежившись под укоризненным взглядом мамы, я прошел к себе, переоделся и набрал телефон Светки Акулиничевой.

- Петя, у меня такая новость, такая новость! – послышался восторженный голосок Светки. – Кажется, я нашла часы!

- Не может быть!

- Может! Да еще не выходя из дома! Дело было так: мы с мамой сели обедать, и она все спрашивала, чем я сегодня занималась. Я рассказала, что вычитала в одной книжке о делении года на тринадцать лунных месяцев и о необычном зодиаке, включающем в себя созвездие Арахны. Мне представилось, мама воспримет это как сенсацию, но она ничуть не удивилась, сказав, что слышала о таком календаре и раньше. Мы поболтали о суевериях, способах летоисчисления...

- Свет, не тяни!

- А потом я сказала, что Петя Толкачев интересуется старинными часами и где-то вычитал о необычном часовом механизме, циферблат которого разделен на тринадцать частей. И тут моя мама намазывает маслом кусок хлеба и между делом, совершенно спокойно сообщает, что видела эти часы не далее как пару дней назад. Представляешь!

- Где?!

- Знаешь наш краеведческий музей? Мама там подрабатывает консультантом. Оценивает художественную ценность новых поступлений и всякое такое... Так вот, основное здание музея много лет ждет и никак не дождется капитального ремонта. Там все ветшает и разваливается. Недавно его закрыли для посетителей, перевели в запасники самые ценные экспонаты, но пока не все. Часы с необычным механизмом все еще там. Возможно, это те самые часы, о которых говорил Незнакомец.

- Ты уверена?

- В том, что циферблат разделен на тринадцать частей – абсолютно. Мама в таких делах не ошибается. А имеет сей экспонат отношение к Часовщику или нет, мы должны проверить лично. Знаешь, Петя, я долго-долго уговаривала маму, и она согласилась провести для нас с тобой маленькую экскурсию. Завтра сразу после школы. Толкачев, не молчи! Почему ты не прыгаешь от радости?

- Свет, я прыгаю, но у меня есть две новости – плохая и хорошая. С какой начать?

- Конечно, с плохой.

- Часовщик похитил Барышеву. – В трубке слышались какие-то вздохи. Опасаясь девичьих слез, я поспешно добавил: - Но мне удалось прикончить одного из манекенов. В данный момент он тихонечко ржавеет на дне пруда.

- Петя, ты герой, - без особого энтузиазма отозвалась Акулиничева. –
Что этот злодей сделает с Викой?

- Не знаю. В любом случае мы попробуем ему помешать. Не вешай нос,
Светка. Часовщик не всемогущ. Мы можем противостоять ему. Когда будет
очень трудно, не забывай об этом. Ладно? Спокойной ночи.

- И тебе тоже, Петя...

День одиннадцатый. ЛЕГЕНДА О ВОЛШЕБНЫХ ЧАСАХ

Пожелание Акулиничевой исполнилось – ночь прошла относительно спокойно. Меня не мучили кошмары, но на душе было тревожно и тоскливо. Дальнейшие события также не способствовали улучшению настроения – серьезное объяснение с классной по поводу вчерашнего прогула, неприятные минуты у доски и пара по биологии сделали мое пребывание в классе невыносимым. Бледной, взвинченной Светлане, похоже, было не легче. Едва дождавшись окончания уроков, мы торопливо покинули казавшееся необыкновенно мрачным школьное здание. Среди пестрой, шумной толпы вырвавшихся на свободу ребят я не сразу заметил стоявшую в сторонке у старой яблони Арину. Выглядела она мрачнее тучи.

- Я больше не в вашей команде? – обиженно спросила моя напарница.
– Вчера, так и не дождавшись меня, ты ушел и даже не предупредил куда.

- Прости, это получилось случайно. Я отправился за покупками, стал свидетелем похищения Барышевой, а потом утопил одного из механических монстров.

Известие о гибели автомата исправило Арине настроение и, улыбнувшись ослепительной улыбкой, она похлопала меня по плечу:

- Классно сработано, напарник. Вчера я тоже не теряла времени даром и кое-что выяснила о месте их обитания. Думаю, скоро можно будет нанести им визит.

- А еще мы узнали, где находятся «неправильные» часы, - вмешалась в разговор Акулиничева, - и собираемся на них посмотреть. Оказалось, для этого совсем необязательно ползать по подвалам.

- Хочешь на них полюбоваться? – предложил я.

Конечно же, Арина составила нам компанию, и, не заходя домой, мы втроем отправились на экскурсию в краеведческий музей. Путь предстоял неблизкий: надо было пройти почти весь центр города и спуститься к реке, где и располагался большой трехэтажный особняк с колоннами и парой алебастровых львов на воротах. По дороге, не умолкая ни на минуту, Света делилась полученной информацией:

- Просто удивительно, живешь с человеком всю жизнь и даже не представляешь, сколько он всего знает! Мама мне целую лекцию прочитала о часах и механических игрушках. Кстати, вы знаете, кто такой гомункул?

- Слышали, но точно не представляем, - ответила за нас обоих Арина.

- Оказывается, средневековые алхимики называли так искусственно созданного человека. Многие из них не только искали философский камень и эликсир жизни, но и занимались созданием гомункула.

- И что?

- А то, Арина, что к гомункулам можно отнести и наших железных приятелей. Представляете, еще несколько столетий назад алхимики

называли автоматами особые механизмы, которым был придан человеческий облик и которые действовали и вели себя как живые люди!

- Так, значит, Дмитрий Дмитрич еще и алхимик! Я видел в его подzemелье много старинных книг, наверное, в них и было написано, как делать этих гомункулов.

- Очень может быть. Пойдемте быстрее, - Светка посмотрела на часы, - а то мама не переносит опозданий.

И все же мы опоздали на целых три минуты. Вероника Викторовна, моложавая блондинка с короткой стрижкой, уже поджидала дочь на ступеньках музея:

- Светлана, пунктуальность – неотъемлемая часть хороших манер. Кто эта девушка? Кроме тебя, я приглашала только Петю.

Арина спокойно выдержала долгий «сканирующий» взгляд Акулиничевой-старшей, мило улыбнулась и пояснила, что учится с нами в одной школе и очень увлекается старинными механическими часами. Недовольную Веронику Викторовну это объяснение не устроило:

- Я нарушила все инструкции, приведя в закрытый на реконструкцию музей посторонних. Могли хотя бы сообщить о своих планах заранее. У меня могут быть большие неприятности. Пожалуй, имеет смысл отменить экскурсию.

- Но, мама...

- Хорошо, я подожду вас здесь, - нашла выход из затруднительного положения Арина.

Светкина мать пожала плечами и все же повела всех нас к служебному входу. Мы вошли в здание музея и поднялись на второй этаж.

- Этому особняку почти двести лет, и в нем ни разу не делали капитальный ремонт. Крыша дырявая, как решето, перекрытия давно превратились в труху, и все это сооружение держится на честном слове, - рассказывала Акулиничева-старшая. – Дом в аварийном состоянии, поэтому сюда закрыт доступ посетителям. Старайтесь передвигаться осторожно, не топайте, не шумите и, конечно, ничего не трогайте руками.

Мы осторожно, как по весеннему льду, шли по старому облупленному паркету. Помещение и в самом деле выглядело неважно, особенно бросались в глаза «украшавшие» потолок разводы от былых протечек и темные прямоугольники на стенах – следы убранных картин.

- Старые холсты не выдержали бы таких перепадов температуры и влажности, их пришлось убрать в первую очередь, остальные экспонаты еще здесь, - искусствоведческим тоном пояснила Вероника Викторовна. – Интересующие вас часы – в конце анфилады.

Пройдя несколько смежных комнат, мы остановились у огромного многостворчатого окна. Перед ним на резном столике стояли темные, довольно зловещего вида часы. Корпус их черного дерева украшала пугающая скульптура – злобно оскалясь, бородатый старик терзал хрупкое

тело своей жертвы. Под бронзовыми фигурами виднелся небольшой тусклый циферблат. Присмотревшись, я заметил на нем черную цифру XIII.

- Кронос, пожирающий своих детей, - аллегория, показывающая неумолимость времени. Довольно банальный сюжет. Впрочем, декор часов характерен для начала XIX века, а сам механизм, как установлено, намного старше. Возможно, это одни из первых маятниковых часов.

- Вероника Викторовна, они работают?

- Нет, Петя, часы сломаны. Точнее, утрачена важная часть механизма – заводная пружина. Вместо нее – какие-то непонятные детали, в назначении которых может разобраться только специалист. Граф Владимир Львович Вольский, бывший владелец этого особняка, привез часы из Европы в 1831 году. Он интересовался предметами, связанными с оккультными обрядами и, говорят, собрал довольно интересную коллекцию. Вероятно, увидев необычный механизм, граф вспомнил распространенную здесь, на его родине, легенду и приобрел часы.

- Mam, о чем она?

- Светлана, имей терпение! Мы еще вернемся к этому преданию, но теперь, раз уж речь зашла о способах исчисления времени, позвольте рассказать, как это делалось на Руси. Не возражаете?

Все согласно закивали головами, хотя мне, да и девчонкам, хотелось поскорее разузнать связанную с часами историю, а не слушать пространные объяснения Вероники Викторовны.

- Раньше сутки были разделены на дневные и ночные часы, - рассказывала она. – Дневные начинали отсчитывать с восходом солнца, а ночные – на заходе. На протяжении года длина светового дня изменяется, поэтому каждые две недели приходилось изменять соотношение дневных и ночных часов в сутках. В начале сентября, восьмого числа, с которого тогда начинался новый год, их было поровну, потом, с двадцать четвертого числа, - одиннадцать часов дня и тринадцать ночи, и так далее, вплоть до декабря, когда день начинал прибывать, и соответственно увеличивалось количество дневных часов. Кстати, по такому расписанию жили именно в Москве, а, к примеру, в Новгороде была принята другая система исчисления времени.

- И чем она отличалась? – уточнила дотошная Арина.

- Новгородцы делили сутки на две равных половины и не изменяли соотношения дневных и ночных часов. Однако первый дневной час тоже начинался с восходом солнца.

- Мама, все это ужасно интересно, но какое отношение имеет к нашим часам?

- Света, ты неисправима! Перебивать старших крайне невежливо. Я не случайно заговорила о нашей истории, интересующая вас легенда возникла в XVII веке, во времена правления царя Алексея Михайловича. Должна сказать, что в те годы механические часы на Руси были большой редкостью, чаще всего их привозили иноземные послы, и эти дары ценились наравне с золотом и драгоценностями. Хитроумные автоматы интересовали молодого царя, и, зная об этом увлечении, в Москву приезжали как талантливые мастера, так и авантюристы, искавшие свою удачу на московском дворе. Среди них был некий маг, астролог и часовщик, имя которого история не

сохранила. Он приехал издалека, потряс Алексея Михайловича своими магическими опытами и предсказаниями, но вскоре чем-то не угодил царю и был вынужден покинуть Москву. Однако он так и не добрался до границы, по какой-то причине задержавшись в нашем городе, где вскоре приобрел большую, но сомнительную известность. Об иноземце говорили, будто он занимается черной магией, и все созданное им приносит большие беды. Как раз в это время город охватила эпидемия странной болезни, симптомы которой до сих пор удивляют эпидемиологов. После короткого приступа безумия подверженные ей люди впадали в равнодушие и спустя некоторое время умирали от истощения, отказываясь принимать пищу. Во всех напастях, естественно, обвинили мастера-иноземца. Прошел слух, будто он создал механизм... - Вероника Викторовна указала на старинные часы. - ... движущей силой которого были не гири, не пружина, а души людей. Считалось, что только во время тринадцатого лунного месяца часы могли работать, и стрелки на циферблате начинали двигаться к роковой цифре «тринадцать».

- А что случится, когда пробьет тринадцатый час? – позабыв о вежливости, перебил я Светкину мать.

- «Само время станет уязвимым, и смерть вздрогнет от ужаса» - так гласит старинное пророчество.

Я перевёл взгляд на часы. Тонкая, похожая на черный луч минутная стрелка застыла в пяти минутах от рокового часа.

- В охваченном эпидемией городе одного только обвинения в связях с нечистым было достаточно для жестокой расправы, - продолжала рассказ Акулиничева-старшая. – Однажды ночью толпа горожан ворвалась в жилище мастера, схватила часовщика, намереваясь предать лютой казни. Легенда

гласит, что перед смертью он проклял своих палачей и обещал вернуться, чтобы отомстить если не им, то внукам.

- Его убили?

- Да, Арина. Живьем замуровали в одной из ниш крепостной стены. Потом горожане разгромили мастерскую иноземца. Они разыскивали волшебные часы, но так ничего и не обнаружили. Видимо, предчувствуя скорую расправу, мастер успел спрятать часы в тайнике или передал надежному человеку. Как часы попали в Европу, кто сделал им новый корпус и при каких обстоятельствах их купил граф Вольский – неизвестно.

- Даже страшно становится, когда подумаю, сколько из-за этой железки погибло человек.

- Света, я рассказала легенду. Доказательств того, что граф Вольский приобрел те самые волшебные часы, нет. Впрочем, давно замечено, что старинные предания придают антиквариату большую привлекательность, а заодно повышают его цену. Мы ценим в истории именно мифы.

Вероника Викторовна умолкла, давая нам возможность осознать услышанное. Ее взгляд равнодушно скользил по комнате. Внезапно выражение ее лица стало сосредоточенным, и она наклонилась к старинным часам:

- Это странно...

- Mam, ты о чем?

- Никогда не жаловалась на зрительную память. Два дня назад часы показывали половину тринадцатого. Хотела бы я знать, кто так бесцеремонно обращается с музейными экспонатами!

- А они не могли сами...

- Это исключено, Света. Часы в нерабочем состоянии.

- Вероника Викторовна, можно посмотреть на механизм? – набравшись смелости, попросил я.

Она задумалась:

- Хорошо. Только не трогайте руками его детали.

Зайдя за столик, мы с девочками начали рассматривать часы сзади. Наше внимание привлекла полукруглая дверца с бронзовой ручкой-кольцом. Я взялся за миниатюрное колечко, повернул его и потянул на себя дверцу... В полутьме корпуса замерцали шестеренки и колесики, неподвижно висел тусклый диск маятника. На вид это было довольно необычное устройство – место заводной пружины занимали какие-то непонятные рычаги и подвешенный на тонкой проволоке черный кристаллик. Не любившая технику Светка Акулиничева вскоре отвлеклась, начав рассматривать со всех сторон украшавшую корпус бронзовую скульптуру, а мы с Ариной, как зачарованные, продолжали смотреть на таинственный, смертельно опасный механизм.

- Помнишь, такой же камень носил на руке Часовщик. Во время ритуала оживление автоматов он упомянул о каком-то кристалле Ночи, который дает ему власть и силу. Наверное, Дмитрий Дмитрич имел в виду этот камень.

Арина не успела ответить – дуновение воздуха изменило положение кристаллика, и его отполированная грань сверкнула на солнце красной искрой.

- Петя, что произошло? Ты видел? – негромко спросила стоявшая перед часами и рассматривавшая циферблат Акулиничева.

- Что именно? – удивился я.

- Минутная стрелка... она передвинулась на одно деление. Теперь часы показывают без четырех минут тринадцать.

- Передвинулась? – вмешалась в наш разговор Вероника Викторовна. – Я же предупреждала – не дотрагивайтесь до деталей механизма!

- Честное слово, мы ничего не делали. Эти часы работают!

- Петр, если ты действительно разбираешься в устройстве часовых механизмов, мог бы знать, что без пружины они мертвы. Лучше признайся – ты толкнул маятник.

Я отрицательно покачал головой. Возмущенная моим упорством Вероника Викторовна решительно заявила, что экскурсия окончена, и ей пора заниматься собственными делами. И только в этот момент я понял – пришло время исполнить волю Незнакомца и разбить «неправильные» часы. Однако вот так, запросто, на глазах Светкиной матери уничтожить музейный экспонат было абсолютно немыслимо...

- Петр, мы уходим, - где-то далеко, как сквозь слой ваты, прозвучал женский голос. – Сколько можно ждать!

Решив, что жизнь друзей важнее правил и условностей, я протянул руку к зловещим часам...

- Петя, подожди, - Стоявшая в стороне Арина подошла ближе, взяла меня за плечо. – Ты не оберешься неприятностей.

- А что делать?

Мы встали у окна.

- Здесь практически нет охраны. Посмотри, какая допотопная сигнализация – с ней справится и первокласска. Явимся сюда сегодня ночью и сделаем все без свидетелей.

- Но это будет выглядеть как ограбление музея!

- Ты предпочитаешь публичное уничтожение его экспонатов? Такие действия называют вандализмом.

- Арина, стрелка передвинулась еще на одно деление. Всего четыре украденных души - и произойдет нечто ужасное. Надо как можно скорее любой ценой уничтожить часы!

- Тогда – действуй... - Арина отошла в сторону.

И все же ее здравые суждения охладили мой пыл. Какой смысл нарываться на крупные неприятности, когда есть шанс сделать дело тихо и уйти, не привлекая ничего внимания? Если, конечно, Арина сможет пробраться в музей... Еще раз посмотрев на необычный циферблат и бронзового старца, расправлявшегося со своими отпрысками, я вслед за остальными вышел из комнаты.

Большую часть дня я и Арина провели за разработкой плана проникновения в музей. Мы решили не втягивать в это дело нервную и пугливую Акулиничеву и действовать вдвоем, на пару разделив ответственность за опасное предприятие.

Для начала сразу после обеда мы вернулись к старому особняку и часа три изучали обстановку вокруг и внутри него. Желая выяснить, что же происходило в самом здании, Арина не поленилась залезть на высоченный вяз и оттуда в бинокль долго вглядывалась в окна музея, отмечая что-то в записной книжке. Предположения моей напарницы оказались верны – особняк, из которого была вывезена большая часть экспонатов, охранял

только один вахтер – флегматичного вида парень, частенько выходивший из здания перекурить и поглазеть на пустынную улицу.

Удовлетворенные результатами разведки, мы зашли ко мне домой, и Арина начала вычерчивать на большом листе ватмана внутренний план музея. Орудую карандашом и линейкой, она рассуждала о том, как обойти сигнализацию и проникнуть в здание, не потревожив охранника, а я постепенно впадал в глубокое уныние:

- Арина, тебе не кажется, что мы слишком много смотрим телевизор?

- То есть?

- Все эти драки, где один побеждает десятерых, суперограбления, во время которых ловкие грабители обводят вокруг пальца самые хитроумные охранные системы... В жизни все совсем иначе, а то, что мы собираемся делать, - самое настоящее ограбление. Никто не поверит в сказку о «неправильных» часах и старом мастере, задумавшем погубить весь мир.

- Так дело не пойдет. С таким настроем можно только проигрывать. Если ты не уверен в своих силах, придется мне действовать одной, - отведя непослушные волосы, Арина наклонилась к чертежу. – Ведь как бы ни складывались обстоятельства, мы просто обязаны уничтожить часы, не так ли?

Условившись встретиться в час ночи на набережной возле музея, Арина отправилась домой. Я поужинал, сел смотреть телевизор, но чем бы мне ни приходилось заниматься, мысли упорно возвращались к предстоящему событию. Признаюсь, перспектива оказаться на скамье подсудимых, а потом

в колонии для малолетних преступников пугала меня по-настоящему. Однако отступить было некуда, и нам с Ариной оставалось только надеяться на счастливое стечение обстоятельств.

- Петя, тебя к телефону, - прервала мои невеселые раздумья мама.

- Не знаю, что делать, наверное, эта ночь окажется последней, - чуть не плакала бедная Светка. – Стоит мне остаться одной, как они начинают плести свою паутину.

- Кто?

- Огромные невидимые пауки. Они опутают меня липкими сетями, а потом долго-долго будут высасывать мою кровь. Их мохнатые лапки коснутся лица...

- Светка, прекрати! Напряги всю волю, соберись. Ждать осталось недолго, через несколько часов я разобью дьявольский механизм.

- Как?

- Это не телефонный разговор. Надеюсь, завтра мы все обсудим. Держись и не сдавайся.

Она всхлипнула и повесила трубку. Около одиннадцати я ушел в свою комнату и начал собираться в дорогу. Для начала я решил переодеться во все черное, как это обычно делали, отправляясь грабить банк, герои

американских боевиков. Но сменить костюм оказалось не так-то просто. Стоило мне открыть шкаф, как за спиной послышались шорох и чей-то вздох.

- Кто здесь? Это вы, господин Незнакомец?

Ответа не последовало. Я обернулся и увидел, как колыхнется штора. Потом протяжно скрипнул стул, а на улице раздался душераздирающий, леденящий душу вой. Несомненно, это были фокусы Часовщика. Старик пытался остановить меня, но просчитался, выбрав не тот способ, - такими трюками можно было напугать только слабонервных девчонок вроде Акулиничевой. Игнорируя полтергейст, я надел черные джинсы и водолазку, дождался, когда все в доме уснут, и тихонечко выскользнул на лестничную площадку.

Пролеты лестницы мелькали один за другим, и мне давно пора было оказаться на первом этаже, но почему-то этого не происходило. Только остановившись, я понял, что меня занесло на самый верх девятиэтажки. Оставалось воспользоваться лифтом, ведь какие бы иллюзии ни насылал Часовщик, он не смог бы повлиять на его работу.

Я понял, что совершил непоправимую ошибку, только тогда, когда за спиной захлопнулась дверь, и лифт начал спускаться с девятого этажа... Свет в кабине померк, она вздрогнула, над головой раздалось зловещее поскрипывание, а еще один резкий толчок сбил меня с ног. Я замер, боясь шевельнуться, но передышка была слишком короткой – спустя пару секунд лифт начал стремительно падать вниз. Он летел быстрее и быстрее, с убийственной скоростью сокращая расстояние до земли, но вдруг кабина накренилась, по нервам полоснул душераздирающий скрежет, ослепительно вспыхнул и погас свет, а потом все стихло...

Лифт погрузился во мрак и безмолвие. Медленно, стараясь не делать резких движений, я поднялся на четвереньки и ощупал пол. Он имел сильный наклон – видимо, во время полета кабина накренилась набок и застряла в шахте. Судя по тому, сколько времени продолжался полет, лифт остановился недалеко от земли, и главная опасность уже миновала – падение с высоты одного-двух этажей вряд ли могло быть опасным для жизни. Приподнявшись, я нащупал панель управления и начал жать на кнопки, пытаясь вызвать диспетчера. Ответа не последовало. В кабине было очень тихо и абсолютно темно.

- Помогите! Кто-нибудь!

Я собрался заорать погромче, набрал в легкие воздуха и с ужасом почувствовал, что задыхаюсь. Неужели кабина лифта была герметичной?! Решив, что лучше вместе с кабиной грохнуться на землю, чем медленно погибать от удушья, я резко вскочил на ноги... От страшного удара в глазах вспыхнуло белое пламя, а сознание померкло и отключилось.

Сначала вернулась боль, а потом на моей голове обнаружилась здоровенная, покрытая слипшимися от крови волосами шишка. Это удивило, ведь расшибить голову в пустом лифте было не так-то просто. Я осторожно приподнялся и протянул вверх руку – кабина лифта стала неожиданно низкой и, как ни странно, напоминала на ощупь кирпичную стену. Недостаток воздуха побуждал к решительным действиям, и мне пришлось спешно заняться исследованием странного помещения. Это была вытянутая, метра два длиной и около полутора метров высотой комнатка с полукруглым сводом. Больше всего она напоминала выложенную кирпичом могилу.

- Выпустите меня! Помогите!

Одну из стен сложили совсем недавно, цемент, скреплявший кирпичи, еще не затвердел и легко крошился в руке. Обнадеженный, я изо всех сил попытался сокрушить эту преграду, но безрезультатно – стена осталась на своем месте, а вот запас воздуха резко сократился, и мое сознание начало меркнуть.

Откуда-то издалека доносился шум города, оживленные голоса, где-то бурлила жизнь, но никто не слышал или не хотел слышать меня. Я лег, закрыл глаза, раздумывая о том, что случившееся еще не конец, мои палачи проиграют эту игре, а сам я буду жить вечно, и даже смерть содрогнется, узрев мое могущество... Вертевшиеся в голове мысли были нелепыми, но уже не удивляли – возможно, от недостатка воздуха меня просто посетили первые галлюцинации.

- Его надо сжечь! Непременно сжечь! – донеслось из-за непреодолимой стены. – Сжечь! Только огонь уничтожит чары! Сжечь! Сжечь!

- Нет, смерть в огне – слишком быстрая смерть. Здесь есть небольшие щели, они не позволят этому мерзавцу сдохнуть от удушья. Пройдет немало времени, прежде чем он встретится со своим хозяином – дьяволом, - ответил второй и постучал по кирпичам, отделявшим меня от мира живых.

«Все верно, расчет оправдался, я ловко сыграл на их жестокости и стремлении причинить как можно больше боли. Они хотят моих мук и поплатятся за это! Мне удалось обмануть всех, избрав такую смерть», - подумал я со странным удовлетворением и почувствовал, что улыбаюсь.

- Его тело – источник зла! Только огонь уничтожит чары. Только огонь!

Голос звучал все тише. Разгадавшего мою тайну оттеснили обезумевшие от ярости, сотрясавшие воздух проклятиями горожане. Страх исчез. То, что должно было случиться, представляло собой временную остановку, и новое тело давно ожидало меня в укромном тайнике. А еще душу согревала жажда мести. За каждый миг, проведенный мною здесь, эти люди, точнее, их внуки и правнуки, заплатят страшную цену. Мечь будет неотвратима. Я приду по ваши души!

- Но мне некому мстить, мне надо только вырваться отсюда, - пробормотал я, пытаюсь избавиться от навязчивых фантазий, навеянных рассказом Светкиной матери.

И только теперь, когда все стало на свои места и я окончательно осознал, что являюсь собой, а не каким-то иноземцем-алхимиком, погибшим триста лет назад, меня скрутил невообразимый, смертельный ужас. Я. Петр Толкачев, задыхался в тесном склепе, а жизнь, не останавливаясь, шла своим чередом, и что бы со мной ни случилось, для остальных по-прежнему светило бы солнце. Оказывается, у каждого был свой собственный конец света, и избежать его не мог ни один человек на Земле.

- Почему я? За что? Я не хочу уходить, я еще ничего не успел, ничего не увидел!

И тогда, на пике ужаса и отчаяния, когда страх ожидания конца достиг своего предела, из темноты вышла похожая на человека фигура – ее движения были резки и неровны, походка неверна... Нерождённый, но обладавший подобием жизни механизм протянул ледяную металлическую руку:

- Отдай свой страх, отдай свою боль, придет успокоение, и больше никогда ты не ощутишь отчаяния предсмертных мук, - произнес дребезжащий механический голос.

И тогда я понял все. Так вот каким образом механические слуги Часовщика воровали людские чувства! Они делали нашу боль нестерпимой, а потом сулили исцеление.

- Убирайся прочь! Мне не нужен обещанный тобою покой, он хуже смерти. Я хочу жить, чувствовать, любить, бояться, ненавидеть, смеяться и плакать! Пусть за это придется дорого заплатить, но лучше бояться смерти, чем превратиться в автомат без чувств и души! Убирайся! – я оттолкнул чудовище и внезапно ощутил, что падаю...

К счастью, полет оказался коротким – окончательно проснувшись, я обнаружил, что лежу в обнимку с одеялом возле собственной кровати. Такого не случалось со мной уже много лет и потому показалось забавным. Поняв, что жуткие события в лифте оказались обычным кошмарным сном, я залез в постель, устроился поудобней и закрыл глаза.

День двенадцатый. НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Будильник показывал шесть утра, за окном вовсю распевали птицы, ночные кошмары утратили былую яркость, а на душе впервые за много дней было спокойно и радостно. Я сладко потянулся, переворачиваясь на другой бок, собираясь соснуть еще пару часиков, и вдруг с ужасом вспомнил, что проспал встречу с Ариной. В голове не укладывалось, как можно было забыть о таком важном событии, но тем не менее это случилось и разрушило все наши планы. Наскоро одевшись, я сказал встававшему ни свет ни заря деду, что собираюсь совершить небольшую пробежку, и стремглав вылетел из дома. Теперь, когда все закончилось, торопиться было, в общем-то, некуда, но мне все же не терпелось добраться до музея и попробовать угадать по каким-нибудь приметам, что там произошло этой ночью. Я дважды обошел сонный, укрытый приползшим с реки туманом особняк, но не заметил ничего подозрительного – старый дом не желал открывать своих секретов.

- А вы, господин Толкачев, оказывается, мастер поспать, - раздался за спиной недовольный голос.

- Арина?

- ты ожидал увидеть кого-то еще?

- Прости. Понимаешь, все случилось незаметно, - начал оправдываться я, - понять, когда начался сон, было невозможно.

- Да, конечно.

Арина выслушивала сбивчивые объяснения ночного прогула со скептической улыбкой, согласно кивая головой, но чувствовалось, что она не верит ни одному услышанному слову. Она считала меня трусом.

- Что теперь делать, Арина?

- Все сделано, Петр, - Она поправила золотистые волосы, по узенькой тропиночке спустилась к реке. – Я ждала тебя до двух ночи, а потом решила действовать в одиночку. Вахтер сладко спал, сигнализация не работала, помогла и моя диета – я просто пролезла в форточку одного из окон первого этажа.

- Ты успела?!

- Когда я вошла в зал, часы показывали без двух минут тринадцать. Не хватало двух душ.

- Моей и Светки...

- Что?

- Часовщик присылает за ними своих слуг. Я – устоял, насчет Светы – не знаю. Вчера она звонила мне и была крайне напугана. Ей мерещились какие-то пауки. Ты разбила часы?

- Нет. – Арина с улыбкой наблюдала, как вытягивается от удивления мое лицо.

- Но...

- Зачем действовать так вызывающе? Я их аккуратно сломала. Помнишь, внутри корпуса на тонкой проволочке болтался небольшой кристаллик? Посмотри-ка... - она достала из нагрудного кармашка граненую бусину. – Как тебе сувенир? А еще на всякий случай я заклинила шестеренки булавкой. Теперь этот чертов механизм даже не дернется. Экспонат будет спокойненько стоять на своем столике, никто ничего не заподозрит, и, возможно, пройдут годы, прежде чем реставраторы заглянут внутрь корпуса.

- Неужели все кончено?

- Если дело только в часах, то теперь мы можем жить спокойно.

- Даже не верится.

Арина подбросила на ладони волшебный кристаллик, размахнулась и швырнула его в реку. Сверкнув на солнце, он навсегда скрылся в мутноватой спокойной воде:

- Не расслабляйся раньше времени, Петька. Часы – часами, а механическая Амалия продолжает разгуливать по городу. Я почти уверена, что нашла место, в котором они с Часовщиком скрываются. Думаю, сегодня мне удастся получить ответы на все вопросы. Слежка всегда дает результаты, надо только иметь терпение.

- Тебе нужна моя помощь?

- Пока нет. Я справлюсь с наблюдениями одна. Это привлечет меньше внимания. Знаешь что, Петя, давай встретимся часиков в шесть в конце Малой Яблоневой улицы, неподалеку от бывшей часовой мастерской. К тому времени, думаю, все прояснится. И еще – прихвати с собой Светку. От нее немного толку, но когда начнется драка с манекеном, лишняя пара рук не помешает.

- Думаю, мы и вдвоем справимся.

- Не скажи. Старик коварен, кто знает, какие сюрпризы он приготовил для незнакомых гостей?

- Ладно.

- До встречи.

Арина заторопилась домой, я остался на берегу реки, еще не зная, как поступлю дальше. Теперь, когда планы Часовщика были сорваны, следовало узнать, не изменилось ли что-нибудь в судьбе его жертв, и выяснить, как провела эту страшную ночь Светка Акулиничева. Однако семь утра – не

самый подходящий час для визитов, и я решил скоротать время, устроив хорошую пробежку по набережной.

Ноги несли меня вперед, кроссовки едва касались вытоптанной песчаной дорожки, хотелось петь, дурачиться, без причины от души рассмеяться... Это было ощущение полной свободы. Внезапная догадка заставила притормозить, снизить темп бега, и, перейдя на шаг, я посмотрел на свою пораненную манекеном руку. Царапина на ладони затянулась и перестала кровоточить – Часовщик навсегда утратил власть над моей душой. Пробежка продолжалась...

Часы показывали четверть девятого. У подъезда Светки Акулиничевой не было видно ни одного человека. Осматривая безлюдный двор, я гадал, можно ли в такое время идти в гости или стоит выждать еще полчаса. Сомнения разрешила Акулиничева-старшая. Выйдя из подъезда в нарядном, с иголки спортивном костюме, Вероника Викторовна побежала вдоль улицы. Дождавшись, когда она скроется за поворотом, я прошмыгнул в дом.

- Мне только-только удалось заснуть! – посетовала открывшая дверь Светка.

- Как ты?

- Страшно вспомнить. Пауки окутали меня с ног до головы своей паутиной и оставили в полной темноте ждать конца. Я почти распрощалась с жизнью, чувствовала себя такой беспомощной, одинокой. Знаешь, мне помог Незнакомец. Если бы он вовремя не пришел, я бы сдалась, отдала бы чувства железному чудовищу. А к тебе Незнакомец не заглядывал?

- Нет. Пришлось выкручиваться самому. Свет, взгляни на свою руку.

- Сейчас посмотрим, - она осторожно отклеила пластырь. – Ой, надо же – кровь больше не течет! Значит, все плохое кончилось? Ты, как и обещал, разбил часы:

- Почти... - И я рассказал о ночных приключениях Арины.

- Невероятно! Не ожидала от нее такого героизма.

- Готовься, Светлана, этим вечером мы раз и навсегда разделаемся с железными уродами.

Назначив Светке свидание на Малой Яблоневой улице, я трусцой побежал проводить Сережку Ивойлова. Дверь открыл его отец и, ни слова не говоря, жестом пригласил пройти в комнатушку Сергея. От моего приподнятого настроения не осталось и следа – неподвижный, похожий на восковую статую Ивойлов производил тягостное впечатление. Он сидел у окна, смотрел в одну точку и даже не обратил внимания, когда я вошел в комнату.

- Привет, Сережка! Как жизнь?

- Хорошо, - безучастным тоном отозвался он.

- А ты знаешь, что такое хорошо?

- Люди используют это слово, отвечая на вопрос, который мне только что задали.

Чуда не произошло – чувства Сергея не вернулись к нему, и впереди его ждал скорый конец. Быстренько распрощавшись, я оставил Ивойлова одного.

- Ах, Петя, - грустно вздохнула вышедшая из кухни Сережкина мама, - мой сынуля так болен... Сперва я, глупая, радовалась – у него и успеваемость улучшилась, и аккуратности прибавилось, а потом... Он вкус к жизни потерял, ничего его не интересует. А доктора только и знают, твердят: «Ваш сын здоров, и все у него в норме». Что теперь делать, ума не приложу!

«Увы, время невозможно повернуть вспять, и то, что Арина остановила Часовщика, вовсе не означало спасения его жертв. Их свечи погасли, и некому было вновь зажечь крошечные огоньки... - думал я, спускаясь по лестнице. – Незнакомец называл это жизнью по инерции. Сколько так протянет Сережка, прежде чем погибнет от равнодушия? А Танька? Денис? Те, другие, чьи имена мне неизвестны?»

- Пусть их не спасти, но осталось время для мести. Скоро мы встретимся с тобой, Часовщик! – вслух произнес я и с силой хлопнул дверью подъезда. В сердце клокотала горячая лава ненависти.

День прошел в лихорадочном ожидании последнего боя. Часы в гостиной показывали только пять минут шестого, когда я, вооружившись увесистым гаечным ключом, вышел из дома и направился к Малой

Яблоневой улице. Мне довольно долго пришлось дожидаться девчонок, которые пришли к месту встречи около шести вечера. Первой явилась Акулиничева, а потом – запыхавшаяся, возбужденная Арина:

- Порядок! Они у нас на крючке!

- Как ты обнаружила логово автоматов? – поинтересовалась Светлана.

- Главное – знать, что именно ты хочешь найти. Остальное – дело техники. Идемте, ребята, я расскажу все по дороге. – Арина повела нас по Яблоневой улице, потом свернула в соседний переулок. – Итак, было совершенно ясно, что Часовщик не мог оставить свою подземную мастерскую и просто ходил туда другим маршрутом. Каким именно? Прежде всего я подумала о подземном ходе в парке, но, сколько ни искала, не обнаружила там свежих следов – после нас с Петькой этим лазом никто не пользовался. Мне ничего не оставалось, как вернуться сюда, на Яблоневую улицу. Проникнуть в подземелье через бывшую часовую мастерскую оказалось совершенно невозможно – там сделали круглосуточный магазинчик и всегда толпился народ. Пришлось прибегнуть к старой доброй слежке и бродить по улицам, высматривая подозрительных личностей. Раньше я никогда не сталкивалась с Амалией, но вскоре заметила похожую на нее по описанию девушку. Особенно бросалась в глаза ее неровная ассиметричная прическа.

- Она отрезала волосы, которые я нечаянно подпалил?

- Именно так я и подумала. Девушка часто посещала один из домов, и оставалось только расспросить его жильцов, живет она там или нет. Словоохотливые старушки сообщили множество местных сплетен, среди которых встречалась и полезная информация. Оказывается, подозрительная

особа стала приходить к ним в дом совсем недавно, при этом она ни с кем не здоровается и никого в подъезде не знает. Я поняла, что нащупала верный путь. Впрочем, остальное вы скоро увидите сами.

Арина ускорила шаг, а Светка, наоборот, чуть приотстала и тихо спросила:

- Петя, почему ей все так легко удается?

- Просто она знает, чего хочет. Таким людям везет.

- Может быть...

- Сюда, - Арина указала на подъезд одного из старых, дореволюционных домов.

Мы прошли просторный холодный вестибюль и нырнули под лестницу. Там обнаружили ведущие вниз, к небольшой двери, ступеньки.

- Это вход в подвал, - пояснила Арина. – Замок здесь для красоты – петля, на которой он висит, не прикреплен к двери. Амалия, а может быть, и сам Часовщик, частенько наведываются сюда.

Увидев, куда нам предстоит идти, Светка замешкалась и сообщила, что недолюбливает такие подозрительные места. Мы предложили ей остаться, но она решительно отказалась и только уточнила, встречаются ли в подвале крысы.

- Мне они не попадались, - успокоила ее Арина. – Крысы сами боятся людей и разбегаются, почувствовав их приближение.

- Хорошо бы... Больше всего я боюсь крыс, пауков и контролеров на транспорте.

Экспедиция началась. Миновав лабиринт подвала, мы остановились перед грудой небрежно сваленных картонных коробок, за которыми виднелась неоштукатуренная кирпичная стена.

- Странно, -Арина постучала по ней костяшками пальцев. – Еще вчера эти кирпичи лежали в сторонке. Они заложили проход.

- Ничего удивительного. После того, как я утопил автомат, а ты сломала часы, Дмитрий Дмитрич стал более осторожным и осмотрительным. Он боится.

- Но мы все равно его достанем. Помогите, ребята.

Последовав примеру Арины, мы начали разбирать сложенную без цемента стену. Заглянув в образовавшийся проем, я увидел еще один подвал, как две капли воды похожий на тот, в котором мы находились.

- Это соседний дом, - пояснила Арина. – В конце подвала есть еще один проход вроде этого, за ним начинается узкий лаз, который напрямик ведет в монастырский подвал.

- Молодец, Арина, здорово поработала, но как тебе удалось побороть страх перед замкнутыми пространствами? Ты же не могла долго находиться под землей.

- С трудом, Петька. Просто я все время думала, что должна остановить Часовщика, иначе он совершит еще столько страшных поступков.

Я первым пролез в соседний подвал, и мы продолжили путь к логову смертельно опасного, обладающего магической силой маньяка.

Фонарь был только у Арины, и это создавало дополнительные неудобства – мы со Светкой все время спотыкались и даже пару раз налетали на углы извивавшегося подземного хода. Наконец из-за спины Арины стали видны помещения монастырского подвала. Пройдя через несколько сводчатых залов, она вывела нас к комнате, оборудованной стариком под часовую мастерскую.

Луч света скользнул по стеллажам и задержался на неподвижной, похожей на человеческую фигуре. Светка тихонько вскрикнула, но повода для тревоги не было – перед нами стоял так и не обретший душу автомат, в свое время предназначавшийся Незнакомцу.

- А где Амалия?

- Не знаю, Петька. Обычно в это время она приходит сюда отдыхать. Часовщик заново заводит пружину, смазывает механизм. Вчера вечером я сама видела, как это происходит.

- Без сомнения, она видела... - Неожиданно вспыхнувший свет ослепил нас. – Добро пожаловать в мою скромную обитель, молодые люди.

Часовщик вышел на середину комнаты и, скрестив на груди руки, ухмылялся своей фальшивой улыбкой. После мгновения испуга меня вновь захлестнула волна ненависти. Коварный, безжалостный убийца смеялся нам в лицо, уверенный в своей победе, но он выбрал неудачное время для торжества! Горя желанием отомстить, я ринулся вперед, но почему-то споткнулся и неуклюже рухнул на пол. Можно было подумать, что некто ловко подставил мне подножку. Взвизгнула Светка.

- Девчонки, бегите!

- Они никуда не побегут, мой мальчик, - зашелестел над ухом вкрадчивый голос. – Светлана слишком напугана, а Арина... О золотоволосая красавица с изумрудными глазами, услада горьких дней одиночества... Арина-Арина... Зачем ей бежать из родного дома?

Иногда до меня очень медленно доходит смысл сказанного. Поднявшись с пола, я посмотрел в раскосые глаза своей напарницы:

- Ты – одна из них?

- Этого мог не заметить только слепец или влюбленный юнец, - звонко рассмеялась она. – Ах, Петр, тебя сгубила любовь! Это трогательно... Запомни, она ослепляет, не дает распознать правду. Открою маленький

секрет: манекены так легко прикидываются людьми потому, что каждый видит не то, что есть, а то, что желает.

- Я не понимаю, - вмешалась обретшая дар речи Акулиничева, - а как же автомат, который она сбросила со стены?

- Плановая замена выработавшего свой ресурс механизма, - усмехнулся Часовщик. – Веселый разбойничек Леха Кудрявый всего несколько часов обходился без тела, а потом его душа вошла в новый автомат.

- Значит, блондин с челкой и манекен, которого Петя утопил в пруду, были одним и тем же человеком?

- Если совсем точно, оба механизма оживляла одна душа. Между прочим, устроить из плановой процедуры эффектное шоу предложила Арина. Она стремилась завоевать ваше доверие, а что может быть убедительнее, чем публичное уничтожение одного из противников? Зрелище впечатляло, не правда ли?

- Но ради чего?

- Такой настойчивый, сообразительный парень, как ты, Петр, в любом случае докопался бы до истины, узнал бы тайну старого мастера. Я предпочел открывать ее сам – когда это необходимо. Благодаря стараниям Арины вы всегда отставали на один шаг. Она указала слабую струну Виктории, и я заманил девчонку в свои сети, они поссорили тебя со Светланой, тем самым воспрепятствовав встрече с Незнакомцем, который слишком хорошо осведомлен о моих планах, она...

- Часы! – охнула Светка. – Что с часами?!

- О да, вы проспали самое значительное событие в истории человечества. Начало его конца. Стрелки указали тринадцатый час, время стало уязвимым, и смерть вздрогнула от ужаса. Путь свободен. Теперь я смогу пройти туда, куда стремился не одно столетие.

- Столетие... - пробормотал я. – Вы сказали – столетие...

- Всегда удивлялся твоей наивности. – Арина достала из кармана зеркальце, припудрила нос и поправила волосы. – Правда, смазливое личико? Знаешь, сколько мне лет? А Дмитрий Дмитричу? Нас собирал сам Мастер, детали механизмов навсегда сохранили тепло его рук. Пожалуй, Петр, я для тебя немного старовата...

- Довольно праздной болтовни, Арина! – Часовщик сделал шаг вперед, гордо поднял голову. – Да, я такой же, как они. У меня нет крови, нет дыхания, но у меня есть воля, и я, вопреки всему, достигну своей цели! Виктория поможет мне завершить начатое, ибо только существо из плоти с чистой душой и любящим сердцем. Способно отыскать дорогу к «месту». Теперь, когда все условия соблюдены, никто и ничто не остановит меня!

Часовщик собрался уходить, но его окликнула Акулиничева:

- Пойдите, а что будет с нами?

- Тебе страшно? Почему вы не отказались от своих слабостей в обмен на вечное спокойствие? Впрочем, это уже неважно, маленькая победа не спасет от большого поражения.

- Вы нас убьете?

- Зачем, Светлана? Я не люблю суеты, насилия, потрясений, делаю все тихо и незаметно. Арина заманила вас сюда для того, чтобы вы, дорогие мои спасители мира, не путались под ногами. Терпение, Света. Осталось всего несколько часов, чтобы закончить земные дела, а когда звезды окажутся расположены должным образом, наступит час моего торжества.

Часовщик покинул мастерскую. Я рванул следом, но пальцы Арины сжали локоть с такой силой, что у меня потемнело в глазах. Лживая кукла оттащила нас со Светкой в дальний угол комнаты, а потом ушла вслед за Часовщиком. За их спинами со скрежетом опустилась решетка, и в помещение погас свет.

Спотыкаясь о мебель, я бросился к решетке и с неожиданной яростью начал молотить по ней кулаками. Обида, злость, желание отомстить слились в одно жгучее чувство, раздиравшее меня изнутри. Я кричал какие-то глупости и ненавидел весь мир.

- Петя, Петя, что с тобой? – донеслось из темноты. – Ты никогда не был таким бешеным.

- Они обманщики, лжецы! Я ненавижу, ненавижу Арину!

- Но это еще не повод, чтобы разбивать голову о ближайшую стену.

Пожалуй, это и в самом деле выглядело довольно нелепо. Взяв себя в руки, я занялся поисками выключателя, но вскоре понял тщетность своих усилий – обшарить наощупь каждый сантиметр просторного помещения было практически невозможно. В подzemелье не проникало ни единого лучика света, и окружавшая нас темнота казалась осязаемой – густой, вязкой и тяжелой. Добравшись до Светки, которая сидела, прислонясь к запертой двери меньшей комнаты мастерской, я устроился рядом. Сперва мы попытались обсуждать случившееся, но черная тишина заставила нас умолкнуть – в этой огромной могиле царствовало безмолвие. Впрочем, один звук все же нарушал гнетущую тишину – каждые полчаса из-за запертой двери доносился размеренный бой часов. Я засыпал, просыпался, считал удары и вновь впадал в беспокойный, тревожный сон.

- Уже полночь... - донеслись сквозь дрему слова Акулиничевой. – Нас, наверное, давно ищут по всему городу...

День тринадцатый. СВЕЧИ НА СНЕГУ

- Вы не хотите совершить путешествие?

Я открыл глаза. Комнату заливало золотистое, похожее на свет заходящего солнца сияние, на его фоне особенно четко вырисовывался силуэт высокого мужчины. Это был Незнакомец в Черном.

- С удовольствием, - обрадовался я, - только для начала помогите выбраться отсюда.

- Для нашего путешествия это необязательно, а вот помощь Светы необходима.

- Моя помощь? – удивилась Акулиничева.

- Теперь, когда Арахна раскинула над миром свою паутину, а часы указали тринадцатый час, к цели может пройти всякий, кто сумеет отыскать дорогу. Часовщик взял в проводники Викторию, а я предлагаю эту роль тебе.

- У меня не получится.

- Юное создание с чистой душой и сильными чувствами непременно найдет путь в страну, которой нет ни на одной карте.

- Мы собираемся прогуляться к заснеженным холмам?

- Да, Петр. Но прежде прими мой совет – не оставляй в своем сердце места для ненависти и злобы. В большей мере эти чувства принадлежат не тебе, а Часовщику. Посмотри, куда завела его эта месть, подумай, стоит ли идти по этой дороге. Ныне Часовщик – обезумевший злодей, собравшийся погубить мир, но раньше, давным-давно, это был талантливый мечтатель, стремившийся облагодетельствовать человечество. Он хотел победить смерть и научиться управлять временем. Однажды ему открылось видение – горящие свечи на снегу, и он понял, что это за место. Долгие годы искал Часовщик дорогу к недостижимым холмам. По всему свету собирал он крупницы древних знаний, сопоставлял, анализировал трактаты магов и мудрецов, пытаясь постичь смысл туманных пророчеств. Ему это удалось. Оказалось, что собранные воедино и сконцентрированные особым образом чувства людей могли превратиться в тропу, ведущую к «месту». У этого способа пройти к заснеженным холмам был только один недостаток – люди, чьи эмоции создавали тропу, гибли от равнодушия много раньше отмеренного им на земле срока. Но разве такой «пустяк» мог остановить человека, стремившегося к всеобщему счастью! Часовщик отлично понимал, что своими действиями обрекает на страшную медленную смерть сотни, если не тысячи ни в чем не повинных людей, но он решил принести эту жертву во имя благоденствия и счастья всего человечества. Технически проложить тропу было довольно сложной задачей, потребовались специальные автоматы, ибо только созданные человеком монстры могли забирать эмоции, часы и прочее, прочее... Но Часовщик отличался завидным упорством и, преодолев все преграды, начал прокладывать свою тропу. Остановил его гнев людей. Предчувствуя неминуемую расправу, Часовщик решил перебраться после смерти в механическое тело и отомстить тем, кого недавно хотел облагодетельствовать.

- Он задумал погасить все свечи?

- Да, погасить все свечи, - повторил вслед за Светкой Незнакомец. – Все до единой. Наш мечтатель всегда был категоричен и привык решать за других. Всеобщее благо или всеобщая гибель...

- Но что это за «место»? – перебил я любившего порассуждать Незнакомца.

- «Место», просто «место». У него нет другого названия, - улыбнулся он.

- Тогда чего мы медлим?! Скажите, как туда попасть? Нужны заклинания, особые ритуалы? Это сложно? Опасно?

- Нет. Часовщик проложил тропу, и теперь мы просто воспользуемся ею. Сосредоточься, Света, напруги воображение и попытайся представить, как ты вводишь нас к покрытым снегом пологим холмам. Ты видишь их?

- Кажется...

- Начиная путь, помни, откуда ты пришла, не отдавайся видениям полностью, иначе можно заблудиться и навсегда остаться в пустоте небытия. Что же касается тебя, Петр... Отдайся чужой воле и следуй за Светланой.

Золотистый свет померк, и мастерская вновь погрузилась в темноту. Мрак был густым и непроницаемым, но спустя некоторое время я заметил, что где-то далеко впереди мерцает полоска светлого тумана. Меня взяли за руку и повели к свету... Путь оказался неблизким. Холод все сильнее пронизывал тело, но мы все шли и шли по невидимой лестнице, спускаясь к озаренным светом свечей холмам. Потом я увидел на сияющем ковре безобразную проплешину, и сердце мое сжалось от тоски и отчаяния.

Среди погасших свечей стояли двое. Роскошно одетая Барышева быстро, один за другим гасила живые огоньки, а за ее страшной работой наблюдал незнакомый юноша – статный, высокий, с золотистыми волнистыми волосами и красивым бесстрастным лицом. Часовщика нигде не было видно.

- Вика, прекрати, ты их убиваешь! – заорал я, пытаюсь остановить Барышеву, но она не отреагировала, продолжая тушить свечи.

- Вам не докричаться до нее, - невозмутимо заметил золотоволосый красавчик. – Вы жалкие неудачники, неспособные побеждать. Зачем ты привел этих детишек, Незнакомец? Наблюдать за моим торжеством?

- А где же Часовщик? – спросила озиравшаяся по сторонам Акулиничева.

- Вы привыкли воспринимать меня несколько иначе, друзья мои? – Глаза странного юноши казались осколками голубого льда. – Дмитрий Дмитрич – оболочка, в которой я вынужден был провести не одно столетие. Обличье нелепого, выжившего из ума старикашки помогло мне жить и

делать свое дело, не вызывая ничьих подозрений. Еще недавно я ненавидел этого уroda...

- А теперь? – внезапно спросил Незнакомец. – Скажи, каково это – победить и не чувствовать удовлетворения от победы?

- Я победил.

- Да, но в твоем сердце нет радости. Идя к заветной цели, ты не учел самого главного – за все надо платить. У того, кто отважился проложить дорогу к «месту», оно забирает самое дорогое. Для тебя это были чувства – единственная связь с миром живых людей, которой ты так дорожил. Ты хотел покарать живущих на Земле, лишив их эмоций, и сам заплатил той же монетой. Согласись, это справедливо.

- Я сохранил разум. Эмоции – ничто, они только беспокоят, приносят боль. Теперь мне понятно, что ты задумал, беспокойный призрак, но поверь, тебе не удастся сделать это.

- Посмотрим. – Незнакомец шагнул навстречу Часовщику и остановился, не в силах двинуться дальше.

- Ты слабее меня. Моя тайна так и осталась неразгаданной.

Пока призраки выясняли отношения, я вновь попытался помешать Виктории гасить свечи, но понял, что не могу приблизиться к ней. Создавалось впечатление, что Барышеву и Часовщика окружала невидимая, но непроницаемая стена. Похоже, мы и в самом деле напрасно посетили таинственное «место» - и здесь, и в нашем мире не было силы, способной

остановить Часовщика. Я почти признал его победу, но последняя произнесенная им фреze насторожила и заставила задуматься. Интересно, о какой неразгаданной тайне говорил Часовщик и почему, обладая огромным могуществом, он не поленился запереть нас в подвале? Возможно, он чего-то боялся. Я напряг память, возвращаясь к преследовавшим меня чужим воспоминаниям – смертной тоске погребенного заживо человека, ярости, желанию отомстить. Потом мне представился пришедший к крепостной стене Незнакомец, его пристальный, жгучий взгляд, обращенный на древнюю кирпичную кладку, вспомнилась легенда, рассказанная Светкиной матерью... «Его тело – источник зла. Только огонь уничтожит чары!» - прозвучало в ушах, и я наконец понял, как должен поступить:

- Света, ты можешь отвести меня назад?

- Надеюсь. Для этого мы должны развернуться и идти вон туда. Но зачем? Все кончено?

- Наоборот – начинается. На земле нас ждет одно дельце.

Уходя, я обернулся, посмотрел на стоявшего среди зажженных свечей Незнакомца. Он поднял голову – в его темных глазах мерцали огоньки радости:

- Торопитесь, вы нужны здесь.

- Мы вернемся. Обязательно вернемся.

- Удачи вам, - он помахал рукой.

- Вы никуда не пойдете, - вмешался Часовщик, - я не позволю... Я приказываю...

- У «места» свои законы. Каждый приходит сюда и покидает эти холмы добровольно.

Не обращая внимания на протесты Часовщика, мы со Светкой нащупали первую ступень невидимой лестницы и начали подниматься по ней, торопясь как можно скорее вернуться в наш мир. Путь домой оказался короче и проще – очень скоро я почувствовал, что сижу на полу, прислонившись спиной к стене, и моя правая нога слегка онемела от неудобного положения. Вокруг был полный мрак, а из-за запертой двери слышался бой часов. Кажется, они отсчитали три удара.

- Что ты задумал? – донесся из темноты голос Акулиничевой.

- Старик оказался куклой, но настоящее тело Часовщика не сгнуло, оно замуровано в крепостной стене. Помнишь, об этом рассказывала твоя мама. Мы должны сжечь труп.

- Я боюсь покойников.

- Еще немного, и все забудут, что такое страх, а заодно и все остальное. Ты этого хочешь? Не загадывай вперед, Светка. Для начала мы должны выбраться отсюда, и сейчас это главная задача. Ищи выключатель: в темноте не нащупаешь механизм, открывающий решетку.

Светка и я, как пара слепцов, принялись обшаривать мастерскую. Во время поисков мы несколько раз натыкались друг на друга, что производило на обоих весьма неприятное впечатление. Темнота действовала на нервы, пугала и навевала отчаяние. Иногда мне начинало казаться, что я ослеп...

- Кто бы мог подумать, что выбраться из какого-то дурацкого подземелья сложнее, чем пройти к «месту»!

- Петя, мы можем просто протиснуться между прутьями решетки, - донеслось из темноты. – Это несложно.

- Однажды я пробовал – бесполезно.

- Тогда ты был с Ариной, она всему мешала. Промежутки между прутьями неодинаковы, просто надо выбрать самый широкий.

- Тебе легко рассуждать, ты тощая.

- Не тощая, а изящная. Иди скорее сюда!

Ориентируясь по голосу, я добрался до преграждавшей выход из мастерской решетки. Акулиничева ухватила меня за руку и подвела к прутьям:

- Я уже на свободе. Смелее, Петя, здесь даже слон пролезет.

Иного способа покинуть мастерскую не было, поэтому пришлось рискнуть и попытаться просунуть голову между прутьями. Вскоре стало понятно – я бесповоротно и намертво застрял в ловушке.

- Света, иди к крепостной стене, найди замурованную нишу и пробей...

- Шутишь? Как я проломлю кирпичную стену? Лучше поиграем в «репку».

Сказав так, Акулиничева изо всех сил потянула меня за руку, я выдохнул воздух, съехался и внезапно, потеряв равновесие, рухнул на пол.

- Осторожно! – Светка взвизгнула, а потом рассмеялась. – Тебя выдернули, как молочный зуб.

Вообще-то нам было не до смеха, ведь выбраться из мастерской еще не означало покинуть подземелье. Мы оказались в абсолютно темном, просторном монастырском подвале, и одном из залов которого находился лаз, показанный нам Ариной. Найти его было нереально, и я решил воспользоваться подземным ходом, который начинался прямо напротив решетки. Признаюсь, я не ожидал, что пугливая Светка так легко согласится «вслепую» пройти по тесному, пахнувшему влажной землей подземному ходу, но она только вздохнула:

- Надеюсь, крысы сюда не заглядывают, здесь слишком неудобно, - и, взяв меня за руку, первой вошла в узкий проход.

- Стойте! Вам было велено оставаться в мастерской! – свет карманного фонарика ослеплял, но я сразу узнал голос Арины. – Немедленно возвращайтесь.

Мы попятились, шаг за шагом отступая к монастырскому подвалу.

- Арина, подожди, - обратился я к той, которую вопреки разуму и здравому смыслу продолжал воспринимать как обычную девчонку. – Конечно, ты долго служила Часовщику, но рано или поздно наступает время, когда надо все менять. Оставь этого маньяка и живи как обыкновенный человек.

- Идите быстрее или умрете, - вместо ответа приказала Арина.

В подземелье было довольно светло – его освещал второй фонарик, находившийся в руке стоявшей у решетки Амалии. Наклонившись к Светке, я шепнул на ухо:

- Не бойся. Мы с ними справимся. Манекены очень уязвимы, достаточно сбить их с ног, чтобы они сломались.

В руке Арины блеснули наручники:

- Довольно болтать, пристегни девчонку к решетке...

Времени для раздумий не оставалось. Выхватив из-под куртки гаечный ключ, я бросился к автомату. Атака не удалась – уверенной рукой Арина

швырнула меня на пол и нанесла несколько чувствительных ударов. Перед глазами промелькнули сцепившиеся, как кошки, Светлана и Амалия, а потом началась настоящая свалка. Фонари валялись на полу, отбрасывая на стены желтоватые пятна света. При таком освещении трудно было разобраться в происходящем, но, похоже, перевес все время оставался на стороне автоматов. Они были сильнее, безжалостней и не знали усталости.

- Получилось! Получилось! – радостно закричала Светка. – Получилось!

Мы с Ариной прервали драку, пытаюсь понять, что же произошло. Амалия неподвижно лежала на полу, а из ее груди торчали какие-то пружины и рычаги.

- Я толкнула ее, она ударилась об угол стены и... - пожала плечами Акулиничева. – Ты прав, Петька, это совсем нетрудно.

- Арина, ты проиграла. Автоматы не созданы для драки. Против двоих у тебя нет шансов. Давай забудем прошлое и уйдем отсюда все вместе.

- Никогда. – Арина покачала головой. – Мастер собирал эту куклу, уже находясь в механическом теле, и потому она оказалась далека от совершенства. Он делал для меня это новоеместилище души, но я отказалась, предпочтя старое, проверенное тело. Вы даже не догадываетесь, на что способны автоматы, собранные руками самого Мастера!

Оттолкнув меня, она в два прыжка оказалась возле Акулиничевой и, не дав опомниться, схватила ее за горло. Светка пискнула, обмякла, с ужасом косясь на невозмутимо улыбающуюся Арину.

- Ты все еще уверен в своей победе? Найди на полу наручники, подойди к решетке и пристегни себя к пруту. Делай все медленно, спокойно и без фокусов. Я одним движением пальцев могу сломать ей шею.

- Арина, Часовщик бросил тебя. Он пробрался к «месту» и теперь навсегда останется там. Он будет гасить свечи, и мир вокруг нас превратится в ад. Я должен его остановить.

- Мастер никогда ни в чем не ошибается. Если он решил уничтожить человечество, значит, на то есть свои причины. Вы заслужили это! Знаешь, как много связывает меня с тем, кого вы зовете Часовщиком? Очень давно, еще в человеческих телах, мы полюбили друг друга, но счастье оказалось таким коротким... Фанатики, боявшиеся тех, кто владел тайнами науки, преследовали нас по всей Европе, громили мастерские, сжигали бесценные книги. Однажды они загнали нас в ловушку, и я поняла, что только ценой собственной жизни могу спасти Мастера. Меня растерзала обезумевшая толпа. Веселая смерть, не правда ли, Петр? Не сожалею... Мастер воскресил меня, подарив это тело. А вскоре фанатики убили и его... Толпа... Я ненавижу толпу! Вы все и есть толпа! Безликая, жаждущая крови, уничтожающая всех, кто посмел отличаться от нее. Пусть погаснут все свечи – это будет справедливым возмездием!

- Арина!

Она не ответила, пытаясь справиться с волнением, вытерла глаза свободной рукой, а потом, тряхнув несчастную Светку, заговорила вновь:

- Ты был смешон, когда предлагал мне жить, как все. Кроме этого подземелья, у меня нет и не может быть иного мира. Я навсегда связана с Мастером. В память о нашей «дружбе» я сохраню тебе жизнь, Петр. Делай, что велено, иначе я разделаюсь с этой несносной девчонкой!

Светке грозила большая опасность, но меня охватило какое-то странное спокойствие – я знал, что обязан остановить Часовщика, какую бы за это ни пришлось заплатить цену.

- Арина, смотри, а тебе на ногу крыса заползла, - негромко произнес я.

Фраза произвела должный эффект – высокий, закладывающий уши визг Акулиничевой многократным эхом отразился от сводов подземелья. Секундного замешательства мне хватило для того, чтобы подскочить к Арине, оттолкнуть ее от Светки, опрокинуть на пол и занести над золотоволосой головой валявшийся тут же гаечный ключ... Но ударить я так и не смог. Арина открыла свои изумрудные глаза, поймала мой взгляд:

- Сломай старую игрушку, у меня все равно нет будущего. Пусть пружина лопнет.

Рука с зажатым в кулаке ключом безвольно опустилась. Если раньше я без сомнения крушил железных уродов, то теперь почувствовал, что совершаю убийство:

- Расстанемся с миром, Арина.

Она оперлась на протянутую руку, встала, а потом на меня обрушилась лавина боли. Расчетливые, точные удары, наносимые железной рукой, не прекращались ни на секунду, лишая возможности сопротивляться. Я медленно сполз на пол, прикрыл голову руками, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание. В ушах звучал отчаянный визг Акулиничевой...

Было очень-очень тихо. Кто-то осторожно провел рукой по моей голове:

- Петя, ты жив?

- Кажется... - Я приподнялся, представляя, как собираю свои разбросанные, переломанные косточки. – Что случилось?

- Еще немного, и она разбила бы тебе голову. Я попыталась ей помешать, но и сама получила по полной программе. Петя, меня еще никто никогда не бил... - Акулиничева жалобно всхлипнула. – А потом Арина размахнулась для решительного удара, послышался жуткий скрежет, лязг – и все...

Я поднял голову и увидел перед собой застывший в неудобной позе автомат. Это была очень старая, выдававшая виды кукла. Особенно обращали на себя внимание ее растрепанные, сделанные из обрывков пакли волосы и грязно-желтое уродливое лицо с отколотым кончиком носа.

- Кто это?

- Как? Это же твоя лучшая подруга.

Ехидная Светка не обманывала – надетые на манекен потертые джинсы и футболка действительно принадлежали Арине.

- Ей было триста лет. Слишком большой износ механизма. Наверное, лопнула пружина.

- Она сломалась от злости. Я всегда недолюбливала эту Арину и, как видишь, оказалась права.

Подхватив фонари, мы устремились к узкой дыре подземного хода.

Пробираясь по узкому коридору, я все время думал, сможем ли мы выбраться из подземелья или, не сумев открыть каменную дверь, вынуждены будем вернуться назад. К счастью, мрачные прогнозы не оправдались. Акулиничева первой обнаружила находившийся неподалеку от входа рычаг, нажала на него, бесшумно отодвигая вбок тяжелую плиту. От волны свежего, пахнущего цветами и дождем воздуха у меня перехватило дыхание, и закружилась голова. Выбравшись из-под пышных ветвей бузины, мы осмотрелись. Небо затягивали облачка, накрапывал мелкий дождичек, а вокруг не было ни души.

- Петя, сколько сейчас времени?

Я посмотрел на часы – они были разбиты вдребезги. Скорее всего, «Звезда» сломалась в тот момент, когда Арина с яростью молотила меня по голове.

- Не знаю. Когда мы покинули «Место!», за стеной пробило три часа.

- Я тоже слышала и думала, что это три часа ночи... Но тогда бы еще не рассвело. Неужели мы пробыли в подземелье больше суток?! – всплеснула руками Акулиничева. – Мама меня убьет.

Поднявшись по склону бугра, мы направились к крепостной стене. Я довольно сильно прихрамывал – Арина здорово заехала мне по колену, но старался не отставать от шустрой Светки. Обернувшись, она спросила:

- Как мы отыщем замурованную нишу? Стена такая длинная...

- Это место мне показал Незнакомец.

Мы выбежали на заросший одуванчиками лужок и осмотрелись. Сколько раз нам доводилось гулять в этих местах, прятаться от дождя в полутемных нишах, и никто из ребят не обратил внимания на то, что они были расположены на неравном расстоянии одна от другой! Я подбежал к самому большому промежутку между низкими, глухими арками, постучал по кирпичной стене, и гулкий звук подтвердил мою догадку:

- Он там!

- И что теперь?

- Разобьем стену.

- Как? – Акулиничева посмотрела на меня с сочувствием. – Головой?

- Я сбегаю за инструментами. Может быть, приведу подмогу. А ты останешься здесь.

Велев Светке собрать как можно больше горючего мусора, я направился к выходу из парка. Город производил странное впечатление, и мне никак не удавалось понять, что же сейчас – день или раннее утро. Отсутствие людей на улицах можно было объяснить тем, что город еще спал, но открытые настежь двери булочной и Сбербанка напрочь отвергали это предположение. Потом я увидел первый брошенный автомобиль, стоявший с распахнутыми дверями и незаглушенным мотором прямо посреди проезжей части. Чуть дальше мне попалась еще пара таких машин. В конце улицы промелькнула чья-то фигура.

- Эй, стойте! Что случилось?

Прохожий молча пошел своей дорогой, зато из верхних окон соседнего дома донесся душераздирающий вопль. Чем дальше я шел вперед, тем страшнее становилось. Город не обезлюдел, но его обитатели явно лишились рассудка. Все чаще до меня доносились дикие крики, все чаще встречались люди с пустыми глазами, равнодушно проходящие мимо горящих домов и машин. Под ногами хрустели осколки разбитых витрин, а несколько раз попадались и размазанные по асфальту лужи крови.

Скрывшись от этого кошмара в еще не охваченном безумием дворе своего дома, я вбежал в подъезд и поднялся на пятый этаж. Дверь открыл дед. Его лицо превратилось в равнодушную маску.

- Петр, вытри ноги и сними обувь, - приказал он, никак не прореагировав на мое долгое отсутствие.

- Дедушка! Деда!

- Не забудь вынести мусор! – даже не обернувшись, он прошел в комнату и устоялся в пустой, подернутый мелкой рябью беспрограмья экран телевизора.

Ужасаться и рыдать было некогда. Прихватив инструменты и несколько бутылок с лаком и растворителем, я выбежал из дома. Дальний угол двора скрывало облако пыли – ребята, как в старые добрые времена, самозабвенно гоняли мяч, не замечая воцарившегося вокруг безумия.

- Артем! Мишка! Макс! Толик! – окликнул я мальчишек. – Вы знаете, что случилось в городе?

Конечно же, они не догадывались о происходящем и только теперь, когда игра прервалась, обратили внимание на доносившиеся с улицы крики, почувствовали запах гари.

- Взорвали что-нибудь? – поинтересовался Артем.

- Объяснять некогда. Если хотите все исправить, идите за мной.

Уговаривать никого не пришлось, встревоженные ребята побежали в сторону парка, но, когда я на ходу объяснил, что надо делать, энтузиазма у них поубавилось. Первым остановился не любивший ввязываться в авантюры Максим.

- А у тебя самого мозги в порядке? – с сомнением спросил он.

- Остынь, Макс. Посмотри по сторонам. – Артем Кононов указал на лежавшее неподалеку распростертое тело. – Если люди пачками сыплются из окон – это явно не к добру. Будем надеяться, Петька знает, что делает.

Вскоре мы уже подбегали к крепостной стене. Возле нее металась бледная, напуганная до полусмерти Акулиничева:

- Петя! Зачем ты оставил меня одну! Все сошли с ума. Здесь такое, такое было...

- Спокойно, Светка. Оставь переживания до лучших времен. Хворост собрала?

- Да, - Утерев слезы, она указала на большую грудку сухих веток, картона и разломанных ящиков из-под фруктов.

Артем первым взялся за дело, и, вооружившись ломом, начал долбить древнюю стену. Во все стороны полетели бурые осколки кирпича, а каждый удар отзывался гулким эхом.

- Покушение на памятник истории, совершенное с особым цинизмом, - пробормотал Максим и присоединился к своему приятелю.

Мы сменяли друг друга, с остервенением круша старые, оказавшиеся очень прочными кирпичи. Редкие посетители парка не реагировали на «циничное покушение», поглощенные собственным безумием.

- Есть! – внезапно завопил Толик, когда острое ломика вошло в глубь стены. – Есть!

Мы начали активно расширять отверстие.

- Ой!

Акулиничева закрыла лицо руками и поспешно отвернулась. Свет солнца впервые за несколько веков упал на широкий оскал мумии.

- Черт! – выругался Толик. – Толкачев, на фиг ты это затеял?

Стараясь не смотреть на страшный скелет, пустые глазницы которого, казалось, следили за каждым моим движением, я вылил на него горючее содержимое бутылок и чиркнул спичкой. Взметнувшийся на несколько метров столб пламени заставил нас отскочить от ниши.

- Ребята, подбрасывайте хворост! – крикнула стоявшая поодаль Светка. – Он должен сгореть дотла!

Потом мы отошли в сторону, наблюдая за полыхавшим у стены костром. Я выполнил все, что должен был сделать, но избавления не наступило – где-то в иной реальности Часовщик продолжал гасить свечи, а здесь появлялись все новые и новые безумцы... Расстроенные и злые ребята разошлись по домам, и у крепостной стены остались только я и Акулиничева.

- Света, мы должны вернуться.

- Зачем?

- Я обещал. Там остались Вика и Незнакомец. Надо вывести их оттуда.

- Зачем? – повторила печальная Светка. – Здесь намного хуже. Мы проиграли, Петька, скоро Часовщик уничтожит весь мир.

И все же Акулиничева согласилась вновь отвести меня к «месту». Не зная иной дороги, мы решили вернуться в подземелье и в точности повторить все наши действия. Спускаясь в подземный ход, я с содроганием представлял скрытые тьмой неподвижные механические тела. Что, если злая воля вновь даст им подобие жизни, и холодные стальные пальцы сомкнутся на моем горле? Что, если Арина ждет меня, желая утащить в ад? Мрак пугал, и все же надо было идти вперед...

Вдали забрезжила узкая полоска света. Мы прибавили шаг, торопливо спускаясь по невидимой лестнице. «Место» озаряло бесчисленное множество трепетных огоньков, и с высоты черное пятно погашенных

Часовщиком свечей казалось не слишком большим. За время нашего отсутствия на заснеженных холмах не произошло никаких перемен. Часовщик и Незнакомец все так же неподвижно стояли друг против друга, а Барышева возилась со свечами.

- Вы успели, - улыбнулся Незнакомец в Черном. – Времени осталось совсем немного, но вывести отсюда Викторию вы еще сможете.

- В городе – сумасшедший дом. Люди не ведают, что творят, некоторые даже убивают себя. Это по-настоящему страшно.

- Когда гаснет свеча, чувства приходят в смятение, душу захлестывает ужас, а потом человек погружается в безразличие.

- Петя, смотри, она зажигает свечи! – прервала нас Акулиничева. – Вика не гасит, а зажигает огни!

- Да. Советую вам присоединиться к ней, - невозмутимо заметил Незнакомец. –Теперь, когда тело Часовщика предано огню, он утратил большую часть своей магической силы.

- Никому не удастся помешать мне – вступил в разговор юноша, чье лицо напоминало прекрасную маску, а голос не выражал никаких чувств. –У нас впереди целая вечность. «Место» дарует бессмертие.

- Только тому, кто останется здесь. – Незнакомец шагнул навстречу Часовщику, и тот отступил назад, сохраняя прежнюю дистанцию. – Ты

больше не волшебник. Отныне мы равны. Мы всего лишь два одиноких призрака, так и не нашедших забвения.

- Никогда между нами не будет равенства. Посмотри на себя, Незнакомец. Всю жизнь тебя терзали нелепые страсти – любовь, жажда творчества, честолюбие, отчаяние. Чувства, не разум руководили тобой, и из-за них ты умер молодым.

- Да, с недавних пор Часовщик стал воплощением бесчувственного интеллекта, - усмехнулся Незнакомец, - и этот совершенный разум подсказывает ему, чем закончится наша встреча. Не так ли, Мастер?

Признаюсь, я вполуха слушал рассуждения призраков, торопливо зажигая потухшие звезды. Рядом усердно трудились Барышева и Акулиничева, стремясь наверстать упущенное и вновь затеплить огоньки безвременно угасших чувств. Однако как мы ни торопились, до конца работы было еще далеко...

- У каждого из нас есть то, чего не хватает другому, - звучал голос Незнакомца. – Дай руку, Мастер...

- Не приближайся ко мне, беспокойный призрак. Когда некому будет жалеть о тебе, ты обрешь забвение, - отвечал Часовщик.

- Крайности губят, мы ищем равновесие.

- Постой! Подожди! – встревоженная словами Незнакомца, Барышева оставила свое занятие и подбежала к нему: - Что бы ты ни задумал, не делай этого!

- Ни у кого из нас нет выбора, Вика.

- Не надо!

Незнакомец посмотрел на Викторию своими темными, бездонными глазами, невесело улыбнулся, отстранив ее, подошел к Часовщику.

- Мы уйдем вместе, - произнес он и положил руки на плечи золотоволосого юноши.

«Место» озарила яркая вспышка. Беззвездное черное небо дрогнуло и покрылось мелкой рябью. Наши лица опалил порыв ледяного ветра. Дорожа каждым мгновением, я продолжал зажигать свечи, не глядя по сторонам и пытаюсь не обращать внимания на происходящее.

- Нет!!!

Крик Виктории заставил поднять глаза – на том месте, где только что стояли Незнакомец и Часовщик, бешено крутилась огромная воронка. Она медленно, но неуклонно сужалась, становясь все глубже и глубже. Глядя на страшное отверстие в небе, я сообразил, что с исчезновением Часовщика, скорее всего, сгинет проложенная им тропа, и мы навсегда останемся всемогущими пленниками заснеженных холмов.

- Девчонки, сматываемся! Светка, выводи нас!

- Сейчас, еще минуточку! Это же люди, каждая из них – живой человек!

Светка старалась вовсю, но вокруг нее стояло еще довольно много незажженных свечей. Диаметр воронки сокращался с каждым оборотом...

- Акулиничева! Мы обязаны вернуться домой! Слышишь?!

Она в последний раз посмотрела на незавершенную работу, а потом взяла за руки меня и Вику и повела туда, где был выход в наш мир.

Вокруг сгустилась непроглядная тьма, но стало намного теплее. Судя по всему, в последний момент мы все же успели проскочить в нашу реальность и теперь находились в монастырском подвале. Я попытался нащупать оставленные на полу фонари, но так ничего и не обнаружил.

- Светка, ты вернулась?

- Да, - донеслось из мрака. – Тебе не попадался фонарик?

- Нет. Он куда-то закатился. Как ты думаешь, где теперь Виктория? Мы покинули «место» втроем, значит, она должна находиться поблизости.

- Не думаю. Скорее всего, путешествовали только наши души, а тела остались там, где и были.

Шорох и легкие шаги заставили нас умолкнуть. Я сжался в комок, с ужасом ожидая пришедшей по мою душу Арины. Резко стукнула распахнутая дверь, и на фоне светлого прямоугольника возникла девичья фигурка.

- Эй, здесь есть кто-нибудь? – раздался встревоженный голос Виктории Барышевой.

Только теперь, увидев Вику, я понял, где все это время скрывался Часовщик. Оказывается, он и Барышева находились совсем близко, в соседней, меньшей комнате мастерской, той самой, откуда доносился бой часов. Вика подтвердила эту догадку.

- Я знала, что вы здесь, но ничего не могла сделать. Часовщик околдовал меня. Выход в комнате, больше вам не придется протискиваться сквозь решетку... - Она всхлипнула и, закрыв лицо руками, неожиданно разрыдалась.

- Все в порядке, Часовщик исчез, он больше никогда не вернется.

- Ах, Петька, при чем здесь Часовщик! Тот, другой, он сгинул, пропал навсегда...- плакала Вика, уткнувшись в плечо Акулиничевой. – Они уничтожили друг друга, нейтрализовали...

- А может быть, стали чем-то единым, восстановили равновесие, - попыталась утешить ее подруга.

- Какая разница! Я хотела, чтобы он вернулся в наш мир, а вместо этого...

- Знаешь, Вика, когда Незнакомец пришел ко мне в первый раз после того, как мы простились с ним якобы навсегда, я спросила, что удерживает его на Земле. Он ответил: «Пока кто-то любит и помнит меня, я буду возвращаться снова и снова». Мы ведь будем ждать его, правда»

Желая отвлечь девчонок от печальных тем, я бодро скомандовал:

- Собирайтесь, красавицы, не то опоздаем к обеду! – Мои губы изобразили улыбку, а сердце наполнила холодная тоска – совсем недавно город, в который нам предстояло возвращаться, был городом безумцев.

Уходя, я в последний раз посмотрел в безжизненное лицо Арины и заторопился прочь. Когда мы выбрались из подземелья, солнце почти касалось горизонта, окрашивая низкие тучи в багрово-алые тона.

- Завтра будет сильный ветер, - сообщила разбравшаяся в приметах Светка.

Но настоящий смерч безумия и ужаса пронесся по нашему городу сегодня. Испуганные, изумленные люди бродили по его улицам среди разбитых витрин и обгоревших остовов автомобилей, не понимая, что произошло и какое бедствие обрушилось на их головы. Тревожно лаяли

собаки, а из открытых окон домов доносились не смолкавшие телефонные звонки.

- Петька! Вика! Света!

Из-за перевернутого автобуса появился Сережка Ивойлов. На лбу у него сияла большая ссадина, а брюки были перепачканы глиной и порваны. Он замахал обеими руками и торопливо пошел навстречу:

- Ребята, здесь такое творилось! Вы все самое интересное пропустили...

- Тебе было интересно?

Он посмотрел на меня с удивлением:

- Конечно, а еще больше – страшно. Короче, здесь у всех крыша поехала. Даже у меня. Правда, сначала мне все было по фигу, потом внутри что-то вспыхнуло, и захотелось сразу плакать, смеяться и прыгать на одной ножке. А вокруг... Прямо не жизнь, а фильм-катастрофа! Я здорово струхнул и спрятался в каком-то подвале. Вот такая история. Потом все как-то само собой успокоилось. Знаете, по-своему это даже увлекательно.

- Сережка, а что с Панкратовой и Подбельским?

- Не знаю, я их со школы не видел. – Ивойлов беспечно махнул рукой. – А что им сделается? Ладненько, мне пора...

Сережка умчался прочь, даже не представляя, какая грозная беда миновала его взлохмаченную голову. Там, на заснеженных холмах, мы успели зажечь большую часть свечей, но, увы, далеко не все. А это означало одно: мне, Светке и Вике еще не раз предстоит смотреть в пустые глаза потерявших души людей и испытывать непроходящее чувство вины за то, что мы в спешке пропустили их свечи.

Я и девчонки возвращались домой, еще не зная, что нас ждет впереди. «Всегда надо надеяться на лучшее, - подумал я, крепче сжимая ладошки Виктории и Светланы, - и рано или поздно все обязательно будет хорошо».